

В.Л. Кожевин

**РОССИЙСКОЕ ОФИЦЕРСТВО
И ФЕВРАЛЬСКИЙ
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЗРЫВ**

УДК 940.3
ББК 63.3(2)524
К582

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Рецензенты:

доктор исторических наук *Д.А. Алисов*,
доктор исторических наук *В.А. Зубачевский*

Кожевин, В. Л.

К 582 Российское офицерство и Февральский революционный взрыв монография / В. Л. Кожевин. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – 260 с.

ISBN 978-5-7779-1361-6

Рассматриваются ключевые аспекты истории российского офицерства кануна и начального периода революции 1917 года. Анализируется проблема взаимодействия политического сознания и ментальности офицерства, а также различные жизненные стратегии представителей этой социальной группы, существовавшие в дореволюционной русской армии и возникшие после падения самодержавия. Главным объектом исследования является система ценностей офицерства в контексте его общественно-политической активности, фронтового и тылового быта, важнейшим результатом выступает реконструкция интегральной картины поведения русского офицерского корпуса накануне и в условиях Февральского революционного взрыва.

Для специалистов в области истории России, преподавателей, студентов и всех интересующихся прошлым русской армии.

УДК 940.3
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-7779-1361-6

© В. Л. Кожевин, 2011
© ФГБОУ ВПО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОФИЦЕРСТВА: ПЕРЕКРЕСТКИ ТРАДИЦИЙ	
1. «Уроки» и обычаи военной школы.....	12
2. В армейской «семье».....	32
3. Офицерство и мир штатских: социокультурный аспект взаимоотношений	55
Глава 2. ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО	
1. Особенности религиозного сознания русского офицерства накануне революции 1917 г. Монарх и монархия в системе корпоративных ценностей.....	75
2. Проблемы социальной адаптации и общественно-политичес- кой самоидентификации офицерства в условиях мировой войны	102
Глава 3. ОФИЦЕРСТВО И СОЛДАТСКИЕ МАССЫ В ФЕВРАЛЬСКО-МАРТОВСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА	
1. Трагедия «Балтийского треугольника»: Петроград, Кронштадт, Гельсингфорс.....	130
2. Солдатская революция «по-московски» и офицерство.....	154
Глава 4. ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В СОЗНАНИИ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКЕ ОФИЦЕРСТВА ВЕСНОЙ 1917 Г.	
1. Отречение от императора	172
2. Временное правительство, политические партии и офицер- ство: корпорация под ударом	185
Глава 5. ОФИЦЕРСТВО В ПОИСКАХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ВЕСНА – НАЧАЛО ОСЕНИ 1917 Г.)	
1. «Левый» марш офицерства.....	204
2. Тупики и коллизии шокированного сознания: от создания Союза офицеров армии и флота к Быховской программе.....	225
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	255
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	260

ВВЕДЕНИЕ

Потребность в «модернизации» исторического сознания, которую столь остро ощутило российское общество в конце 1980-х – 1990-х гг., породила живой и вместе с тем прагматичный интерес к наследию русского зарубежья. Казалось, что эмигрантские островки культуры, десятилетиями сохранявшие в неприкосновенности альтернативное видение истории России, как это ни парадоксально звучит, станут источником формирования новых культурных смыслов и вполне аутентичных представлений о прошлом.

Однако стремление к быстрым «преобразованиям» исторического сознания на основе элементарного заимствования привело лишь к облегченному, но далеко не удовлетворительному результату – простой смене знаков и значений, идеализации новых исторических фигур в противовес кумирам советской эпохи. Взгляды участников Белого движения почти без изменений легли в основание исторических построений ряда наших современников. Так, согласно справедливому замечанию видного специалиста по истории Гражданской войны В.Ж. Цветкова, «многие исследователи дословно повторяют оценки Н.В. Устрялова, П.Н. Милюкова, генералов А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, А. Будберга, А.А. фон Лампе, практически не сравнивая их с другими авторами»¹.

Всё это в известной мере коснулось и истории русского офицерства эпохи Смуты. Complиментарные суждения эмигрантских авторов относительно облика всей социальной группы и отдельных её представителей, в особенности вождей Белого движения, почти беспрепятственно переключались в научные и публицистические труды об офицерстве. Между тем и соответствующие документы, и интенсивные исследования последних лет о русской эмиграции отражают пестроту ценностных ориентаций, способов мировосприятия и чувствования истории в пределах интеллектуальной среды «иной» России. Приведем лишь одно, но довольно яркое тому свидетельство.

¹ Цветков В.Ж. Новые источники и историографические подходы в изучении Белого движения в России // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки. М., 2003. С. 20.

В 1922 г в Берлине вышла книга историка и экономиста социал-демократа Д.Ю. Далина «После войн и революций». Рассуждая о перспективах исторического развития России, этот откровенный противник большевизма предрекал мирное перерождение установившегося в стране режима и, соответственно, бессмысленность любых вооруженных акций, на которые рассчитывала русская военная эмиграция. О самом же русском офицерстве автор напишет кратко, но вполне определенно: **«Офицерство самоуверенное до наглости, дикое, пьяное и развратное, беспощадное к солдатам, сплошь терпевшее поражение в обеих последних войнах»** (выделено мною. – В.К.)².

Диаметрально противоположные заявления можно было услышать от философа И.А. Ильина. После высылки из Советской России осенью 1922 г. он установил тесные контакты с деятелями военной эмиграции. Он даже брался за выполнение неких секретных заданий и активно сотрудничал с основанным генералом П.Н. Врангелем Русским общевоинским союзом (РОВС). Ильин чтит жертвы, понесенные русским офицерством, офицерством, в котором он видел тогда будущего избавителя России от большевизма. **«Живой символ моей чудесной родины, символ, в котором правота и честь стали мечом и силою...»** (выделено мною. – В.К.), – так скажет философ об участниках Белого движения в одном из писем, относящихся к 1923 г.³

Оба этих определения предельно категоричны и отражают полюсы восприятия образа офицера в сознании интеллигенции на излете Гражданской войны. Очевидно одно: здесь мы сталкиваемся со стереотипами, имеющими давнюю историю. Но в ту далекую эпоху у каждого, кто выносил однозначный вердикт офицерству, был жизненный опыт свидетеля событий, а потому и свои, обусловленные этим опытом мотивы, исключавшие сомнения. Для наших же современников формирование образа офицера старой русской армии представляет серьезную проблему, хотя бы в силу отсутствия подобного опыта.

В условиях относительного охлаждения интереса широкой публики к трудам профессиональных историков ведущую роль в процессе формирования представлений о прошлом начинают играть другие каналы информации. В отечественной литературе, художественном и документально-публицистическом кинематографе на рубеже XX–XXI сто-

² Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922. С. 8.

³ И.А. Ильин и П.Н. Врангель: 1923–1928 гг // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 6. С. 228.

летий постоянно присутствует проблематика, связанная с историей русского офицерства. Однако и эта сфера освоения исторической реальности не сформировала убедительного и целостного представления о дореволюционном русском офицерстве именно по причине эксплуатации стереотипов, доставшихся в наследство от иной эпохи. Таким образом, в историческом сознании российского общества до сих пор перманентно воспроизводится один и тот же вопрос: «Кто же он, русский офицер?»

Сегодня вопрос этот задают многие, исходя не только из чистого интереса к истории, но и ощущая как потребность, продиктованную переживаемой культурной и общественно-политической ситуацией. К примеру, для офицерского корпуса современной российской армии немаловажно понимание того, в какой степени дореволюционное наследие закрепилось и может сохранять своё значение для нынешнего и будущих поколений офицеров. Можно ли говорить о подлинной преемственности традиций командного состава после событий 1917 года? Действительно ли имела место кардинальная смена профессиональных ценностей, идеалов и жизненных целей командиров, представление о которой ещё недавно заставляло принимать за точку отсчета формирования традиций и этоса советского офицерства начало 1918 года — время создания Красной Армии? Непроясненность проблемы наследия опять же требует приложения новых и новых усилий по прочтению тех страниц истории офицерства, которые повествуют о последнем периоде существования русской армии.

Прошлое российского офицерского корпуса благодаря бесконечному множеству сюжетных и хронологических сцеплений заключает в себе широкие возможности для реализации различных вариантов его изучения. Однако события 1917 г., определяющие существо проблемы «офицерство и революция», даже не являясь предметом специальных исследований, сохраняют свойства важнейшего ориентира для тех, кто так или иначе причастен к изучению офицерской корпорации. Объясняется это тем, что 1917 г. оказался не просто поворотным пунктом, за которым само бытие представителей всей социальной группы претерпело необратимые изменения, но и итоговым рубежом, обернувшимся отчетливой репрезентацией наиболее существенных черт культуры и социального поведения офицерства.

Для историка комплекс теоретических и прикладных задач, сопряженный с темой «Русское офицерство и революция 1917 года», в итоге оказывается чрезвычайно привлекательным. Его предварительное осмысление подталкивает к выдвиганию гипотезы о том, что пери-

од революции являлся также и переходным периодом в бытии самой офицерской корпорации, периодом, когда были созданы важнейшие предпосылки для глубоких изменений корпоративного сознания и поведения, повлекших возникновение новых характеристик социокультурного облика офицерства в зрелой фазе Гражданской войны. Выводы о том, что «белое» офицерство существенно отличалось в этом отношении от офицерства старой русской армии, сегодня действительно можно найти в исторической литературе⁴. Впрочем, есть и другая точка зрения. Американский исследователь П. Кенез, усматривая в консерватизме важнейшую черту мировоззрения офицера, выводит наиболее существенные особенности мышления и поведения командного состава «белых» армий из ключевых характеристик корпоративного сознания дореволюционного русского офицерства⁵.

Таким образом, в современной историографии явно обозначилась проблема, от решения которой зависит возможность адекватной реконструкции интегральной картины социального поведения офицерства в 1917 году и в последующие годы всероссийской Смуты. В значительной степени решение этой проблемы может быть обеспечено за счет корректного и разнопланового сравнительного анализа. Однако литература, охватывающая так или иначе проблематику, связанную с историей «жизни сознания» русского офицерства накануне революции 1917 года, лишь отчасти позволяет опереться на полученные исследователями результаты из-за различия специальных задач, которые в разное время ставили перед собой ученые⁶.

⁴ См.. *Абинякин Р.М.* Социально-психологический облик и мировоззрение добровольческого офицерства // *Гражданская война в России: события, мнения, оценки.* М., 2002.

⁵ *Кенез П.* Идеология Белого движения // *Гражданская война в России: перекресток мнений.* М., 1994; *Kenez P.* *Civil War in South Russia, 1919–1920. The Defeat of the Whites.* Berkeley; Los Angeles; L., 1977.

⁶ *Буравченков А.А.* В ногу с революцией. Киев, 1989; *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993; *Его же.* Трагедия русского офицерства. М., 1999; *Его же.* Русское офицерство как историко-культурный феномен // *Военно-историческая антропология.* Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002; *Гребенкин И.Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973; *Его же.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // *П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем.* М., 1998; *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов (1917–1920 гг.). М., 1988; *Копылов Н.А.* Социально-психоло-

Исторически так сложилось, что исследователи, обращаясь к этой проблеме, первостепенное внимание уделяли эпизодам, иллюстрирующим механизм разделения военной интеллигенции на сторонников и противников советской власти. И здесь точкой отсчета была, как правило, победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. В итоге последствия более ранних усилий личности политически самоопределились оставались за кадром. Между тем на протяжении всего 1917 г не только офицерству, но и миллионам людей, представлявших самые различные общественные слои России, вольно или невольно приходилось решать сложный вопрос политической самоидентификации, причем иногда делать это не единожды.

Конечно, сказать, что результаты каждого акта выбора в прошлом служат непосредственной предпосылкой выбора в настоящем, расширяя либо, напротив, сужая возможности переориентации политического сознания, изменяя спектр вариантов социального поведения, это значит не сказать ничего. Однако, если согласиться с М.Я. Гефтером и соотнести с рассматриваемым вопросом принципиальный вывод историка о событиях 1917 г. – «самое специфическое в революции состоит в том, что главные свои предпосылки она творит собственным ходом»⁷, – становится очевидной важность поиска ключевых звеньев в цепи метаморфоз коллективного сознания и поведения офицерского корпуса русской армии именно в тот период, когда происходило революционное перерождение России.

гический портрет русского офицерства в годы Первой мировой войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005; *Кривицкий А.* Традиции русского офицерства. М., 1945; *Панов А.И.* Офицерский корпус и политические процессы в обществе: мировой опыт и российская действительность. М., 2000; *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. М., 1990; *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России. 1900–1914. М., 2001, *Bushnell J.* The Tsarist Officer Corps, 1881–1914: Customs, Duties, Inefficiency // *American Historical Review*. 1981. Vol. 86. № 4; *Kenez P.* A Profile of the Russian Prerevolutionary Officer Corps // *California Slavic Studies*. 1973. Vol. VII; *Mawdsley E.* The Russian Revolution and the Baltic Fleet. New York, 1978; *Saul N.E.* Sailors in Revolt: The Russian Baltic Fleet in 1917 Lawrence, 1978; *Stein H.P.* Der Officer des russischen Heers im Zeitabschnitt zwischen Reform und Revolution (1861–1905) // *Forschungen zur osteuropaschen Geschichte*. 1967 Bd. 13; *Wildman A.K.* The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldier's Revolt (March – April 1917). Princeton, 1980 и др.

⁷ *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет М., 1991. С. 404.

А что же Февраль? Офицерство в момент Февральского революционного взрыва переживало перманентное состояние политического выбора, который по условиям революции совпадал и с выбором дальнейшей жизненной стратегии. Быть может, Февраль, протяженность которого в историческом времени офицерской корпорации отнюдь не ограничивалась февралем—мартом 1917 г., в силу насыщенности подобными ситуациями, стал одной из решающих вех в процессе выстраивания офицерством своих индивидуальных и групповых поведенческих практик на протяжении всей революционной эпохи? Это как раз и предстоит выяснить. Во всяком случае, на наш взгляд, необходима не только полноценная характеристика содержания основных культурных доминант социального поведения офицерства старой армии, но и выявление степени их устойчивости, описание процессов их трансформации накануне революционных событий 1917 г. Необходимы также четкое определение и анализ тех особенностей корпоративного сознания офицерства, которые на различных этапах революции сыграли первостепенную роль в сложном процессе выбора жизненной стратегии и социальной самоидентификации офицера.

Подобная исследовательская программа с учетом достижений предшествующей историографии предполагает реализацию историко-антропологического подхода. Точнее подхода, который был определен конституировавшимся относительно недавно направлением историописания — военно-исторической антропологией. Эта новая область научного знания зародилась на пересечении собственно военной истории и исторической антропологии. Если для военной истории приоритетной сферой интересов всегда являлись непосредственные военные действия, разработка и ход боевых операций, профессиональная подготовка войск, полководческое искусство, военный потенциал стран и народов в прошлом, то предметная область военно-исторической антропологии определилась благодаря постановке задач комплексного изучения человека, так или иначе соприкасающегося с войной. Данная дисциплина занимается исследованием всего многообразия человеческого опыта, индивидуального и коллективного мышления и поведения, содержание и характер которых обусловлены социокультурным контекстом войн и вооруженных конфликтов.

Если же говорить о разграничении предметной области исторической антропологии и антропологии военно-исторической, то подчеркнем, что они соотносятся как целое и его часть. Историческая антропология в противовес событийной истории, истории социальных структур и инсти-

тутов главный упор делает на исследовании человека, рассматриваемого не только в конкретных пространственно-временных границах его существования, но и, что не менее важно, во всем многообразии его жизненных проявлений. Это и быт, и традиции, и привычки, и образцы поведения, и картина мира, и способы взаимодействия с социальным окружением, характерные для той или иной исторической эпохи. Всё это отражает также и общую направленность исследований военно-исторической антропологии. Специфика последней, однако, заключается в том, что феномен войны здесь оказывается своего рода призмой, через которую исследователь пытается бросить взгляд на всю историю человеческой культуры.

Означенный подход предоставляет хороший шанс всесторонне и системно объять мир человека, приблизившегося к той черте, за которой остается только смерть. Тот, кто участвовал в войнах или просто активно готовился в будущем стать военным, через какой-то срок приобретал качества, отличавшие его от штатского человека. Особый социально-психологический облик, особый образ мышления и поведения выделяют военных из общей массы людей. Таким образом, военно-историческая антропология задает угол зрения, обусловленный признанием особого типа личности, сформированного войной. Иными словами, речь идет об изучении *Homo belli* – «человека войны»⁸

Разумеется, «человек войны» не может рассматриваться изолированно от общества, от важнейших экономических, социальных, культурных и политических процессов, которые определяют ход истории. Поэтому задачи исследования наиболее существенных социокультурных характеристик офицерства, сформировавшихся к 1917 г., не исчерпываются обращением к совокупности поведенческих норм и ценностей, к «ментальной оснастке» этой социальной группы, обусловленных её местом в социальной иерархии, профессиональной принадлежностью и повседневной жизнью. Они включают и оценку тех факторов, которые определяли особенности социального взаимодействия офицерства с другими большими группами российского социума, прежде всего с солдатскими массами и штатской общественностью.

⁸ Подробнее о военно-исторической антропологии см.. *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002; *Кожевин В.Л.* К вопросу о предмете военно-исторической антропологии // Катанаевские чтения: материалы Пятой Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 17–18 апреля 2003). Омск, 2003.

Специфическая культура офицерства, закреплённая в ментальности, в традиционных способах и стиле освоения окружающей действительности, формировалась многими десятилетиями и представляла собой устойчивую основу поведения представителей офицерской корпорации. Накануне революционных событий 1917 г. она, несомненно, играла доминирующую роль при формировании жизненной стратегии и социальных практик офицерства. Однако не стоит сбрасывать со счетов и результаты рефлексии офицерства по поводу происшедших событий. Не стоит также оставлять без внимания и те культурные смыслы, что проникали в корпоративное сознание извне, вместе с идеологическими концептами и политическими установками различных общественных движений. Общий социально-политический и культурный контекст эпохи – войны России, революция 1905 г., общественные умонастроения и устремления, – всё это должно учитываться. Тогда в фокусе нашего исследования оказывается взаимодействие совокупности внешних исторических детерминант с фундаментальными основаниями социального бытия офицерства – устойчивыми, сформировавшимися во многом на уровне подсознания способами восприятия и оценки окружающего мира. Как представляется, именно в этой перспективе оказывается возможным стереоскопическое видение предмета нашего исследования – сознания и поведения, как личности, так и социальной группы, обозреваемых сквозь призму уникального исторического времени.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОФИЦЕРСТВА. ПЕРЕКРЕСТКИ ТРАДИЦИЙ

1. «Уроки» и обычаи военной школы

Офицерский корпус дореволюционной русской армии обладал исключительным многообразием традиций, которые в значительной степени структурировали картину мира офицерства, его этос и поведение. Устойчивые, передававшиеся от поколения к поколению формы социальной активности офицерской корпорации дореволюционной России сопровождали офицера на всём его жизненном пути, включая подготовительные ступени его будущей карьеры.

Как вспоминал выпускник Николаевского кавалерийского училища А. Марков, «каждый шаг юнкера в стенах Школы и вне их, каждая мелочь его быта строго определялись и регламентировались традициями. Школа, в своем целом, начиная от командира эскадрона и кончая последним лакеем, подметавшим дортуар, также руководствовалась в своей жизни этими неписаными законами, которые слагались годами, сами собой, и необходимы везде, где много людей различного характера и разномыслящих принуждены существовать бок о бок в одном и том же месте»⁹

Действительно, военные учебные заведения являлись ключевым звеном в передаче и поддержании традиций российского офицерства. Кадетский корпус или военное училище были тем местом, где мальчики и юноши, следуя особым, иногда неповторимым, но чаще общим для военной школы обычаям, с необходимостью воспринимали совокупность своеобразных представлений и поведенческих стереотипов офицерского сообщества, усваивали требования и нормы существования армейского социума. Потому-то внимательное прочтение означенных страниц истории русского офицерства дает возможность определить

⁹ Марков А. Первые дни в «Славной школе» // Военная быль. 1954. № 9. С. 7

важнейшие ориентиры изучения социокультурного облика офицера, позволяет выявить характер наиболее существенных связей и отношений в структуре социального пространства всей корпорации.

В исторической литературе, посвященной военным учебным заведениям дореволюционной России, подспудно сложилось деление на два типа бытовавших там традиций, причем деление, во многом основанное на эмоциональной и этической позиции самих авторов. Первый тип относится к поведенческой практике воспитанников кадетских корпусов и военных училищ, связанной с высокими общекорпоративными ценностями, включавшими представления о патриотизме, чести, товариществе, верности воинскому долгу. И здесь общий положительный контекст сомнений не вызывает. Как справедливо подчеркивает, например, А.М. Лушников, «во всей военно-образовательной системе, на рубеже XX в. сложились устойчивые традиции и корпоративные отношения. Будущее офицерское товарищество формировалось в годы учебы, как и понятие об офицерской чести. Повсеместно была распространена нетерпимость к доносительству, уважение к старшим, обостренное отношение к проявлению непорядочности»¹⁰

Можно согласиться и с выводами В.М. Крылова, который, рассматривая совокупность кадетских традиций, отмечал, что благодаря их наличию у будущих офицеров формировались «самоотверженное служение Отечеству, верность воинскому долгу, патриотизм; глубокие профессиональные знания, широкая образованность и эрудиция; высоко развитое чувство войскового товарищества, порядочности и чести»¹¹ Следует отдать должное усилиям исследователей, стремившихся выделить базовые ценности воспитанников российской военной школы путем анализа официально культивировавшихся традиций. Однако когда в литературе речь заходит об отдельных традициях неформального поведения, то им за редким исключением по контрасту придается отрицательный смысл. Так характеризуется, например, традиция воспитанников военных школ, получившая в кадетско-юнкерской среде наименование «цук». Обычай же устройства «бенефисов» – актов ритуального неповиновения педагогическому персоналу – если и рассматривается, то чаще всего как сорт обыкновенных нарушений дисциплины или

¹⁰ Лушников А.М. Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1901–1917 гг.). Ярославль, 1996. С. 115.

¹¹ Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 659.

свойственного юности озорства. В итоге маргинальные с точки зрения традиционной историографии сюжеты, к числу которых в первую очередь принадлежит проблема неформальных традиций российской военной школы, по существу оказываются на обочине исследовательского интереса¹²

Между тем в мемуарах бывших кадетов и юнкеров, в произведениях художественной литературы, созданных на основе воспоминаний о жизни в корпусах и училищах, эта сторона кадетско-юнкерского быта, напротив, занимает довольно значительное место. Более того, в источниках личного происхождения традиции эти, как правило, не фигурируют в качестве аномальных издержек жизни воспитанников военно-учебных заведений. Содержание данных источников скорее позволяет утверждать, что неформальные законы и обычаи несли довольно серьезную культурную и социально-психологическую нагрузку.

Так, при соприкосновении с миром штатских поступки юнкеров и кадетов вопреки официальным установкам отличались далеко не дружественным настроением. Например, по свидетельству И.М. Майского в конце XIX в. на развалинах Омской крепости происходили регулярные массовые потасовки кадетов с гимназистами. Последние к тому же получили нелюбимое прозвище «ослиные головы». Так кадетами «расшифровывалась» изображенная на пряжках гимназистов аббревиатура «О. Г.», означавшая принадлежность к местной гимназии¹³ Согласно воспоминаниям А.И. Деникина, стычки между киевскими юнкерами и «вольными», как и любые «действия, где проявлены были удаль

¹² Одним из немногих исследований, где представлено историческое описание традиции «цука», не содержащее негативной оценки последнего, является книга А. Маркова «Кадеты и юнкера» (Буэнос-Айрес, 1961). Из числа работ современных авторов можно выделить статью Е.А. Комаровского, в которой особое внимание уделено анализу неформальных традиций российской военной школы. Практика «цука» здесь связывается с поддержанием обычая подчинения младших кадет старшим, а соответственно – воспитанием навыка отдавать и выполнять приказы. «Бенефисы» рассматриваются автором как естественная реакция воспитанников на допущенную несправедливость со стороны педагогов либо на бытовые неурядицы, возникавшие по вине обслуживающего персонала (Комаровский Е.А. Воспитательные аспекты кадетских традиций в российских императорских кадетских корпусах в XIX – начале XX веков // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. М., 2002).

¹³ Майский И.М. Воспоминания советского посла. М., 1964. Кн. 1. С. 40–41.

и отсутствие страха ответственности, встречали полное одобрение в юнкерской среде»¹⁴

Всё это не говорило о какой-то агрессивности или нравственной ущербности большинства воспитанников военных школ, а скорее выражало их общий взгляд на статус военного. Заметим, что кадеты и юнкера нередко дружески общались со своими штатскими сверстниками. Как свидетельствовал, например, генерал В.М. Молчанов, у юнкеров Алексеевского военного училища в Москве даже в период революционных событий 1905 г. существовали неплохие отношения со студентами Высшего технического училища, среди которых встречалось немало революционно настроенных юношей. «Между большинством студентов и юнкеров, – вспоминал генерал, – не было никакой ненависти, и мы жили по соседству очень дружно»¹⁵.

В реальной практике взаимодействия военных и прочих социальных страт российского общества конца XIX – начала XX в. трудно обнаружить массовые проявления неприязни офицерства к гражданским лицам. Напротив, сплошь и рядом наблюдалось активное общение и сотрудничество между ними в различных областях общественной, научной и культурной жизни России. Однако упоминания мемуаристов о некоем противостоянии и конфликтах воспитанников военных учебных заведений и штатскими всё же являются знаком реально существовавшей проблемы. И обратившись к материалам, связанным с поведением офицерства дореволюционной русской армии, мы обнаружим наличие традиции подчеркнутого, иногда вызывающего противопоставления себя штатским. Указывая на это обстоятельство, видный отечественный историк П.А. Зайончковский в предельном варианте обрисовал ситуацию так: «В силу своего особого положения офицеры считали возможным допустить по отношению к "шпаку" (человеку штатскому. – В.К.) любую нетактичность, а то и просто оскорбить его»¹⁶

Уже эти примеры заставляют судить о плодотворности обратной проекции исследовательского поиска. Оказывается, что обращение к не-

¹⁴ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 45. Термин «вольные», использованный в тексте, представлял устойчивое выражение, которое устанавливало четкое различие статуса представителей военного сословия, обязанных долгом службы, и остального штатского люда.

¹⁵ Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009. С. 25.

¹⁶ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 238–239.

формальным традициям российской военной школы позволяет не только определить набор базовых ценностей, воспринятых её воспитанниками как результат воплощения в жизни военной школы общекорпоративных стереотипов мышления и поведения, но и получить возможность «выхода» на ключевые, порой неявно выраженные в источниках культурные смыслы и практики дореволюционного русского офицерства.

При реализации означенного подхода первое, что бросается в глаза, это особое выражение смысла тех отношений, в которые вступали кадеты и юнкера, – отношений со штатскими, отношений с педагогическим персоналом, отношений между самими учащимися военных школ. Помимо социального взаимодействия со штатскими, образцы которого, как говорилось выше, получили своеобразное закрепление в неформальных традициях кадетов и юнкеров, важную роль при освоении социального пространства воспитанников военно-учебных заведений играли их отношения с преподавателями и персоналом военных школ. Строились эти отношения на различных основаниях. Дисциплина требовала соблюдения должной почтительности, беспрекословного послушания учащихся. В «перевернутой» же системе правил неформального поведения были узаконены действия, отрицавшие строгие корпусные и училищные порядки. «Вообще воинская дисциплина, – вспоминал А.И. Деникин, – в смысле исполнения прямого приказа и чинопочитания стояла на большой высоте. Но наши юнкерские традиции вносили в неё своеобразные "поправки" Так, обман, вообще и в частности наносящий кому-либо вред, считался нечестным. Но обманывать учителя на репетиции или экзамене разрешалось»¹⁷

Среди преподавателей и воспитателей было немало таких, кто пользовался большим авторитетом, уважением и любовью своих питомцев, что, однако, не препятствовало присвоению таковым, не говоря уж об остальных педагогах, шуточных и нелюбезных прозвищ. Фамилии некоторых из учителей могли фигурировать в произведениях кадетско-юнкерского фольклора, например в легендарной «Звериаде». Так, поручик Г.П. Ишевский, выпускник Симбирского кадетского корпуса, где в противоположность остальным военно-учебным заведениям «зверьями» именовались не воспитанники, а корпусная администрация и преподаватели, вспоминал: «Звери эти в зависимости от их строгости и требовательности разделялись на домашних и хищных. Почти все звери имели свои клички, которыми их травили в удобные моменты кадет-

¹⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С. 45.

ской жизни и с которыми они входили в корпусную поэзию нескончаемой и всегда новой "Звериады"¹⁸.

Объектами «травли» чаще становились непопулярные педагоги. Для них устраивались так называемые «бенефисы» («балаганы»). Это действие могло выражаться в демонстративных отказах отвечать на призывы воспитателя, в шумном поведении на занятиях либо во время ночного отдыха, в плохом исполнении приказа и т. п. По свидетельству бывшего кадета 1-го корпуса в Санкт-Петербурге генерала Б.В. Геруа, «скандалы эти – дневные и ночные – с инсценировкой заранее подготовленного шумного и глупого беспорядка, – кончались неизбежно победой власти и наказанием всего класса, а то и всей роты; тем не менее революционный "институт" этот не выводился»¹⁹.

Амбивалентным было и поведение воспитанников военных школ по отношению друг к другу. В кадетской и юнкерской среде, с одной стороны, несомненно, присутствовал дух коллективизма, товарищества и взаимопомощи, с другой – существовало такое явление, как «цук», «подтяжка» младших старшими. «Цук» (в терминологии верховой езды – резкое натяжение, рывок поводьев)²⁰ характерен был для военных училищ и последних классов некоторых кадетских корпусов. Заключался он в своеобразном подчинении юнкеров младшего курса или кадетов младших классов («молодых», «козерогов», «сугубых», «зверей») юнкерам выпускного курса либо, соответственно, учащимся старшего класса кадетских корпусов («корнетам», «подпоручикам») и второгодникам – «майорам».

Обычаем не только дозволялось, но и вменялось в обязанность «господ корнетов» следить за соблюдением «зверьями» правил неформального училищного этикета. Нередко эту функцию брал на себя специально определенный к «молодому» «дядька»-старшекурсник. Исполняя роль индивидуального опекуна и наставника, он вводил своего подшефного в мир особых кадетско-юнкерских традиций, а также надзирал за строгим выполнением уставных требований и правил училищного рас-

¹⁸ Ишевский Г. Честь. Мюнхен, 1957. С. 43.

¹⁹ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 13.

²⁰ По мнению немецкого историка Х.-П. Штайна, кадетско-юнкерский термин «цук» ведет происхождение от немецкого Zug либо Zucht, что в переводе означает цуг (запряжка лошадей гуськом, парами одна за другой) или, соответственно, разведение, выращивание (Stein H.-P. von. Der Officer des russischen Heers im Zeitabschnitt zwischen Reform und Revolution (1861–1905) // Forschungen zur osteuropaschen Geschichte. 1967 Bd. 13. S. 395).

порядка. Причем последние самими «корнетами» могли и не соблюдать-ся. Так, обучавшийся в Пажеском корпусе А.А. Игнатъев в своих мемуарах воспроизвел следующие характерные эпизоды жизни пажей специальных классов: «Главной ловушкой было хождение в столовую. Впереди шел **вразвалку, не в ногу старший класс** (выделено мною. – В.К.), а за ним, твердо отбивая шаг, даже при спуске с лестницы, где строго карался каждый взгляд, направленный ниже карниза потолка, шли мы, "звери", окруженные стайей камер-пажей, ждавших случая на нас прикрикнуть.

Кого-то осенила мысль – в небольшом проходном зале поставить модель памятника русско-турецкой войне. По уставу – воинские части при прохождении мимо военных памятников были обязаны отдавать честь, и мы, напрягая слух, четыре раза в день ждали команды "Смирно!", по которой руки должны были прилипнуть к канту штанов, и за поднятую лишней раз руку окрик был неминуем»²¹

В кадетских корпусах и военных училищах существовали особые пространства и зоны, куда «молодым» допуск был воспрещен. Так, согласно воспоминаниям Карла Маннергейма, в Николаевском кавалерийском училище «было установлено, что "звери" – учащиеся младших классов – не имели права ходить по тем же лестницам, что и учащиеся старших классов, к которым необходимо было обращаться "господин корнет"»²² Корнеты, кроме того, могли заставить своих «подчиненных» выполнять строевые приемы, физические упражнения или другие действия, иногда совершенно бессмысленные, но необходимые с точки зрения поддержания традиции.

«Обыкновенно начиналось так, – вспоминал бывший кадет Николаевского корпуса Э.Н. Гиацингов, – "Такой-то кадет, представьтесь благородному корнету!" Нужно было выйти, вытянуться в струнку и отвечать: «Господин корнет! Представляется кадет такой-то – сугубый зверь, невымытый, нечесаный, без должного пробора на кончике пушистого хвоста»

После этого следовало обыкновенно: «Вращайтесь!»... Потом, мы должны были знать все кавалерийские полки, их стоянки, то есть города, в которых были расположены эти полки. До тонкости описать всю форму, то есть цвет мундира, кантики, выпушки или какие-нибудь другие отличительные знаки, которые бывали в кавалерийских полках. Потом мы должны были отвечать на вопрос корнета "Сугубый такой-то! Что

²¹ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1. С. 59.

²² Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999. С. 12.

есть прогресс?" И тут нужно было отвечать совершенно нелепую фразу, которая не имела абсолютно никакого смысла. Это был просто набор слов – но я его и до сих пор помню: "Прогресс – есть константная из убийцы и секулярных советников, тенденция, кульминация студентов, курсисток и прочей красной сволочи" Этот "цук" накладывал особенный отпечаток на кадет Николаевского корпуса. Мне, уже будучи офицером, приходилось выслушивать мнения начальства о нас. Говорили: "Ну да, сразу видно, что вы – николаевец, по своей отчетливости и дисциплине!"²³

Нетрудно заметить хотя бы из вышеприведенных отрывков, что «цук» помимо прочего являлся своеобразной имитацией, неосознанным пародированием армейских порядков. В частности, отдельные его элементы напоминают процесс обучения и подготовки солдат, уроки печально знаменитой «словесности», опекунства со стороны «дядек», официально практиковавшегося в отношении новобранцев. А чего стоит зачитывание приказов по курилке или традиционная церемония производства в кадеты «достойных» этого звания учащихся 6-го класса, описание которой мы находим, например, в мемуарах Н.Л. Кекушева: «"Генерал" – кадет, больше всех остававшийся на второй год, в генеральских погонах, взятых кем-нибудь у отца, в сопровождении "адъютанта", с также взятыми взаймы аксельбантами, входил в уборную. "Сугубые" замирали. Ломающимся басом, с рукой под козырек "генерал" приветствовал "сугубых": "Здорово, сугубые!" На это следовал стройный ответ "Здравия желаем, Ваше высокопревосходительство!" – "Поздравляю Вас с производством в кадеты!" – "Покорнейше благодарим, Ваше Дицство..." – гремело в башне. Обращаясь к адъютанту, генерал приказывал зачесть приказ о производстве. Самый высокий кадет 7-го класса, адъютант, зачитывал: "Приказ по 1-му Московскому Императрицы Екатерины II кадетскому корпусу за № 138 (последний выпуск корпуса) от 21 марта 1916 года. В 1-м МКК им. Е-II числится по спискам: майоров... корнетов... кадет... сугубых.. налицо... уволены в запас с мундиром и пенсией кавалеры бородинской медали... производятся в кадеты". Далее следовал длиннейший список вновь испеченных кадетов и короткие списки майоров, корнетов и еще менее короткий список сугубых. Затем происходила "рубка хвостов"... Вновь произведенный кадет перепрыгивал через скамейку, в то время ему отсекали "хвост" рапирой... иногда хвост обрубался так, что трое суток было больно сидеть»²⁴

²³ Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 35–36.

²⁴ Кекушев Н.Л. Звериада. М., 1991. С. 9.

Как уже отмечалось, традицию «цука» в исследовательской литературе главным образом принято расценивать как практику унижения достоинства воспитанников военных школ, доходившую иногда до прямых издевательств над личностью кадета или юнкера. Действительно, существующие источники дают некоторые основания для подобных суждений. Например, В.А. Сухомлинов счел необходимым подчеркнуть в своих воспоминаниях тот факт, что ему как военному министру пришлось принимать серьезные меры для искоренения «корнетских» привилегий в Николаевском кавалерийском училище, поскольку дело приняло такой оборот, что «некоторые родители признали за благо взять своих сыновей из заведения»²⁵

Обвинения в адрес военного начальства по поводу «цука» были нередкостью и со стороны демократически настроенной общественности. Наконец, и сами военные педагоги поднимали эту тему как частным образом, так и публично посредством печати. Так, в 1908 г журнал «Педагогический сборник» поместил на своих страницах статью «Цук», принадлежавшую воспитателю одного из кадетских корпусов. Здесь автор перечислил различные примеры неподобающего поведения кадет старших классов в отношении «молодых». Он описывал, как под угрозой побоев или «темной» старшие воспитанники отнимали у младших ручки и карандаши, часть обеденной порции, принуждали плясать или изображать гладиаторов. Упомянулся и случай принуждения к педерастии²⁶.

В современной исторической литературе также встречаются утверждения о жестокостях, связанных с практикой «цука» в российских военно-учебных заведениях. Например, авторы книги о Первом кадетском корпусе, рассказывая о превратностях жизни его воспитанников, испытавших на себе все прелести «цука», подчеркивают следующее: «Безусловно, этот «цук» не шел ни в какое сравнение с тем, что наблюдалось в Пажеском корпусе и особенно в Николаевском кавалерийском училище, где он приобретал формы изощренных издевательств и унижений»²⁷

Возникают закономерные вопросы: В какой степени были распространены среди кадетов и юнкеров в конце XIX – начале XX в. явления, подобные описанным выше? Можно ли говорить о том, что унижения и издеательства над личностью составляли неотъемлемую часть

²⁵ Сухомлинов В. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 4.

²⁶ Н.К.М. Цук // Педагогический сборник. 1908. Кн. 501. С. 200–212.

²⁷ Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М., 2007 С. 345.

традиции «цука»? На наш взгляд, практика, от которой в той или иной мере страдало человеческое достоинство мальчиков и юношей, воспитывавшихся в закрытых военных учебных заведениях, не была редким явлением. Однако она сама по себе традицией не являлась, а лишь встраивалась в традицию «цука», вследствие чего часто отождествлялась с таковой. Согласно воспоминаниям очевидцев, «цуканье» всё же имело определенные границы и редко выливалось в формы крайнего унижения младших. Самими воспитанниками корпусов и училищ это различие осознавалось.

Юнкер Черкесов – герой книги военного писателя Ю. Галича, например, рассуждал так: «Цук имеет оправдание, если он обоснован, справедлив, не хлещет по самолюбию. В противном случае превращается в издевательство. Каждый разумный человек сумеет провести грань между дозволенным и недозволенным»²⁸ «Корнеты» и сами стремились контролировать степень «цука». Например, в Николаевском кавалерийском училище за этим надзирал «корнетский комитет» (включал всех старшекурсников во главе с выборным председателем); «молодым» предоставлялось право «обжаловать в корнетский комитет то, в чем можно усмотреть "издевательство над его личностью", а не сугубым званием зверя»²⁹ Кстати, этот обычай очень напоминает реально существовавшую в армии процедуру, когда нижний чин при специальном опросе мог заявить о претензиях в адрес своего прямого начальства.

Под воздействием тех или иных причин (решений ли самих воспитанников либо действий педагогического коллектива) наиболее порочные с точки зрения дисциплины и морали отклонения могли сойти на нет, не затрагивая всей системы воспроизводства культурных смыслов, связанных с традициями неформального поведения. Примечателен в этом отношении эпизод из автобиографического романа А.И. Куприна «Юнкера», где автор живописует события в Александровском училище, последовавшие за тем, как один из «фараонов» («молодых») перочинным ножом поранил руку своему обидчику из числа «обер-офицеров» (так именовались юнкера старшего курса).

Сход второкурсников постановил прекратить «свинское цуканье, достойное развлечений в тюрьме и на каторге», однако наименования, как и статус «фараонов» и «обер-офицеров», сохранялись в неприкосновенности: «Пусть же свободный от цукания фараон все-таки помнит о

²⁸ Галич Ю. Звериада. Записки Черкесова. Рига, 1931. С. 201.

²⁹ Марков А. Кадеты и юнкера... С. 178.

том, какая огромная дистанция лежит между ним и господином обер-офицером». Кроме того, юнкерам младшего курса по-прежнему воспрещалось, «во-первых, травить курсовых офицеров, ротного командира и командира батальона; а во-вторых, петь юнкерскую традиционную "расстанную" песню: "Наливай, брат, наливай". И то и другое – привилегии господ обер-офицеров...»³⁰

Дальнейший ход повествования, в частности, сцена напутствия бывшим «фараонам» со стороны тех, кому через два-три дня предстояло надеть офицерский мундир, также свидетельствует, что в основе своей прежние смыслы взаимоотношений не претерпели серьезных изменений, несмотря на исключение наиболее болезненных форм «подтяжки»: «Блюдите внутреннюю дисциплину... Не распускайте фараонов, глядите на них свысока, следите за их молодецкатым видом и за благородством души, остерегайтесь позволять им хоть тень фамильярности, жучьте их, подтягивайте, ставьте на место, окрикивайте, когда надо. Но завещаем вам: берегитесь цукать их нелепой гоньбой и глупыми оскорбительными приставаниями»³¹.

Другой очень важный аргумент в пользу того, что крайние проявления «цука» всё же не были нормой, это почти полное отсутствие в источниках личного происхождения указаний на недружелюбные отношения бывших «корнетов», «подпоручиков» и их подопечных уже после выпуска тех и других из стен военных учебных заведений. В воспоминаниях офицеров характер этих отношений в большинстве случаев окрашен в светлые тона. Так, питомец Николаевского кавалерийского училища, которое особенно славилось своим «цуком», Г.Ф. Танутров, подчеркивая товарищескую атмосферу церемонии прощания юнкеров, выпускавшихся в офицеры, и их подопечных писал: «А потом, конечно, гурьбой в буфет, где корнеты "ставят скрипку" (угощают) своим зверям, но – это уже не звери, а друзья на всю жизнь. И десятки лет потом, вспоминая прошлое, кавалеристы будут говорить: "Как же, как же – я его хорошо знаю, ведь я был его зверем... в доброе старое время!"»³²

Рассматривая вопрос о значении смысловых конструкций, выражавшихся через неформальное поведение кадетов и юнкеров, невозможно обойтись без упоминания о таком оригинальном, насыщенном специфической символикой источнике, каким является «Звериада». «Зве-

³⁰ Куприн А.И. Юнкера // Куприн А.И. Собр. соч.: в 9 т. М., 1973. Т. 8. С. 231.

³¹ Там же. С. 417.

³² Танутров Г.Ф. От Тифлиса до Парижа. Париж, 1976. С. 66.

риада» – это песня, неофициальный гимн кадетов и юнкеров дореволюционной военной школы. Она существовала в нескольких вариантах, но часто содержала общие куплеты, восходящие к одному и тому же источнику. Основной текст песни время от времени получал дополнения в виде четверостиший, которые, как правило, посвящались какому-либо из корпусных или училищных педагогов. Лицо, становившееся объектом подобного поэтического творчества, неизменно предстало в крайне окарикатуренном, а то и вовсе неузнаваемом виде. Не случайно ещё А.И. Куприн от имени своего героя недоумевал по поводу совершенно неадекватного изображения в «Звериаде» Александровского военного училища офицера по фамилии Клоченко. «Звериада» ничего не могла про него выдумать острого, писал А.И. Куприн, – кроме следующей грубой и мутной строфы:

Прощай, Клоченко, рыжий пес,
С своею рожею ехидной.
Умом до нас ты не дорос,
Хотя мужчина очень видный.

Почему здесь состязание в умах – непонятно. А ехидности в наружности Клоченки никакой не наблюдалось»³³

«Звериада» в пародийном стиле воспроизводила особенности быта, фиксировала особый моральный кодекс воспитанника военного учебного заведения, символически противостоявший официальным нормам. Поскольку лейтмотивом содержания «Звериады» являлось прощание с корпусом или училищем, которое мысленно предвосхищали кадеты и юнкера, здесь всячески обыгрывалась рутинность ученического существования в противовес будущим ступеням офицерской карьеры. В одном из вариантов «Звериады», к примеру, был такой пассаж:

Настанет скоро то мгновенье,
Когда скажу в последний раз:
Прощайте, стены заведенья –
Я не увижу больше вас!
Прощайте, все учителя –
Предметы общей нашей скуки –
Уж не заставите меня
Приняться снова за науки!³⁴

³³ Куприн А.И. Указ. соч. С. 258.

³⁴ Вадимов Е. Корнеты и звери (Славная школа). Белград, 1929. С. 48.

«Звериада», как и весь комплекс представлений, установок, стереотипов мышления, связанных с традициями неформального поведения воспитанников военных школ, отвечала своеобразной системе культурных координат. В ней привычные элементы картины мира оказывались в ценностном отношении сниженными, словно перевернутыми с ног на голову. Отсюда, кстати, и особая лексика «Звериады», включавшая иногда бранные и сомнительные, даже с точки зрения повседневного кадетско-юнкерского внутреннего этикета, выражения. Очевидно, соответствующая упомянутой системе практика служила ещё и психологической отдушиной, своего рода компенсацией за последствия сурового и строго регламентированного режима военных учебных заведений. Не случайно даже по прошествии нескольких десятилетий мемуаристы могли в деталях воспроизводить навсегда врезавшиеся в память официальные правила и ограничения, которым должны были подчиняться юнкера и кадеты.

Так, генерал М. Грулев, рассказывая о периоде своего пребывания в Варшавском юнкерском училище, отмечал: «Жизнь протекала по барабану и сигналам, под неусыпным наблюдением отделенных офицеров – этих училищных классных дам, которые обязаны были внедрять в юнкеров прежде всего автоматический навык к строжайшему порядку и дисциплине во всём, что касается не только общей училищной жизни, но и собственного обихода, даже в свободное от всяких занятий время. Даже во время сна требовалось, например, вполне разумно, согласно требованиям гигиены, что спать должно обязательно не на левом, а на правом боку»³⁵

Строго регламентировалось и поведение воспитанников, когда они временно оказывались вне стен военных учебных заведений. Например, в начале 1900-х гг. правила для кадетов Морского корпуса, находившихся в отпуске, предупреждали, что кадет обязан неукоснительно выполнять требования относительно формы одежды и отдания чести. При этом запрещалось «выставлять воротнички, манжеты, носить кольца, браслеты, выставлять цепочку от часов, жетоны, брелоки, иметь на мундирах золоченые пуговицы и офицерские галуны, носить собственное платье, сапоги, фуражки, одевать галоши, иметь собственные палаши, ходить с палками и тросточками, надевать штатское платье, класть руки в карманы». Кроме того, не допускалось ношение фуражек на затылке, хождение по улице под руку, сидение на козлах и управление

³⁵ Грулев М. Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 114.

лошадьми, посещение пассажа, гостиничных номеров, мебелированных комнат и клубов. Также нельзя было «в театрах и в цирке, как во время представлений, так и по окончании спектакля, аплодировать артистам и вызывать их». Запрещалось «курение табаку на улицах, в скверах, в вагонах и всех публичных местах, а кадетам двух младших рот – где бы то ни было»³⁶ Список этих правил и ограничений можно было бы продолжить.

Но важно и другое. Примечательно, что среди офицеров-воспитателей было много таких, кто сквозь пальцы смотрел на некоторые нарушения распорядка и официально установленных норм со стороны своих питомцев. Организуемые последними ночные церемонии («похороны учебников», «парады») и даже «цуканье» не вызывали у наставников отрицательной реакции, а исподволь поощрялись. Феномен, который штатские и отдельные военные критики называли позором русских военных учебных заведений, офицеры, сами некогда прошедшие школу «цука», воспринимали иначе. Следовательно, и для них смыслы, заключавшиеся в неформальной практике молодого поколения, не утрачивали своей актуальности. Быть может, отчасти именно благодаря наличию этого «кривого зеркала», в которое всегда, а не только в юном возрасте мог заглянуть офицер, культурные основания жизнедеятельности офицерского сообщества сохраняли свою устойчивость и до известной степени самодостаточность?

Рассуждая о специфических и с позиций общественной нравственности до неприличия вызывающих формах поведения офицерства в XIX в., Ю.М. Лотман утверждал: «То, что в бытовой перспективе может рассматриваться как порок, в семиотической делается знаком социального ритуала»³⁷. В нашем случае мы также имеем дело с ритуалом, и, как всякий ритуал, неформальное поведение не имело четко осознаваемых его участниками рациональных значений. На рубеже XIX–XX вв. уже исчезли из памяти суровые картины быта военно-учебных заведений XVIII – первой половины XIX столетий (нешадные порки кадет, безжалостное преследование тех, кто не мог приспособиться к официальным и неформальным порядкам военно-учебных заведений). В далекое прошлое ушли времена, когда существовали вполне реальные основания для жестокой травли преподавателей и воспитателей, острого недовольства корпусными порядками и т. д. А потому соответствующие

³⁶ РГА ВМФ. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 66. Л. 13–14.

³⁷ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 174.

обычаи и нормы кадетско-юнкерской среды воспроизводились теперь просто в силу требований традиции, заключая, однако, вполне современные для их носителей культурные смыслы и значения.

Если всё же попытаться определить функциональную нагрузку этой культурной формы, то окажется, что она выступала в качестве свидетельства и подтверждения причастности индивида или группы к кадетскому или юнкерскому коллективу – и шире – к офицерскому сообществу, армии, государству. Одновременно неформальное поведение, когда оно по-своему имитировало военные порядки и воспроизводило иерархические отношения, присущие армии как авторитарной структуре, оказывалось на деле способом ранней социализации мальчиков и юношей, моделировавших в игровом варианте действия, реальные предпосылки которых, например, статус офицера и жизнь в полку в таковом качестве, пока ещё отсутствовали.

Прощайте, иксы, плюсы, зеты,

Шинели черного сукна.

Ура! Уже мы не кадеты,

Ура! Уже мы юнкера!³⁸

Этот куплет «Звериады» распевали кадеты ещё задолго до поступления в военные училища; юнкера, в свою очередь, уже величали себя корнетами и подпоручиками, хотя до офицерского чина оставались месяцы и месяцы учебы. Таким образом, будущий офицер приобщался к различным сторонам армейского быта в широком понимании слова, воспроизводя пока ещё недоступные ему ситуации, отношения и правила социального взаимодействия. Традиции неформального поведения в этом случае выступали как способ освоения потенциала ценностей, норм и культурных смыслов, обеспечивавший молодому человеку в дальнейшем возможность органично включаться в жизнь армейских коллективов, чувствовать себя полноправным членом офицерского сообщества.

Если задаться вопросом о том, что же отсутствовало в совокупности объектов или смыслов, подлежавших игровому, пародийно-имитационному опредмечиванию в рамках неформальных традиций воспитанников военных школ, то бросается в глаза одно существенное обстоятельство: ценности офицерской корпорации, запечатленные формулой «За Веру, Царя и Отечество», просто-напросто выпадали из общего ряда.

³⁸ Строфа из «Звериады» Омского кадетского корпуса (ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 145).

С большой натяжкой можно было бы отнести сюда обряд «похорон», который был довольно распространен в кадетско-юнкерском неформальном обиходе. Выпускник Морского корпуса А.П. Белобров оставил колоритное описание того, как этот ритуал совершался в учебном заведении, готовившем будущих морских офицеров. Здесь традиционно производились похороны «Альманаха» – астрономического ежегодника, содержавшего информацию о положении небесных светил на каждый из дней текущего года. В день «траура» в столовой за завтраком и за обедом поднимались воздушные шары с плакатом. На плакате красовалась надпись на английском языке – «Сэр Наутикаль Альманах умер». Присутствовавшие дежурные офицеры делали вид, что всего этого не замечают, а кадеты ходили по зданию корпуса на носочках, дабы не «потревожить» умершего. Ночью, с определенными предосторожностями (выставлялись махальные, готовые своевременно сообщить о появлении нежелательных гостей) у картонного гроба с винтовками, но без одежды выстраивался караул, вокруг которого кружились «балерины» в платьях. Далее наступал кульминационный момент: «Церемония начиналась панихидой, которую служили священник и диакон в облачениях с самодельными кадилами. Вдовой в трауре бывал гардемарин, подавший на экзамене работу последним. Панихида бывала с пением хора и заканчивалась прощанием вдовы, которая плевала на альманах. После этого гроб с альманахом сжигался, и церемония завершалась парадом с церемониальным маршем»³⁹. По свидетельству очевидца, корпусной священник Удимов называл этот обряд святотатством. Директор же корпуса адмирал Карцев полагал, будто «традицию похорон альманаха ввел известный революционер лейтенант Шмидт». По поводу последнего утверждения мемуарист, однако, заметил: «Мне кажется, что это фантазия Карцева»⁴⁰

Приведем ещё один отрывок из мемуаров бывшего юнкера, содержащий важные для расшифровки соответствующих культурных смыслов комментарии. «Хоронили "науки" (учебники), – вспоминал А.И. Деникин, – или юнкера, оканчивающего курс по "третьему разряду" – конечно, с его полного согласия. За "гробом" (снятая дверь) шествовали "родственники", а впереди "духовенство", одетое в ризы из одеял и простынь. Духовенство возглашало поминание, хор пел – впоследствии, когда заведены были училищные оркестры – чередуясь с похоронными

³⁹ РГА ВМФ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 198. Л. 207–208.

⁴⁰ Там же. Л. 208–209.

маршами. Несли зажженные свечи и кадила, дымящиеся дешевым табаком. И процессия в чинном порядке следовала по всем казематам до тех пор, пока неожиданное появление дежурного офицера не обращало в бегство всю компанию, включая и "покойника". Впрочем, сам мемуарист здесь же и ориентирует читателя относительно характера описанного ритуала. Во-первых, он связывался с завершением двухлетнего цикла обучения, а во-вторых, – «никто, – подчеркивает А.И. Деникин, – не влагал в эти похороны кощунственного смысла. Огромное большинство участников были люди верующие, смотревшие на традиционный "обряд", как на шалость, но не кощунство. Подобно тому, как не было кощунства в русском народном эпосе, представлявшем в песнях (южные "колядки") небесные силы в сугубо земной обстановке и фамильярном виде»⁴¹.

Другой бытописатель кадетской жизни Г. Месняев, несколько идеализируя действительность, но по существу верно отмечал: «В те времена никто не внушал кадетам любви и преданности Царю и Родине и никто не твердил им о долге, доблести и самопожертвовании. Но во всей корпусной обстановке было нечто такое, что без слов говорило им об этих высоких понятиях, говорило без слов детской душе о том, что она общалась к тому миру, где смерть за отечество есть святое и само собой разумеющееся дело. И когда впервые десятилетний ребенок видел, что под величавые звуки «встречи» над строем поднималось ветхое полотнище знамени, его сердце впервые вздрагивало чувством патриотизма и уже навсегда отдавало себя чувству любви и гордости к тому, что символизировало мощь и величие России... Так, незаметно, день за днем, без всякого внешнего принуждения, душа и сердце ребенка, а затем и юноши копили в себе впечатления, которые формировали кадетскую душу. Вот этими-то путями незаметно внедрялось то, что потом формировалось в целое мировоззрение, основанное на вере в Бога, на преданности Царю и Родине и готовности в любой момент сложить за них свою голову»⁴².

Эти слова находят своё подтверждение на страницах воспоминаний офицеров, охватывавших их детские и юношеские годы. Так, в мемуарах генерала А.И. Спиридовича представлена картина бурных переживаний юнкеров Павловского военного училища при встрече с императором Александром III на параде зимой 1891 г.: «Царь в нескольких

⁴¹ Деникин А.И. Указ. соч. С. 50–51.

⁴² Цит. по: Марков А. Кадеты и юнкера... С. 18.

шагах. Его лучистый светлый взгляд смотрит прямо в глаза, даря неоценимой лаской. Голова кружится от счастья. Мы слышим: «Здравствуйте, юнкера!» Мы восторженно отвечаем и заливаемся раскатистым "ура"... несется – Боже Царя Храни... мы кричим, кричим в дико восторженном экстазе, до потери голоса... Неописуемый порыв овладевает нами, мы готовы на все, и прикажи нам тогда Государь, что угодно, хотя бы броситься в Неву – каждый исполнил бы то не задумавшись»⁴³.

Мемуары бывшего гардемарина Г.К. Графа содержат сходное описание, на этот раз – церемонии досрочного производства в офицеры выпускников Морского корпуса в 1904 г., где присутствовали Николай II и Александра Федоровна: «Государь вышел на середину фронта и поздоровался со всеми. Это мы ещё сознавали и понимали. Но с того момента, как он приказал старшим гардемаринам выйти вперед и приблизиться к нему, все последующие события ощущались и переживались как во сне. Его теплые и приветливые слова, обращенные к нам, поздравление с производством в офицеры и затем неистовый восторг, охвативший нас – всё это слилось в неизгладимое ощущение»⁴⁴.

При отъезде венценосной четы ставшие офицерами гардемаринами, а также кадеты Морского корпуса, как свидетельствовал Г.К. Граф, выскочили из строя и мгновенно окружили государя и его супругу. При этом «царские пуговицы, носовые платки и перчатки исчезли в одну секунду, разодранные на куски» – на память; некоторые юноши, несмотря на мороз, рванулись вслед за царской каретой и бежали довольно долго, пока Николай II не остановил кортеж, посадив с собою несколько человек⁴⁵.

И в том и в другом случае эмоциональное состояние воспитанников военных школ было таково, что порождало готовность к самым безрассудным поступкам. Вместе с тем в мемуарах бывших воспитанников российской военной школы обращает на себя внимание отсутствие каких-либо отрицательных оттенков, характеризующих восприятие фигуры монарха в моменты, когда происходила реальная встреча с ним. Все словесные изображения таких сцен, за редким исключением нейтральных описаний внешности императора, исполнены в возвышенном стиле. Более того, создается впечатление, что сама личность царя не

⁴³ Спиридович А.И. При царском режиме // Архив русской революции. Т. 15. М., 1993. С. 103.

⁴⁴ Граф Г. Моряки. СПб., 1997. С. 71.

⁴⁵ Там же. С. 71–72.

играла в данном случае особой роли. Это мог быть Александр II, Александр III, Николай II – комплекс эмоциональных переживаний мальчика или юноши словно передавался из поколения в поколение, сохраняя примерно одни и те же черты. Конкретная оценка личности монарха могла наступить позднее, однако в данный момент образ императора целиком сливался с тем идеалом, который уже присутствовал в ментальности будущего офицера.

Всё это позволяет предположить, что непосредственное, в значительной степени подсознательное отнесение к высшим ценностям образа монарха, а равно и остальных элементов триады «Вера, Царь и Отечество» не требовало особой психологической компенсации, дополнительного способа их культурного освоения. Потому-то они и оставались за рамками неформального ритуала и пародийно-игровых смыслов кадетско-юнкерского коллективного сознания. Тем более что власть, по сути дела, намеренно ограждала воспитанников военной школы от какого-либо идеологического (неважно консервативного, либерального, а уж тем более радикального) воздействия на умы будущих офицеров.

Так, символика, образы, способы восприятия действительности, запечатленные традициями воспитанников корпусов и училищ, выводят нас и за пределы военной школы, заставляя проследить связь между всеми этапами офицерской карьеры. Конечно, у офицерства воспроизведение смыслов, заключавшихся в довольно специфических обычаях и нормах военной школы, зачастую оказывалось латентным либо принимало иные формы, но значение данных традиций для тех, кто надевал офицерские погоны, сохранялось.

Историческая литература о русском офицерстве содержит немало примеров, когда исследователи пытались выделить общекорпоративные традиции «в чистом виде» и тем самым обозначить идеальный набор качеств, присущих офицерству дореволюционной российской армии. Приведем с незначительными сокращениями пример подобного описания, почерпнутый из работы современного военного историка А.И. Каменева.

«Всю совокупность традиционных норм поведения офицеров, – подчеркивает автор, – можно подразделить на две группы: а) боевые и б) нормы мирного времени, бытовые.

Боевые традиции офицеров

Без колебаний идти в бой...

Воевать достойно и достойно умирать...

Установка на бой и победа в бою...

Постоянная бдительность.

Необыкновенное благородство, умение подавить в себе честолюбие в минуту опасности для Родины.

Частная инициатива, стремление к взаимной поддержке в бою.
Верность присяге, отсутствие всякой мысли об измене, плене...
Отсутствие боязни перед вышестоящим начальником.

Служебные и бытовые традиции

«Бога бояться и Царя чтить...»

Служить честно Отечеству...

Верность своему слову..

Уважение законов государства...

Мужественное преодоление всех трудностей и препятствий в службе и жизни.

Самоотречение.

Разборчивость в выборе друзей, знакомых, определении круга общения.

Преданность военной форме.

Публичная вежливость.

Отцовская заботливость о солдате...

Забота о пристойности брака...

Офицеры обязаны вести образ жизни, соответствующий их офицерскому достоинству»⁴⁶

Вряд ли имеет смысл подвергать сомнению каждую из выделенных в этом списке позиций, поскольку они действительно заключают содержание значимых поведенческих норм, характеризовавших коллективное сознание офицерства. Однако подобные перечни достаточно абстрактны. Более того, очерчивая общие контуры «канонического» поведения офицера, они ничего не говорят о многоярусном способе восприятия субъектов социального взаимодействия, который был присущ и воспитанникам российской военной школы, и всей офицерской корпорации. Поэтому, как показывает анализ кадетско-юнкерских традиций, для характеристики системы ценностей и поведенческих регулятивов офицерства крайне важно, во-первых, учитывать особенности основных структур, в рамках которых закладывались и культивировались соответствующие образцы мировосприятия и поведения, а во-вторых, представлять специфику социальных связей и отношений офицера, определявшуюся его профессиональной и иной деятельностью.

⁴⁶ Каменев А. Офицер – профессия идейная // Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000. С. 475–477

Традиции российской военной школы, таким образом, не только указывают на наиболее существенные для жизнедеятельности корпорации области социального пространства, охватывавшие взаимоотношения со штатскими, с солдатской массой, восприятие власти, а также взаимоотношения внутри офицерской среды. Они, кроме того, позволяют адекватно определить и затем детально рассмотреть соответствующую проблематику, но уже непосредственно сквозь призму мышления и поведенческих практик офицерства. В первую очередь это относится к проблеме культурных оснований социального взаимодействия офицерства как внутри армейской «семьи», так и за её пределами.

2. В армейской «семье»

Говоря о принципах и установках, которыми руководствовались офицеры в рамках внутрикорпоративного взаимодействия, нас в первую очередь будет интересовать тот внутренний потенциал офицерского сообщества, который предопределял степень его единства и солидарности накануне и в первые месяцы революции 1917 г. Начнем с факторов, затруднявших консолидацию офицерства. Последние складывались главным образом на уровне межгрупповых отношений. Историческая литература о традициях офицерского корпуса содержит немало рассуждений о том, что разъединяло офицерство. Разъединяло происхождение, возрастные особенности поколений, география службы, а самое главное, и это вполне естественно, – специфика быта и традиций различных родов войск, принадлежность к элитным либо обычным частям и категориям командного состава. Речь идет в данном случае об известной дистанции, например, между флотскими и пехотными офицерами, между гвардейцами и офицерами прочих частей, наконец, между офицерами генерального штаба и командным составом армии и флота, не имевшим академического образования.

Как подчеркивает, например, историк Е.Ю. Сергеев, «значительная часть офицеров-генштабистов, особенно аристократы по происхождению и гвардейцы по армейской принадлежности, отличались высокомерием и снобизмом в отношениях с сослуживцами»⁴⁷ А.И. Деникин в своих мемуарах свидетельствовал: «Вследствие ряда причин и в русской армии существовала некоторая рознь между родами оружия –

⁴⁷ Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 41–42.

явление старое и свойственное всем армиям. Общими чертами её были: гвардия глядела свысока на армию; кавалерия на другие роды оружия; полевая артиллерия косилась на кавалерию и конную артиллерию и снисходила к пехоте; наконец, пехота глядела исподлобья на всех прочих и считала себя обойденной вниманием и власти и общества. Надо сказать, однако... – уточняет мемуарист, – рознь эта была неглубока и существовала лишь в мирное время. С началом войны – так было и в японскую и в Первую мировую – она исчезала совершенно»⁴⁸.

Негативное воздействие упомянутых факторов компенсировалось влиянием иных компонентов жизнедеятельности корпорации. И в мирное и в военное время, где бы не служил, в каком бы чине не пребывал офицер, он в любом случае, как минимум, имел представление о ценностях, на которые был обязан ориентироваться. В любом случае офицер так или иначе следовал наиболее общим правилам и образцам поведения, которые культивировались корпорацией и выражались её традициями. На это обстоятельство обращали внимание и сами члены офицерского сообщества. Так, А.А. Скрыбин, окончивший в 1912 г Тверское кавалерийское училище, характеризуя психологический облик выпускников российской военной школы, подчеркивал: «Ежегодно вливавшаяся в нашу Имперскую Армию эта новая "живая сила" все равно по своему духу и состоянию была едина и единообразна как во взглядах, так и в понятиях о достоинстве высокого звания офицера и о его чести»⁴⁹.

Консолидация офицерства во многом обеспечивалась существовавшими в армии и на флоте официальными и неофициальными (неформальными) организационными структурами, в рамках которых можно было наиболее эффективно культивировать присущий офицерству способ восприятия действительности, поддерживать определенную систему ценностей и реализовывать соответствующие поведенческие установки. Каковы же эти структуры и какую функциональную нагрузку они несли в данном контексте?

Приведем отрывок из «Звериады» Омского кадетского корпуса, который содержит любопытное и весьма краноречивое сравнение:

По повеленью Николая
Воздвигнут новый монастырь.
Стоит он, облако глотая,

⁴⁸ Деникин А.И. Путь русского офицера... С. 61.

⁴⁹ Скрыбин А.А. Мое производство в офицеры // Кавалеристы в мемуарах современников. 1900–1920. М., 2000. Вып. 1. С. 8.

Как будто лютый богатырь.
Но там не иконы святые
И не монахи там живут,
Сей монастырь по всей России
Кадетским корпусом зовут⁵⁰

Монастырь. Если попробовать найти аналогии, на память приходит «Кадетский монастырь» – небольшая повесть Н.С. Лескова, где представлены образы офицеров-подвижников, своего рода праведников и затворников, отгородившихся от мирской жизни в стенах кадетского корпуса. Но это несколько иная перспектива. С точки зрения рассматриваемой проблемы для нас гораздо важнее сравнение, использованное другим русским писателем, который уловил поразительное сходство между монастырем и отдельной воинской частью – полком.

В.В. Крестовский (сам бывший офицер) в «Очерках кавалерийской жизни» обосновал жизненность и не вызывающую сомнений адекватность этого сопоставления: «Монастырь и полк – что же тут общего?» – задается вопросом писатель. – «Общее, во-первых, то, что как монастырь, так и полк, представляя собою одну строго замкнутую в себе общину религиозно-духовную, другой – тоже в немалой степени замкнутую в себе же общину военную, являются, каждый сам по себе, чем-то вроде отдельного, самостоятельного живого, одухотворенного организма, представляют собой как бы отдельное собирательное лицо, имеющее свой смысл, идею, назначение, своё призвание, свою жизнь, свои типические особенности, свой характер, свою физиономию, свойственную только ему и во многом непохожую даже на другие физиономии того же рода. Эти-то исключительные особенности и служат причиной того, что человек всей душой привязывается именно к такому-то монастырю или к такому-то полку. Но этим ещё не ограничивается *общее* между тем и другим. И там, и здесь известная горсть людей случаем или обстоятельствами стягивается в один тесный кружок, который держится кроме дисциплины ещё и общностью симпатий и интересов не исключительно материального свойства. И там, и здесь течение жизни обусловлено известными правилами и законами, за которые перешагнуть невозможно, оставаясь вполне верным своему назначению... Тут есть свои уставы, строгие и сурово-неуклонные, свои обычаи и нравы, свое общественное мнение, свой *point d'honneur* (кодекс чести. – В.К.), свой суд, своя круговая порука.

⁵⁰ ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2381. Л. 145.

Надевая монашескую рясу или военный полковой мундир, человек как-то невольно начинает чувствовать себя иным, несколько отрешенным от остального мира. Между ним и этим остальным миром словно бы ложится какая-то очень тонкая разграничительная черта: тут вот, мол, я и та небольшая община с её уставами и жизнью, к которой я принадлежу прежде всего и больше всего; а там, за этой чертой, там остальной уже мир и вся жизнь остальная. Я могу сочувствовать той жизни и её интересам, её движению, её стремлениям, но все-таки для меня на первом плане будут стоять интересы избранной мною общины, которые, пока я честно принадлежу этой общине, будут для меня наиболее родными, наиболее близкими сердцу»⁵¹

Действительно, корпоративная ментальность, исторически сложившиеся и продолжавшие развиваться социальные отношения между офицерством и обществом в комплексе обусловили такую степень обособленности офицерства, что существование армейского коллектива, сам уклад полковой жизни напоминали бытие замкнутой и самодостаточной общины, а воинская часть, где проходила служба офицера, свободно выдерживала сравнение с церковной обителью.

Таким образом, межличностные отношения офицеров формировались преимущественно на уровне повседневных практик службы в полку, на военном судне либо в иных относительно небольших по численности военных организационных структурах. В данной связи П.А. Зайончковский отмечал: «Даже среди однородных частей войск (кавалерия, пехота, артиллерия. – В.К.) общение ограничивалось, как правило, кругом офицеров своей части»⁵² Вместе с тем и поддержание соответствия реального поведения офицера устоявшимся корпоративным нормам эффективнее всего осуществлялось именно в границах отдельной воинской части с её запасом традиций, накопленных в боях и в мирное время, традиций, тесно связанных с вехами исторического пути армии и флота Российского государства. «Так как традиции держатся тем сильнее, чем замкнутее круг, в котором они возросли, – говорилось в одной из работ по военной психологии рубежа XIX–XX вв., – то наибольшего расцвета они получают там, где этот круг наиболее резко отличается от

⁵¹ Крестовский В.В. Очерки кавалерийской жизни. М., 1998. С. 241–242.

⁵² Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 26.

других... Таковы у нас полк, отдельный батальон и т. д. В них и традиции принимают наиболее резкий оттенок»⁵³

В итоге укрепление сознания самоидентичности офицера во многом происходило за счет функционирования социальной памяти означенного воинского коллектива. Последняя опиралась на письменную (полковые истории) и устную (предания) традицию, на разнообразные вещественные символы (особая военная форма, знамена, награды части). Полковые праздники, парады и другие воинские церемонии также способствовали постоянному воспроизводству и передаче ценностно-окрашенных культурных смыслов из поколения в поколение.

Конечно, очень многое в сфере регулирования корпоративного поведения зависело от межличностного общения: офицер с необходимостью должен был учитывать то мнение, что складывалось о нем у сослуживцев. Ярким примером повседневных практик может послужить ситуация, изображенная писателем В.В. Вересаевым в его «Рассказах о войне». Здесь сюжетной основой являются события 1904–1905 гг. на Дальнем Востоке. В одном из эпизодов, рисуя сцену карточной игры офицеров в китайской фанзе перед выступлением на боевые позиции, автор художественными средствами реконструирует столкновение различных типов поведения офицеров. В диалоге между выигравшим и проигравшим наглядно прослеживается механизм той самой регламентации, о которой говорилось выше:

«Леденев укладывал в бумажник пачки денег и украдкой пересчитывал их.

– Ничего, сегодня я хорошие суточные заработал, – самодовольно сказал он.

Гаврилов презрительно следил за ним.

– А все-таки играешь ты, **не как офицер** (выделено мною. – В.К.). Настоящая уездная чиновница: в первый раз увидела кучу денег и ожидала, боится, как бы не отняли... Вот за что Федьку люблю, – львом играет, молодчина! Федька, выпьем!»⁵⁴

Писатель верно подметил своеобразие ситуации: поручик Леденев, действуя осторожно, с оглядкой, не нарушал правил игры, но именно чрезмерная осмотрительность могла расцениваться его компаньонами как вызов другим правилам – правилам поведения «настоящего офице-

⁵³ Зыков А. Как и чем управляются люди. Опыт военной психологии. СПб., 1898. С. 95.

⁵⁴ Вересаев В. Рассказы о войне // Мир божий. 1906. № 7 С. 4–5.

ра». Понятно, что игра в карты лишь частный случай. Вообще же вести себя «как офицер», иными словами, на службе ли, в быту ли, точно соотносить свои поступки с традициями и ценностями корпорации считалось обязательным для всех её представителей.

Причем в данном случае речь идет не только об отношении к членам офицерского сообщества, но и о самооценке, обусловливавшей уверенность офицера в правомерности своих поступков. Таким образом, межличностные взаимоотношения офицеров по большому счету зависели не столько от симпатий и антипатий, обусловленных свойствами характера, близостью интересов, происхождением и т. д., сколько от степени соответствия поступков представителей офицерского сообщества писаным и неписаным нормам, закрепленным корпоративными традициями.

Видный отечественный историк П.А. Зайончковский, человек, в предреволюционные годы носивший кадетскую форму и потому не понаслышке знакомый с корпоративной моралью, свидетельствовал: «Особенно нетерпимым для офицера было наличие двух черт характера: угодничества перед начальством и доносительства. Первых презрительно именовали "мыловарами". Несмотря на верноподданничество офицеров, считалось недопустимым угодничество и перед членами царской фамилии... Отвращение к доносам воспитывалось ещё в детстве, в кадетском корпусе, где фискалам (так именовались доносчики) нередко устраивалась "темная", т. е. групповое избиение»⁵⁵.

Важным институтом, обеспечивавшим соблюдение свойственных офицерской среде норм и обычаев, с 1863 г. являлся выборный полковой суд общества офицеров (суд чести). Разбирательству в этих судах подлежали проступки обер-офицеров, не подпадавшие под юрисдикцию военных судов, тем не менее считавшиеся несовместимыми с требованиями офицерской этики. Здесь же рассматривались случаи взаимных обид и ссор между офицерами. С 1894 г. суды чести имели право не только делать внушения офицерам, но и «ходатайствовать об удалении из части»⁵⁶. Тогда же значение судов общества офицеров повысилось в связи с узаконением практики дуэлей. В 1894 г. офицеры, в отличие от штатских, официально получили право на защиту чести путем поединка.

⁵⁵ Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны... С. 35.

⁵⁶ Краснов В., Дайнес Д. Суд чести // Русский военно-исторический словарь. М., 2001. С. 579.

В исследовательской литературе о русской дореволюционной армии общепризнано, что ключевым элементом офицерского коллективного сознания являлся комплекс представлений, связанный с концептом «честь». Как и любой концепт, он менял своё содержание в зависимости от определенных исторических условий. Одним из важнейших инструментов защиты чести русского офицерства был институт дуэли. До середины XIX в., по справедливому замечанию Я.А. Гордина, история дуэлей в России – «история самовоспитания личности, защиты и укрепления личного достоинства дворянина как необходимого условия свободы»⁵⁷ Во второй половине века этот культурный феномен трансформируется в средство по поддержанию в общественном сознании представлений об особом статусе офицера. Но и тогда категория «честь офицера», будучи неявно отрефлексированной и не имевшей четких рациональных значений, остается неотделимой от традиций конкретной воинской части. Помимо общекорпоративных представлений «с честью офицерского мундира, – подчеркивает С.В. Волков, – было тесно связано понятие о чести своего полка, культивировавшееся в армии под влиянием исторических традиций. Славные боевые традиции полков русской армии, передававшиеся из поколения в поколение, служили могучим стимулом развития чувства гордости за принадлежность к своей части и вообще к русской армии»⁵⁸.

В качестве дополнения, а иногда и противовеса официальным армейским структурам действовала иная форма организации командного состава армии и флота – офицерский кружок. Создание кружков в армии и на флоте в начале XX в. являлось продолжением давней традиции. Первые подобные объединения офицеров возникают уже в конце XVIII в. Как отмечает А.В. Тихомиров, создавались они «в основном для совместного времяпрепровождения без определенных правил и условий работы и охватывали незначительное число офицеров»⁵⁹ В XIX столетии офицерство довольно часто прибегало к организации кружков, обществ, клубов ради удовлетворения самых разнообразных потребностей. Более того, власть была вынуждена ввести в официальные рамки существование данного социального института, ибо его автономная деятельность могла привести и приводила на практике к утрате контроля

⁵⁷ Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты. СПб., 1997 С. 115.

⁵⁸ Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 291.

⁵⁹ Тихомиров А.В. Очерк истории офицерских собраний // Клио. 2000. № 2 (11). С. 136.

над частью офицерского корпуса. Так были созданы офицерские собрания частей и гарнизонов. Основные положения о деятельности и целях офицерских собраний в 1869 г. были включены в Свод военных постановлений, и военное законодательство вплоть до начала XX в. неоднократно дополнялось новыми нормами, позволявшими расширить общение между представителями офицерской корпорации, полнее удовлетворить их культурные и бытовые потребности⁶⁰ Следующим и вполне логичным шагом на этом пути стало образование Офицерского собрания армии и флота в Петербурге. В 1895 г. император распорядился выделить средства на строительство здания, где должно было размещаться это учреждение; в 1898 г. Собрание начало свою деятельность.

В брошюре военного ведомства, которая специально была посвящена созданию новой военной структуры, так говорилось о причинах её появления: «Офицерские собрания в отдельных частях войск и общие собрания для офицеров того или другого гарнизона введены у нас в начале семидесятых годов. Более чем двадцатипятилетний опыт доказал несомненную их пользу: они сплотили общество офицеров, укрепили корпоративный их дух и способствовали развитию военного среди них образования... Между тем, для преуспевания вооруженных сил вообще необходимо ещё и надлежащее единение между офицерами различных частей войск, различных родов оружия и разных специальностей, единение между офицерами гвардии, армии и флота, ибо только такое единение способно в полной мере развить те чувства братства и товарищества, которые составляют основной залог боевой силы государства»⁶¹

Офицерские собрания, конечно, по-своему и в значительном объеме решали задачи, связанные со стремлением офицеров к самообразованию и активному досугу. Собрания, несомненно, содействовали укреплению социальных связей внутри офицерского сообщества. Обеспечивая консолидацию офицерства, они в определенной мере способствовали и контактам со штатскими, приглашавшимися в собрание на вечера и представления, хотя в большей степени этот институт все же работал на закрепление корпоративной обособленности офицерства. Но не менее важным являлось то обстоятельство, что внеслужебное времяпрепровождение и соответствующие занятия офицеров могли контролироваться высшими инстанциями.

⁶⁰ Подробнее см.. Тихомиров А.В. Указ. соч., Чайка А.А., Стрельников Г.М. Офицерское собрание // Военно-исторический журнал. 1990. № 3.

⁶¹ Офицерское собрание армии и флота в С.-Петербурге. Б.м., 1898. С. 3.

Однако культурные практики офицерства, выходявшие за рамки официальной регламентации, традиция отстаивания определенной автономии поведения офицера требовали дополнительного выхода. В начале XX в. это проявлялось в создании неформальных объединений офицерских кружков. Разнообразные по характеру деятельности и целям кружки выражали культурные, общественные и профессиональные запросы наиболее активной части офицерского корпуса. В кружки вступали те из офицеров, кто был неудовлетворен положением дел в стране и в войсках, кто жаждал перемен в общественной и профессиональной сферах, кто тяготился рутинным существованием замкнутого мира военных. Участие в работах кружков позволяло офицерам относительно свободно высказывать собственные взгляды, обсуждать волновавшие проблемы, с помощью единомышленников пытаться реализовывать совместно выработанные планы.

Значительное влияние на процесс создания и характер офицерских кружков оказали военные неудачи русской армии на Дальнем Востоке и революционный взрыв 1905 г. Вовлечение армии в процесс ожесточенной социальной борьбы привело к падению престижа военной службы в России, способствовало заметному оттоку кадров из рядов офицерского корпуса. Вместе с тем для определенной части военной интеллигенции кризисное состояние армии и государства стало стимулом к усилению социальной активности, в том числе и в рамках таких специфических организаций, как офицерские кружки.

Кружки чаще всего не представляли собой строго оформленные организации, все члены которых подчинялись единым уставным и программным требованиям. Преимущественно это были группы людей, лично знакомых друг с другом, объединенных доверительным отношением и главное – испытывавших заинтересованность в решении довольно существенной, возможно и жизненно важной проблемы. Такого рода группы было достаточно аморфными, а по количеству членов небольшими (до десятка, значительно реже – в несколько десятков человек).

Кружки иногда могли перерастать и в более структурированные, более многочисленные организации путем преобразования, слияния друг с другом либо примыкания к уже существующему центру. Так, с начала 1906 г. вокруг оппозиционной, издававшейся офицерами газеты «Военный голос» стали объединяться различные офицерские кружки, видевшие свою задачу в частичной демократизации армии, прекращении использования её в карательных целях. Целый ряд кружков тяготели к созданному в 1905 г. «Союзу военнослужащих», а затем к его пре-

емнику – учрежденному в конце 1906 г «Всероссийскому офицерскому союзу».

Имели место и случаи, когда, не получая официального признания, группы офицеров не могли конституироваться как полноценные общественные организации, и тогда приходилось довольствоваться более гибким и аморфным объединением в виде кружка. Так, с ноября 1905 г. на квартире лейтенанта А.Н. Щеглова в Петербурге проходили собрания группы морских офицеров, где решено было образовать «Общество младших офицеров флота». Сохранился проект устава общества, датированный 16 декабря того же года. Примечательно, что звания почетного президента и почетного вице-президента авторы проекта предполагали присвоить соответственно морскому министру и начальнику Главного морского штаба⁶². Однако план этот был реализован в ином варианте: группа оформилась полуофициально как Санкт-Петербургский военно-морской кружок.

В первые десятилетия XX в. кружки являлись самым распространенным типом самостоятельных офицерских организаций. Ввиду того, что законодательство не только полностью запрещало участие военных в политических объединениях, но и представляло на усмотрение соответствующего начальства право допуска военнослужащих в общества, образуемые с неполитической целью, неформальная деятельность офицеров в рамках кружков позволяла обойти многие препоны, не навлекая репрессий либо официальных запретов. Таким образом, процесс создания, характер и непосредственные результаты работы офицерских кружков отражали довольно значимые стороны духовной жизни этой общественной группы, что представляет несомненный интерес для исследования социальной активности офицерства в перспективе революционных событий 1917 г. История офицерских кружков первых десятилетий «эпохи войн и революций» дает материал для размышления о соотношении чисто профессиональных устремлений, действий, обусловленных влиянием традиционных корпоративных норм, например, принципиальной аполитичности, и противоречивших традиционным установкам общественно-политических взглядов, убеждений и поступков военной интеллигенции.

Массовое возникновение общественно-политических кружков приходится на период 1905–1907 гг. В их деятельности наглядно отразились перипетии социальной борьбы того времени. Особенностью позиции

⁶² РГА ВМФ. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 79. Л. 2об.

большинства участников офицерских кружков левого и либерального толка являлось то, что они старались уклониться от прямых контактов с различными партиями, стремились выступить как самостоятельная политическая сила, отстаивая идеи надпартийности и неучастия армии во внутреннем гражданском конфликте. Первостепенной задачей в начальный период революции оппозиционные офицерские группы ставили недопущение использования войск для подавления революционного движения, демократизацию армии. Важной вехой в истории подобных кружков явилось обнародование Манифеста 17 октября, который часть офицерства рассматривала как успех революции и вместе с тем достаточное основание для прекращения своей неформальной общественной деятельности. Что касается кружков, стоявших на довольно радикальных позициях вплоть до готовности поддержать вооруженное восстание масс, то затухание революционного процесса в 1907 г. и одновременно исчезновение реальной возможности использовать армию в борьбе с властью привели к их ликвидации. По свидетельству председателя «Офицерского союза» С.Д. Масловского (Мстиславского), в этот период «приток новых членов прекратился, полковые и батальонные кружки стали распадаться»⁶³.

В годы первой русской революции возникали и неформальные офицерские организации, деятельность которых носила яркую консервативную окраску. Генерал А.С. Лукомский (в 1905 г. – подполковник) вспоминал: «В Киеве при моем участии образовался кружок офицеров Генерального штаба, который поставил себе целью собирать все данные о попустительстве начальства или проявляемой им слабости при пресечении проявлений революционного движения. Пользуясь своей сплоченностью и возможностью оказывать давление на начальство (с нами особенно считался начальник штаба округа ген. Маврин), мы считали, что при проявляемых признаках «прострации» и трусости (отсутствие гражданского мужества) со стороны многих начальствующих лиц мы, ради пользы Родины и нашего общего «контрреволюционно-го» дела, не только можем, а должны делать в этом направлении всё, что можем»⁶⁴.

⁶³ Мстиславский С. Из истории военного движения (По личным воспоминаниям). «Офицерский» и «Боевой» союзы 1906–1908 гг // Каторга и ссылка. 1929. № 6 (55). С. 30.

⁶⁴ Цит. по: Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. М., 1990. С. 89.

Помимо кружков, чья работа концентрировалась главным образом вокруг политических проблем, в армии и на флоте создавались объединения, преследовавшие прежде всего профессиональные цели. Члены уже упоминавшегося Санкт-Петербургского военно-морского кружка, на собраниях которого долгое время председательствовал А.В. Колчак, направили свои усилия на возрождение российского флота. Учитывая опыт минувшей русско-японской войны, молодые офицеры обсуждали проблемы морской стратегии и тактики, военно-технические вопросы. Научные доклады, прочитанные на заседаниях кружка, впоследствии публиковались⁶⁵. Большим успехом этой группы флотских офицеров стало создание Морского генерального штаба, идея образования которого неустанно пропагандировалась членами объединения. Деятельность кружка прекратилась предположительно в 1908 г

Сходный по типу и масштабам работы кружок существовал и в армии. Своим возникновением он был обязан инициативе председателя комиссии по обороне 3-й Государственной думы А.И. Гучкова. Испытывая нужду в квалифицированных консультациях относительно законодательной деятельности в военной сфере, он обратился к генералу В.И. Гурко с предложением образовать кружок из достойных офицеров в помощь думской комиссии. «Для формирования кружка, – вспоминал В.И. Гурко, – я прилагал все усилия, чтобы отобрать людей, которых знал близко, и не столько по причине моего знакомства с ними, сколько из-за широты их взгляда на военное дело»⁶⁶.

Действительно, в числе членов кружка оказались лица, опытные и заинтересованные в скорейшей модернизации армии, поэтому они наряду с заключениями о законопроектах военного ведомства представляли думцам и необходимую информацию о нуждах армии, высказывали соображения о назревших преобразованиях. Кружок действовал с разрешения военного министра и начальника Генерального штаба в период 1908 – начала 1910 гг. Состав его насчитывал от десяти до двадцати человек.

Участники офицерского объединения и наиболее активные члены думской комиссии по обороне получили шутовское прозвище «младотурки», которое содержало намек на очень серьезные амбиции этих

⁶⁵ Сборник докладов С.-Петербургского военно-морского кружка. СПб., 1908.

Т 1.

⁶⁶ *Gourko B. Memories and impressions of war and revolution in Russia 1914–1917* L., 1918. P 260.

деятели в сфере военной политики государства. С уходом А.И. Гучкова с поста председателя комиссии деятельность кружка прекратилась. По мнению А.И. Деникина, свою роль сыграл раскол среди коллег по объединению и позиция военного министра В.А. Сухомлинова, с ведома императора отправившего В.И. Гурко и ещё несколько офицеров-кружковцев к новым местам службы подальше от Петербурга⁶⁷

Неформальные группы профессионального и просветительского характера возникали и в провинции. Отдаленность культурных центров, ограниченные возможности для самообразования и просто полезного использования досуга заставляли офицеров объединяться в кружки. Так, например, в ноябре 1913 г. возник и кружок офицеров Амурской речной флотилии, председателем которого стал лейтенант П.А. Панаев – внук известного литератора И.И. Панаева. В первом номере издаваемой на правах рукописи газеты «Вестник Амурской флотилии» один из участников кружка о побудительных мотивах офицеров писал следующее: «Начинание это приходится приветствовать со всех сторон, а в особенности с той, которая сулит нам некоторое разнообразие в нашей будничной жизни, так сказать отвлечение от повседневного растительного прозябания, не дающего хотя бы некоторого простора для личности и для ума». Далее автор подчеркивал, что значение этой инициативы не сводится только лишь к профессиональному совершенствованию – «...кружок нам нужен как способ общения по всем культурным запросам офицеров флотилии в пределах жизни и деятельности нашей в Амурской речной флотилии»⁶⁸

Об интересах офицерства, о проблемах, обсуждавшихся на собраниях членов кружка, дает представление его газета (с 1915 г. – журнал). Здесь печатались материалы, посвященные различным военно-техническим аспектам, бытовым сторонам флотской службы, вопросам военного воспитания, исторические очерки об освоении и изучении Дальнего Востока, беллетристика. С началом Первой мировой войны «Вестник Амурской флотилии» помещал хронику боевых действий на морях, реках и озерах. Печатный орган, а следовательно, и сам кружок просуществовали как минимум до января 1917 г.

Организационные формы, в рамках которых существовала и воспроизводилась система ценностей, присутствовавшая в коллективном сознании офицерства, отображают сложный характер ценностных ори-

⁶⁷ Деникин А.И. Путь русского офицера... С. 193–194.

⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 81. Л. 3.

ентаций и поведения русского офицерства в начале XX в. Они показывают, что как и воспитанники военной школы, так и собственно представители офицерской корпорации культивировали традиции, которые не только одобрялись и поддерживались властью, но и выходили за пределы официальной регламентации, оставаясь все же неотъемлемым атрибутом культурных практик офицерства.

Несмотря на иерархичность офицерского сообщества, наличие тех или иных привилегий у отдельных его групп, проблема равенства и в известной степени демократичности внутрикорпоративных отношений всё же разрешалась и не была столь острой, как это имело место применительно к иным социальным группам, с которыми офицерству приходилось непосредственно взаимодействовать. В данном случае, конечно, необходимо учитывать и то обстоятельство, что позиция «другого», будь то нижний чин или штатский человек, несомненно, отражалась на реальном поведении офицерства, ослабляя либо, напротив, усиливая влияние традиционных норм поведения относительно контрагентов социального взаимодействия. В особенности это касается взаимоотношений офицерства и солдатских масс.

Проблема стабильности этих взаимоотношений в начале XX в. действительно стала довольно злободневной и при этом не имела простого решения. Образцовым в глазах офицеров являлся солдат, четко знающий требования уставов и беспрекословно их выполняющий, хорошо владеющий строевыми приемами и навыками обращения с оружием, без запинки отвечающий на простые вопросы, задаваемые ему на уроках «словесности», имеющий бравый вид и настоящую военную выправку. Идеалом солдатского поведения в боевой обстановке считались удаль, умение переносить тяготы окопного быта, готовность стоять насмерть, выполняя приказ командира. Однако для того, чтобы новобранец приобрел хотя бы часть этих качеств, требовался не только протяженный во времени, кропотливый процесс обучения нижних чинов, но и нечто большее, выходявшее за рамки элементарных процедур отдачи или исполнения приказов.

Социальное взаимодействие офицерства, солдат и матросов в целом носило многомерный характер. Оно, как правило, предполагало совершение определенных поступков в соответствии со сложившимися в армии и на флоте специфическими стереотипами поведения начальника и подчиненного. Внешний, формальный уровень указанных отношений сопрягался с комплексом глубинных психологических установок и соответствующих поведенческих норм, дополнявших элементарные требо-

вания дисциплины. Сама специфика военного быта вынуждала не только солдата, но и офицера, желал он того или нет, принимать в расчет неписанные нормы взаимоотношений двух социальных групп, казалось бы, разделенных непреодолимой стеной. Без этого слаженная работа армейского организма, особенно в боевой обстановке, на учениях, смотрах и т. п., была немислима.

Красноречивый пример подобной взаимозависимости офицера и нижних чинов приводит в своих воспоминаниях поэт Бенедикт Лившиц, накануне Первой мировой войны служивший вольноопределяющимся в 88-м Петровском пехотном полку: «Стрельба была единственным рычагом, при помощи которого мы могли влиять на карьеру начальства: в тех ротах, где офицеры обращались с нижними чинами более или менее человечно, солдаты старались не подвести командиров на смотровой стрельбе. Зато там, где дня не проходило без мордобоя, где наряды вне очереди сыпались как из рога изобилия, процент попаданий был ничтожный. Конечно, со стороны солдат требовалась известная выдержка, так как при индивидуальной стрельбе волей-неволей надо было тянуться изо всех сил: счеты сводились при стрельбе взводом или целой ротой, когда серые шинели тайно голосовали пулями, и виновников провала нельзя было найти никак»⁶⁹

В ментальности воинского коллектива солдат и офицер наделялись одновременно несколькими ипостасями. Принятое отнесение солдат к разряду нижних чинов, а с другой стороны, титулование офицеров и генералов «ваше благородие», «ваше превосходительство» по традиции подчеркивало низкий социальный статус первых и сословное достоинство вторых. Таким образом, фиксировались отношения соподчинения, как отношения между господином и слугой, бариниом и крепостным. Отмена крепостного права и постепенная демократизация социального состава офицерства хотя и вступили в противоречие с этим традиционным укладом взаимоотношений в армии, но к началу XX в. отнюдь не ликвидировали его. «Кто же не знает... что и до сих пор, – сетовал генерал М.И. Драгомиров, – офицеры для солдата не офицеры, а господа, т. е. бары»⁷⁰

Параллельно бытовала и иная интерпретация связи между двумя социальными группами, когда офицер выступал в образе «отца-коман-

⁶⁹ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л., 1989. С. 386–387.

⁷⁰ Драгомиров М. Одиннадцать лет. 1895–1905 гг. СПб., 1909. Кн. 1. С. 117

дира». Здесь он не столько повелевает и наказывает, сколько заботится о повседневных нуждах солдат, проявляет к ним поистине родительские чувства. А если наказание всё же имеет место, то оно гораздо мягче и «справедливее», нежели официальное взыскание. Впрочем, и само военное законодательство закрепляло подобное распределение ролей. Так, одна из статей дисциплинарного устава гласила: «Польза службы требует от начальника охранения в команде воинской дисциплины и порядка. Вместе с тем она обязывает его в сношении с подчиненными быть справедливым, **отечески пещись** (выделено мною. — В.К.) о благосостоянии вверенной ему команды, входить в нужды своих подчиненных, быть в потребных случаях их советником и руководителем, избегать всякой неуместной строгости, не оправдываемой требованиями службы...»⁷¹.

Наконец, рассматриваемые взаимоотношения заключали в себе известную степень равенства — равенства перед тяготами военной жизни, равенства перед лицом смерти. Этот фактор, а также высокая степень этнической и конфессиональной однородности русской армии соответствовали другому уровню отношений, который ясно выражался устойчивым обращением офицера к солдатам — «братцы». Понятно, что подразумеваемое равенство чаще всего было относительным: офицер в данном случае фигурировал в качестве «старшего брата». В художественной литературе имеются примеры, когда офицер обращается к солдатам, как к братьям, именно в моменты тяжелых испытаний и драматических переживаний. «Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали», — призывает своих солдат полковник из лермонтовского «Бородино»; «Брат мой», обращается поручик Ромашев к доведенному до полного отчаяния рядовому в повести А.И. Куприна «Поединок».

Названные способы восприятия — принадлежность коллективного сознания. Они, конечно же, не автоматически находили своё воплощение в реальной практике социального взаимодействия офицерства и нижних чинов. Многие зависело от конкретной ситуации; свою роль, безусловно, играл и личностный фактор, включая социальное происхождение, идеологическую предрасположенность или просто черты характера отдельных агентов этого взаимодействия. Важно, однако, то, что в массовом сознании армейских низов, в офицерской ментальности представления об указанных типах взаимоотношений выступали как набор законченных и апробированных временем образцов поведения.

⁷¹ Военное законодательство Российской империи: Кодекс русского военного права. М., 1996. С. 181.

Являясь элементом армейской повседневности, они при необходимости всегда могли служить ориентиром либо достаточным основанием для оправдания того или иного поступка военного.

Перечисленные варианты взаимоотношений офицерства и нижних чинов, подпиравшие обезличенную дисциплинарную рутину, целиком укладываются в рамки патерналистской интерпретации бытия армейского социума. Тезис о патриархальном типе военной организации России отнюдь не новость ни для зарубежной, ни для современной отечественной историографии⁷². Более того, на рубеже XIX–XX вв. феномен патернализма нашел отражение на страницах работ русских военных педагогов и публицистов. Так, автор «Курса военно-прикладной педагогики» Д.Н. Трескин писал: «В России вся жизнь, частная, общественная и государственная, основана на семейных началах. Основы русской армии и военное законодательство, как известно, зиждятся главным образом на этом начале»⁷³. Военные писатели того времени нередко подчеркивали достоинства «отечески-сыновнего» варианта взаимоотношений командного состава и нижних чинов. Вместе с тем существовало и отчетливое сознание неприемлемости сохранявшейся традиции, когда офицер и солдат взаимодействуют в рамках оппозиции «барин – мужик».

В период между двумя войнами – русско-японской и Первой мировой – проблема взаимоотношений солдата и офицера стояла очень остро. Уже русская революция 1905–1907 гг. продемонстрировала наличие трещины в традиционном укладе этих взаимоотношений. Восстания матросов и солдат в Кронштадте, Свеаборге, на Черноморском флоте, во Владивостоке и других пунктах расквартирования войск сопровождались актами неповиновения, арестами командиров, прямым насилием над офицерством. Отдельные представители офицерского корпуса видели за этими, пусть пока и не повсеместными проявлениями бунтарства нижних чинов, симптомы серьезной болезни армии и предвестие будущих ещё более масштабных потрясений. Но те, от кого зависело принятие соответствующих решений, как правило, заботились лишь о восстановлении *status quo*.

Так, 20 ноября 1905 г. штаб-офицер для поручений, подполковник Левандовский подал рапорт своему непосредственному начальнику –

⁷² Черты патерналистских взаимоотношений в русской армии нашли отражение в монографии В.П. Булдакова «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия» (М., 2010).

⁷³ Цит. по: О воспитании и обучении в русской армии // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 82.

генерал-квартирмейстеру при главнокомандующем вооруженными силами России на Дальнем Востоке. Под впечатлением от вспышек солдатского недовольства, исходя из наблюдений за реакцией своих сослуживцев, считавших «язык пулеметов» главным аргументом в споре с волнующейся солдатской массой, офицер делал вывод о нависшей над армией угрозе жестокого столкновения. «И уж тут, в этом столкновении, предупреждал Левандовский, – вспомнятся все прежние причины розни, – и ненависть простолюдина к "барину", и все прегрешения офицера перед нижним чином, а выльется оно в такую страшную форму, что всё, что происходило во всей России до сих пор, покажется сравнительно детскими штучками»⁷⁴ Адресат послания генерал-майор В.А. Орановский, оставив рапорт без ответа, распорядился возвратить его автору⁷⁵.

На флоте и в армии имели место и коллективные попытки офицеров изменить отдельные стороны взаимоотношений командиров с солдатами и матросами. Часть офицерского корпуса, осознавая опасность революционирования войска, не прочь была удовлетворить некоторые требования нижних чинов. Однако, как правило, дальше обсуждения вопросов о положении армейских низов, о взаимоотношениях между офицерством и солдатской массой в узком кругу дело не двигалось. Отсутствие у рядового офицерства реальных рычагов для решения назревших в армии проблем являлось одной из причин того, что случаи, когда офицеры коллективно и открыто выступали за перемены в армейских порядках, были крайне редки. Так, историк А.И. Панов называет «исключительным событием в истории российского флота» состоявшееся 14 ноября 1905 г собрание морских офицеров на броненосце «Ростислав». Броненосец, пребывавший тогда на Севастопольском рейде, стал местом собрания более 60 офицеров в чине от мичмана до капитана 1-го ранга. Офицеры констатировали факт утраты доверия матросов к офицерам и заявили о необходимости удовлетворения ряда экономических требований команд. Собравшиеся высказались также за проведение гласного суда с привлечением адвокатов для арестованных участников революционных волнений на Черноморском флоте⁷⁶

⁷⁴ Движение в войсках на Дальнем Востоке // Красный архив. 1925. Т. XI–XII. С. 310.

⁷⁵ По злой иронии судьбы 29 августа 1917 г командовавший 42-м отдельным армейским корпусом Орановский, а также ещё десять офицеров и генералов падут жертвой скоротечного солдатского самосуда в крепости Выборг...

⁷⁶ Панов А.И. Офицерский корпус и политические процессы в обществе: мировой опыт и российская действительность. М., 2000. С. 191.

Аналогичный случай произошел и в крепости Свеаборг. Здесь 31 октября 1905 г. без санкции коменданта крепости несколько десятков офицеров собрались для рассмотрения солдатских просьб, высказанных в ходе опроса нижних чинов 29 октября. Офицеры подготовили проект приказа по гарнизону, куда были внесены пункты, ставшие ответом на достаточно умеренные требования солдат. В частности, нижним чинам дозволялось курение около казарм и в общественном саду, разрешалось за свой счет справлять обмундирование⁷⁷. Публичное обсуждение армейских порядков, которое увенчалось принятием соответствующего постановления, точно так же, как и действия коменданта крепости, подписавшего составленный офицерами приказ, являлось вопиющим нарушением уставных норм. Подобно офицерам-черноморцам офицеры Свеаборга – участники «крамольного» собрания были наказаны, а в жизни нижних чинов никаких перемен не произошло. Следствием бескомпромиссных запретительных мер военных властей стало сохранение в Свеаборгской цитадели взрывоопасного положения, разрядившегося в середине июля 1906 г. вооруженным восстанием части гарнизона.

Революция 1905–1907 гг. хотя и не разрушила, но основательно поколебала традиционный уклад взаимоотношений в войсках. Поэтому и по прошествии нескольких лет после её окончания офицеры продолжали ощущать дискомфорт, вызывавшийся неприятием отдельными представителями нижних чинов прежних норм и форм социального взаимодействия внутри воинского организма. Память о революции, проявляясь в поведении армейских низов, нет-нет да и давала знать о себе, ставя в тупик офицеров, привыкших к беспрекословному подчинению и чиновничеству солдат и матросов. Любопытный документ, иллюстрирующий ситуацию, сохранился среди бумаг морского офицера П.А. Панаева. Это черновик его рапорта командиру линкора «Слава», помеченный 21 мая 1912 г. Здесь офицер повествует о столкновении с неким матросом, которое произошло в тот же день в Ревельском порту. «Сего числа около 9 часов вечера, – сообщал Панаев, – мною был встречен на Адмиральской пристани в развратном виде матрос 2-й ст. разряда штрафованных Иван Тарасов, команды линейного корабля "Император Александр II"». На мое замечание он нисколько не изменил позы, а на приказание взять руку под козырек ответил, что **не такое теперь время, настал 12-й год** (выделено мною. – В.К.) и т. п.»⁷⁸

⁷⁷ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 2593. Л. 21–22.

⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 66. Л. 65.

Тревожные симптомы, свидетельствовавшие о разладе взаимоотношений в армейской среде, не остались незамеченными для наиболее мыслящих представителей офицерского корпуса России. Военные писатели и публицисты каждый по-своему стремились откликнуться на поставленные самой жизнью вопросы и указать действенные способы их разрешения. Так, видный военный педагог и литератор генерал Н.Д. Бутовский, чьи книги и статьи об армии пользовались широкой известностью, главным выходом из положения считал проявление со стороны офицера заботы и отеческих чувств по отношению к нижнему чину. Например, в статье «Армия под натиском революции» он писал: «Много ли нужно этому скромному простолыдину? Прimitивная справедливость, отеческое внимание, толковое и ласковое обучение, здоровая пища, исправная одежда, казарменное тепло, баня, приспособление для стирки белья, внимательное лечение болезней, щепотка чаю, сахару, махорки и прочее. Если мы в развитие этих забот не поленимся навестить больного в госпитале, сказать ему слово утешения, то возможно ли, после всего этого, похищение сердца солдата из наших рук»⁷⁹?

Как видим, генерал предлагал осуществлять традиционный, давно отработанный подход к воспитанию солдата, сложившийся на основе патерналистской модели социального взаимодействия. В реальной жизни эта модель, как известно, имела свои положительные и отрицательные стороны. Бутовский, разумеется, писал только о привлекательных, с его точки зрения, качествах поведения «главы» армейской «семейной ячейки». Первостепенной задачей генерал считал усиление активности офицера, исполняющего роль заботливого отца-командира. Однако сторонники сохранения патерналистских взаимоотношений между нижними чинами и офицерством не могли не ощущать того, что и сознание, и поведенческие установки солдатской массы, находившиеся в зависимости от современных культурных процессов в низах российского общества, существенно видоизменились по сравнению с положением двадцати- – тридцатилетней давности, когда отечески-сыновний вариант взаимного восприятия ещё мог считаться идеальным.

В 1906 г в России была опубликована книга французского автора Ж. Дюрьи «Офицер-воспитатель». Предваряя книгу краткой преамбулой, русские переводчики в унисон мыслям Дюрьи настаивали, что «мало только командовать и учить военному искусству»: единение «между офицерами и нижними чинами возможно только посредством нравственного

⁷⁹ Бутовский Н. Статьи на современные темы... С. 20–21.

и умственного влияния первых на вторых, т. е. при принятии офицерами на себя роли воспитателя солдата»⁸⁰. Какие же перемены в представлениях о неформальном статусе офицера влекла за собой эта идея?

Своеобразным ответом на вопрос послужила, в частности, книга подполковника Генерального штаба М.С. Галкина «Новый путь современного офицера», вышедшая из печати в 1907 г. Здесь русский офицер, обильно цитируя оценки и положения Дюрри, старается соотнести их с российской действительностью. Остановливаясь на специфике мироощущения солдатской массы, которое сформировались после реформ Милютина, Галкин утверждает: «Офицер-барин перестал существовать, нижний чин-холоп – отошел бесповоротно в область преданий. Мужик проснулся, и появились первые признаки сознательности»⁸¹. В итоге, по мысли русского офицера, почет и уважение со стороны нижнего чина теперь обеспечивались командиру не одним статусом начальника, как прежде, а его личными качествами духовного и нравственного воспитателя. Автор обращает внимание читателя на тот факт, что в период русско-японской войны между солдатами и офицерами, благодаря многодневному соседству в окопах и совместной боевой работе, нередко возникала та сплоченность, которую сложно было завоевать в мирное время. Такой уровень близости и спайки армейского коллектива Галкин именовал «братством».

Русский офицер сочувственно цитирует следующую мысль Дюрри: «В свое время хорошая идея об "отеческом" авторитете соответствовала патриархальному строю жизни, который прошел и более никогда не вернется. Общество нашего времени более не патриархально»⁸². Соглашаясь с французским автором в оценке отцовской опеки, которая часто носила слишком суровый и несправедливый характер, Галкин предлагал направить усилия рядового офицерства в сторону формирования «братских» взаимоотношений с солдатской массой. При этом роль «отца-командира» в русской армии не должна была исчезнуть окончательно: «Отец-командир более подходит к старшим чинам армии, начиная с командира войсковой части. Старший брат – вполне уместное определение для младших офицеров»⁸³. Таким образом, речь шла о социальном взаимодействии офицеров и нижних чинов в рамках той же патер-

⁸⁰ Дюрри Ж. Офицер-воспитатель. СПб., 1906. С. III–IV

⁸¹ Галкин М. Новый путь современного офицера. СПб., 1907. С. 17–18.

⁸² Там же. С. 79.

⁸³ Там же.

налистской парадигмы, но в более демократизированном её варианте, по преимуществу определявшемся категорией «братство».

В отличие от сторонников патерналистской модели социального взаимодействия в войсках, один из видных деятелей русского флота капитан 1-го ранга, впоследствии вице-адмирал А.А. Ливен, в работе, датированной февралем 1908 г., рассуждал так: «Вообще, наш дикарь мужик крайне застенчив и недоверчив. Никакое популярничанье (читай: претензия на роль «отца-командира». – В.К.), никакое **братание** (выделено мною. – В.К.) не выведет его из своей замкнутости. Напротив, он этого не любит. Он считает, что барин должен вести себя как барин, а мужик ведаёт своё дело». И далее автор делал неутешительный вывод: «Бунты ещё вовсе не прекратились. Если теперь утихло, то это в связи с некоторым общим успокоением в стране. Наши нижние чины вовсе не в наших руках, и настроение их вполне зависит от политических течений в народных массах. Они тесно связаны с толпой и резко отделены от своих начальников. В случае крупных беспорядков флот не представляет опоры для правительства, а добавочную опасность»⁸⁴.

Причины Ливен усматривал в существовании колоссальной пропасти между офицерством и солдатскими массами. «Офицеры разнятся от нижних чинов в двух отношениях: по общественному положению и по служебному. Матрос происходит из низших слоев населения мало развитых и бедных, офицер же принадлежит к более интеллигентным и имущим классам, так называемому привилегированному сословию. Между обоими существует пропасть от рождения, трудно проходимая как с той, так и с другой стороны»⁸⁵. Учитывая эти особенности, Ливен предлагал в деле военного воспитания значительно повысить роль кадровых унтер-офицеров. Они во многих отношениях были ближе к солдату и матросу и могли служить надежным связующим звеном между офицерами и рядовыми нижними чинами. Конечно же, Ливен осознавал, что это только полумеры. Отсюда тревога и общий пессимистичный настрой рассуждений морского офицера, считавшего, что в ближайшем будущем сгладить издержки глубокого социального неравенства в военной среде не удастся.

Генерал М. Грулев смотрел на дело более оптимистично, нежели Ливен. Генерал полагал, что главным условием укрепления связи между солдатом и его командиром может стать изменение поведения офи-

⁸⁴ Ливен А.А. Дух и дисциплина нашего флота. СПб., 1908. С. 123.

⁸⁵ Там же. С. 119.

церства. Это произойдет в том случае, если офицер увидит в солдате человека, будет уважать в нём личность, а потому и начнет относиться к нему как к равному. Такое отношение, по мнению Грулева, должно выразиться, в частности, в обращении офицера к нижнему чину на «вы»: «Все эти рассуждения, что обращение на "ты" сближает офицера и солдата, что оно более понятно нашему простолюдину, что солдат сам говорит иногда офицеру "ты", что мы Богу и царю говорим "ты" и т. п. – кажутся нам не только неосновательными, но глубоко фарисейскими. Мы вполне уверены, что все поклонники тыканья действительно более близки к солдату, чем их противники, но не душой и сердцем, а рукоприкладством. Также ни на чем не основаны уверения, – продолжал мысль Грулев, – что в народе у нас преобладает обращение на "ты". Не говоря уже просто, что в армию поступает немало городских жителей, мастеровых, фабричных, давно отвыкших от тыканья, но и в крестьянской среде эта форма общения постепенно вытесняется обращением на "вы". Есть ли основание узаконить обращение к солдату на "ты" только потому, что солдат говорит иногда офицеру "ты" по простоте и привычке? Это имело бы смысл, если бы эта форма обращения была узаконена во всей армии между офицерами и солдатами обоюдно. Но ведь этого нет»⁸⁶.

Другой офицер, А. Геруа, обращаясь к насущным проблемам жизни русской армии, подчеркнул особую значимость идейного просвещения солдата. Для того чтобы воинский дух и боеспособность армии были высоки, считал Геруа, необходимо осуществлять массовую систематическую пропаганду и в войсках, и в гражданской среде. Содержание пропаганды в данном случае должно было определяться логикой общегосударственных идеологических и политических установок: «Нынешняя армия, нравственный и умственный облик которой совпадает с таковым же обликом народа, дает свою наиболее производительную работу только при условии глубокого проникновения основною политическою идеею войны. Каждый солдат современной вооруженной громады должен в круге своего мирозерцания находить доводы в пользу необходимости борьбы за дело, за которое он призван пролить кровь»⁸⁷.

Размышления русских офицеров, отраженные в военной публицистике начала XX в., свидетельствуют об определенном сдвиге в оценке задач государственной власти и офицерства по поводу того, как должны строиться взаимоотношения солдата и его командира, каковы глав-

⁸⁶ Грулев М. Злобы дня в жизни армии. Брест-Литовск, 1911. С. 3.

⁸⁷ Геруа А. После войны о нашей армии. СПб., 1906. С. 250.

ные направления воспитания нижних чинов, что необходимо предпринять для укрепления воинского духа. В рядах русского офицерства созрело понимание того, что прежний патерналистский вариант взаимоотношений между верхами и низами армии продемонстрировал свою малую эффективность в период русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. Поэтому даже сторонники патерналистской модели призывали внедрить элементы демократизма в армейскую повседневность. Одновременно среди наиболее дальновидных представителей офицерства, которые справедливо полагали, что исход военного противостояния в эпоху борьбы массовых армий во многом зависит от ясного осознания и приятия целей войны, зрела идея интенсивного идеологического и политического просвещения нижних чинов.

Хотя пронизательные суждения и доводы приверженцев перемен оказывались крайне важными в преддверии надвигавшейся мировой войны, в эту войну русское офицерство вступило, по-прежнему опираясь на старую патриархальную парадигму социального взаимодействия с солдатскими массами.

3. Офицерство и мир штатских: социокультурный аспект взаимоотношений

Контакты между представителями офицерства и иных социальных групп были довольно многообразны. Нельзя сказать, чтобы это взаимодействие было серьезно затруднено. Однако условия службы и быта предполагали известную замкнутость существования офицеров. В силу традиций офицерского сообщества, трепетно оберегавшего честь мундира, а также благодаря установкам власти, стремившейся не допустить распространения в армии крамолы, исходившей из среды штатских, данное взаимодействие приобретало специфический характер и зависело от многих факторов, включая то, как различные социальные группы проявляли своё отношение к офицерству в конкретной исторической обстановке.

По понятным причинам социальное взаимодействие офицерства, скажем, с рабочими или крестьянами было крайне ограничено. Но в сознании низов так или иначе формировался определенный стереотип восприятия офицера. Так, в представлении крестьянина офицер, как правило, – барин, а кроме того, человек, наделенный особыми правами не только по отношению к нижним чинам армии, но и штатским вообще.

Для рабочего офицер чаще всего – буржуй, со всеми вытекающими из этого определения отрицательными характеристиками. Для офицерства же в массе рефлексия по поводу взаимоотношений с низами и задача выработки соответствующей позиции не были актуальными, если речь не шла о неких чрезвычайных ситуациях.

Так, временами в прессу проникала информация о столкновениях офицеров и разношерстного люда, занимавшего нижние ступени социальной лестницы. Нередко эти инциденты заканчивались печально для офицеров. Дело в том, что офицер, подвергшийся насильственным оскорблениям, рукоприкладству, независимо от того, насколько неожиданными для него оказывались эти действия, по традиции обязан был оставить военную службу. А.И. Деникин вспоминал: «1902–1903 годы полны случаями хулиганских нападений на офицеров... Особенно большое впечатление в военной среде произвел случай с поручиком Кублицким, который, будучи оскорблен хулиганом, застрелился»⁸⁸. В период первой русской революции случаи насилия штатских лиц в отношении офицерства также имели место. Офицеров оскорбляли, обезоруживали, избивали; некоторые из представителей высшего командного состава армии стали объектами террористических акций революционеров.

В критических ситуациях, вызванных конфликтом со штатскими, М.И. Драгомиров, по словам Деникина, рекомендовал офицеру «скромность, полнейшую выдержку и... отточенную шашку»⁸⁹. Но были и иные способы избежать столкновений. Так, заботой о чести офицерского мундира в конце XIX – начале XX в. было продиктовано множество распоряжений военного начальства, оговаривавших наименования публичных мест, которые запрещалось или, напротив, разрешалось посещать офицерам. Например, согласно приказу по войскам гвардии и Петербургского военного округа № 13 от 26 марта 1911 г., в столице под запрет попадали:

- «1) Частные клубы и собрания, где производится азартная игра.
- 2) "Варьете", – Фонтанка, 81 (зимний кафешантан).
- 3) "Кафе-де-Пари", – кофейная под Пассажем на Невском пр.
- 4) "Эдем", – летний увеселительный сад, Глазовская ул., №23.
- 5) "Яр", – ресторан на Большом проспекте Петербургской стороны.
- 6) Мелкие кинематографы.
- 7) Рестораны и гостиницы низших разрядов.

⁸⁸ Деникин А. Старая армия. Париж, 1929. Т. 1. С. 131.

⁸⁹ Там же. С. 133.

8) Все вообще трактиры, чайные, кухмистерские, кофейные, пивные, портерные, а также буфеты III класса на станциях железных дорог»⁹⁰

Благодаря статусу и специфике профессиональной деятельности командного состава армии и флота России до революции 1917 г. наибольшее значение для офицерства в отношении коммуникации и межгруппового взаимодействия вне военной среды естественным образом приобретали контакты с образованным слоем российского социума – интеллигенцией, частью которой по большому счету являлось и само офицерство.

В отечественной исследовательской практике уже отошла в прошлое традиция резкого противопоставления интеллигенции и офицерства. Сегодня не принято исключать чиновничество, служителей религиозного культа и офицеров из всей массы лиц интеллигентных профессий. И эта установка, несомненно, предоставляет ученому целый ряд очевидных выгод, но лишь до известных пределов. Скажем, в начале XX в. мало кому из офицеров приходило в голову именовать себя интеллигентом. Точно так же и штатские представители образованных слоев общества отнюдь не отождествляли интеллигенцию и офицерство. Впрочем, всё это не исключало существования между обеими социальными группами исторически сложившихся уз, определенного диалога, осознания единства культурных истоков. Хорошо известно, какой неопределимый вклад внесли представители офицерской корпорации в развитие российской науки, как ярко проявили они себя и в различных областях искусства. Наконец, крайне важно и то, что именно офицеры (декабристы) оказались основателями отечественной революционной традиции.

К началу XX столетия социокультурное взаимодействие офицерства и штатской интеллигенции во многом определялось результатами государственной политики в армии. С одной стороны, путем запретов и репрессий, с другой, – интенсивно культивируя представления об особом, более высоком положении офицеров среди других социальных групп, власть сумела оградить командный состав не только от активного участия в общественном движении, но и способствовала тому, что офицерство не испытывало острой заинтересованности в интенсивном диалоге с интеллигенцией. Отношение к этому социальному слою со стороны большинства офицеров теперь напрямую зависело от того, какой стереотип военного складывался в общественном мнении России (благодаря публикациям об армии в гражданской печати, произведениям

⁹⁰ Русский инвалид. 1911. 31 марта.

художественной литературы и т. д.). В итоге офицерство выступало пассивной стороной означенного диалога и формировало своё восприятие общественности (интеллигенции) скорее как реакцию на вопрос или вызов, брошенный корпорации извне.

Каким же представлялся облик офицера в сознании образованных людей? Какие типичные черты выделяла интеллигенция, характеризуя офицерство? Проблема не так проста, как может показаться на первый взгляд. Все дело в том, что о каком-либо единстве базовых ценностей и действий различных групп русской интеллигенции в конце XIX – начале XX в. говорить сложно. Это обусловлено существовавшей тогда сильнейшей социальной фрагментацией как российского общества в целом, так и образованной его части. Американские исследователи, авторы коллективной монографии «Между царем и народом. Образованное общество и поиски социальной идентичности на закате императорской России», в данной связи справедливо отмечают, что к началу Первой мировой войны «по существу все группы профессиональной интеллигенции были глубоко разобщены»⁹¹

Тем не менее попытка реконструировать стереотип офицера, бытовавший в интеллигентской среде, может оказаться удачной. Один из возможных вариантов состоит в изучении источников, исходивших от представителей русской духовной элиты, ученых, философов, писателей и поэтов, которые активно воздействовали на формирование и распространение этого стереотипа. Анализ проблемы сквозь призму восприятия творцов «высокой» культуры может быть плодотворным не только благодаря обращению к художественной либо теоретической стороне их трудов, но также и с учетом текстов, содержащих обыденные наблюдения интеллигентов – очевидцев событий.

Начнем с произведения В.С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Эта работа была завершена великим русским мыслителем в 1900 г. Здесь участником диалога наряду с представителями интеллигенции, высказывающими различные мнения по существу обсуждаемых вопросов, становится генерал. Генерал у Соловьева – живое воплощение ценностных ориентаций военного сословия – совсем не случайно был введен в круг собеседников. Дискуссия вращалась вокруг «вечной» темы добра и зла, с неизбежностью затрагивая проблему войн и насилия. Не вдаваясь в философские аспекты

⁹¹ Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, 1991. P. 197.

спора, отметим, что содержание речей его участников, помимо прочего, достаточно выпукло демонстрирует болевые точки во взаимоотношениях интеллигенции и офицерства рубежа двух веков.

Соловьевские диалоги в данном случае отображают реальную специфику ситуации, когда интеллигенция под влиянием прогрессистских и пацифистских веяний лишала воинское служение ореола святости; в лучшем случае она отводила военным роль бесстрастных исполнителей утилитарных задач государства, в худшем – распространяла своё осуждение насилия в войнах и на тех, чьими руками эти войны ведутся. Офицерство в подобном споре занимало оборонительную позицию, стремясь отстоять её ссылками на традицию. Аргументация военных при этом сочетала религиозную составляющую со «здравым смыслом» и сильным эмоциональным началом. Не случайно Соловьев в предисловии к «Трем разговорам» открыто заявляет, что его генерал выражает религиозно-бытовой взгляд на мир⁹².

Этот взгляд нетрудно обнаружить, обращаясь, например, к трудам современника Соловьева, одного из крупнейших военных деятелей России второй половины XIX в., генерала М.И. Драгомирова. Так, в полемике с пацифистами Драгомиров заявлял: «Я первый говорю, что война дело отвратительное, бесчеловечное, жестокое, утверждаю только, что вместе с тем и неизбежное. Человечество, по примеру своего Божественного Учителя, может молить: "Господи, да мимо мене идет чаша сия", но пусть не забывает и окончания этой мольбы: "но не якоже аз хощу, но якоже Ты", ибо, – пишет Драгомиров, – когда совершаются времена, чаши избежать нельзя»⁹³.

Заключительный раздел «Трёх разговоров» – «Краткая повесть об Антихристе» – это воплощение в необычайно оригинальной и яркой художественной манере апокалиптических видений автора, включающих сцены битв массовых армий. Таким образом, генерал у Соловьева оказывается среди участников диалога ещё и благодаря предчувствию философом надвигавшихся духовных и военных катаклизмов. Соловьев довольно благожелателен по отношению к своему герою: генерал не вызывает у читателя отрицательных эмоций. И это довольно симптоматично. Рискнем предположить, что здесь задействован тот же механизм восприятия офицерства штатским интеллигентом, что был раскрыт Н.А. Бер-

⁹² Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 640.

⁹³ Драгомиров М. Открытое письмо г. Блиоху // Драгомиров М. Одинадцать лет... Кн. 1. С. 136.

даевым в несложной психологической формуле: «Я с уважением относился к военным во время войны, но не любил их во время мира»⁹⁴

Данный контекст, по-видимому, объясняет и метаморфозы в поведении многих других представителей русской интеллигенции. Так, литератор Б.А. Садовской оставил описание почти анекдотичного происшествия, участниками которого были два известных поэта – Константин Бальмонт и Юргис Балтрушайтис. Однажды, «сидя в ресторане с Балтрушайтисом подле двух военных, Бальмонт воскликнул: "Ненавижу военных, презираю офицеров!" Те промолчали. Бальмонт крикнул громче. Офицер с размаху хватил его шашкой по голове. Балтрушайтису удалось отклонить удар стулом, и автор "Горящих зданий" отделался легкой царапиной на виске»⁹⁵ Стоит напомнить, что позднее, в 1914 г., тот же Бальмонт сочинял проникновенные патриотические строки о войне, где не было и не могло быть места неуважению к армии.

Действительно, русско-японская война, а в ещё большей степени Первая мировая по-своему подтвердили наличие странной, напоминающей принцип движения маятника закономерности, которой подчинялось отношение штатской интеллигенции к офицерству. Отчасти «механизм» подобных «колебаний» раскрыл генерал А.И. Деникин на страницах своей книги «Старая армия». «В годы войн – японской и мировой, – утверждал Деникин, – в обществе вспыхивал на время повышенный интерес к армии и её жизни, появлялась большая родственная близость к ней – ведь почти не было семьи, которая не дала бы армии воина... Но в гражданской среде воспринималась больше внешняя, героическая сторона боевой страды, в преломлении сквозь призму патриотического подъема, или наоборот – изнанка жизни фронта и тыла, как материал для революционной пропаганды... Знакомство общественных кругов с армией возросло мало»⁹⁶

Русская общественность отдала должное офицерам – героям обороны Порт-Артура и крейсера «Варяг», но окончание боевых действий на Дальнем Востоке в 1905 г., ставшее следствием тяжелых поражений русских в войне с Японией, породило просто шквал нелицеприятных высказываний в адрес офицерства. Спустя годы, характеризуя состояние обще-

⁹⁴ Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 25.

⁹⁵ Садовской Б. Записки (1881–1916) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1991. Вып. 1. С. 181.

⁹⁶ Деникин А. Старая армия. Париж, 1929. Т. 1. С. 115.

ственного мнения и ответную реакцию офицеров, А.В. Колчак отмечал в одном из своих писем: «Минувшая война сделала флот прямо притчей во языцех – ведь было даже неловко ходить по улицам первое время»⁹⁷.

В истории России первых десятилетий XX в. войны с неизбежностью влекли за собой и мощнейшие революционные катаклизмы, что, безусловно, усложняло характер взаимоотношений военных и штатской интеллигенции. Использование армии в подавлении антиправительственных выступлений 1905–1907 гг. стало одной из причин обострения этих взаимоотношений. Хорошей иллюстрацией логики восприятия образа офицера молодым интеллигентом в данной связи может служить фрагмент мемуаров Андрея Белого «Между двух революций». Находясь в Москве в момент издания знаменитого приказа Д.Ф. Трепова «Патронов не жалеть» (октябрь 1905 г.), Белый выдвинул лозунг «Бойкот офицерам!» и даже предпринял попытки к осуществлению этой идеи. Позднее поэт вспоминал: «Они (офицеры. – В.К.), вернувшись с войны, казались мне левыми; я ждал заявления: "Стрелять не будем", его – не было; вот я и придумал бойкот...»⁹⁸

В период первой российской революции, в условиях относительной свободы слова, демократическая печать открыла целую кампанию массового, по-своему аргументированного осуждения армейских порядков и нравов, включая поведение офицерства. Офицер, как мишень для критики, во-первых, представлялся человеком, изначально обреченным вести образ жизни, замкнутый на узкопрофессиональные интересы и бытовые заботы; во-вторых, считалось, что по причине изолированности от общества и его проблем он вынужден служить не народу, а ненавистному самодержавию. На этом фундаменте надстраивались прочие клише, рисовавшие офицерство в невыгодном для него свете. Так, если речь шла о службе командного состава армии, то офицерам, как правило, приписывали непрофессионализм, халатное выполнение своих обязанностей, жестокость и безразличие к нижним чинам. Восприятие частной жизни офицера нередко было сопряжено с представлениями о губительной склонности к пьянству и разврату, безудержной картежной игре. Офицеров обвиняли также в бессмысленном убийстве себе подобных посредством практики дуэлей. Наконец, с точки зрения общественно-политической офицер изображался как реакционер, потенциальный или реальный душитель народной свободы.

⁹⁷ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 49. Л. 15.

⁹⁸ Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 39.

Подобная позиция была развернута, например, в серии публицистических статей либерального литератора (а в недалеком прошлом офицера) П.М. Пильского. Его статьи, напечатанные под общим заглавием «Армия и общество. Элементы вражды и препятствий» в нескольких номерах журнала «Мир Божий» за 1906 г., получили довольно широкий резонанс. Приводя факты и описывая детали армейского быта, автор довольно точно воспроизвел структуру и содержание того негативного стереотипа офицера, что присутствовал в сознании штатской интеллигенции. Соответственно, основной пафос этих статей состоял в обличении кастовости офицерского корпуса – главной, по мнению публициста, причины взаимного неприятия и противостояния обеих социальных групп. «Рознь офицерства с так называемым "гражданским" обществом, – подчеркивал Пильский, – старая, исконная, глубокая рознь. Каста заперлась и замкнулась, и её представители входят в толпу "обыкновенных людей" только в качестве карателей и мстителей для усмирения, расправы и вразумления, сводя личные счёты своими "средствами" и квитаясь с невоенными при помощи кулака и нагайки, шашки и револьвера»⁹⁹

Феномен гипертрофированного критицизма по отношению к военным вызывал озабоченность даже у демократически настроенного офицерства, и оно, как могло, стремилось объяснить и сгладить остроту возникших противоречий. Так, в мае 1906 г. редактор неофициальной офицерской газеты «Военный голос» подчеркивал, что уже в ходе русско-японской войны на основании немногочисленных примеров поведения офицеров, порочивших военный мундир, в обществе стало складываться превратное мнение обо всем командном составе армии. По свидетельству военного журналиста, «преувеличенное уважение к офицерству сменилось преувеличенным же пренебрежением», а с началом революции, когда несправедливые обвинения и эксцессы участились, лишь меньшинство офицеров попыталось отнестись сознательно к причинам произошедшего, а большинство «ответило ненавистью и злобой народу и его стремлению к свободе»¹⁰⁰

В годы первой российской революции военная тема нашла своё отражение на страницах произведений В.В. Вересаева, А.И. Куприна, С.Н. Сергеева-Ценского, а также других русских писателей, которые не пожалели иронии и темных красок при воссоздании художественными

⁹⁹ Пильский П.М. Каста // Мир Божий. 1906. № 8. Ч. I. С. 210.

¹⁰⁰ Военный голос. 1906. 16 мая.

средствами армейской действительности и социально-психологического портрета офицерства. Особенно громкий отклик, в том числе в военной среде, получила повесть Куприна «Поединок», опубликованная в мае 1905 г. Реакция офицерства была быстрой, но неоднозначной: от согласия и одобрения до обвинений в клевете и вызовов писателя на дуэль.

Волна критики в адрес офицерства не спадала ещё несколько лет после окончания первой русской революции. Причем в эту кампанию включилась не только демократическая интеллигенция, но и крайне правые круги общественности. Так, в конце 1909 г. темой скандальных пересудов нижегородской публики и предметом оживленной переписки между различными военными инстанциями стала работа музыкально-драматического кружка, действовавшего при гарнизонном офицерском собрании Нижнего Новгорода. Всё началось с появления в местной право-монархической газете «Козьма Минин» заметки под заголовком «Субботный шабаш в офицерском клубе». Содержание статьи сплошь составляли нападки и обвинения в адрес офицеров, виновных якобы в нарушении религиозных заповедей и чести мундира. «Разухабистые театральные представления, танцы и другие увеселительно-распутные скопища устраиваются накануне воскресных дней, с 8 час. вечера суббот, т. е. в то самое время, которое до освободительного красно-кровавого бреда постоянно и неизменно в течение тяжелой жизни русского народа посвящалось молитве», — негодуяще восклицал автор. Он без тени сомнения сравнивал офицерское собрание Нижнего Новгорода с «пошло-политиканствующим общедоступным клубом», в котором поощряются «демократическое хамство», «склонность к актерскому кривлянью и танцевальным выкрутасам»¹⁰¹.

В ответ председатель офицерского собрания полковник С.М. Солунсков потребовал привлечения к суду редактора «Козьмы Минина» и самого автора скандальной статьи. Проведение субботних вечеров всё же было прекращено, а в штаб Московского военного округа и в штаб Гренадерского корпуса начальство нижегородского гарнизона направило донесения оправдательного характера. Эти послания и по смыслу, и по своей лексике рельефно отобразили характер взаимоотношений офицерства и правой общественности Нижнего. Так, в одном из писем говорилось, что за исключением факта проведения музыкальных вечеров в субботние дни остальное «надо признать сплошной ложью, написанной грубым невоздержанным языком, затрагивающим офицерский со-

¹⁰¹ Козьма Минин. 1909. 7 ноября.

став гарнизона, и вооружающей против него местную интеллигентную толпу, присущую Н-Новгороду, и без того не расположенную к военнослужащим вообще»¹⁰²

Все названные моменты социального взаимодействия штатской и военной интеллигенции на поверку вскрывают нестандартную ситуацию, означавшую, во-первых, что офицерство воспринимается общественностью в качестве некоей серьезной, имеющей «собственное лицо» социальной силы, а во-вторых, что офицеры в массе начинают ощущать внутренний дискомфорт и утрату былого чувства незыблемости своего положения. А отсюда уже было подать рукой до сомнений по поводу ранее непререкаемых корпоративных ценностей, соответствующих им норм поведения и мировосприятия.

Впрочем, судя по публикациям в военной печати, даже демократически настроенное офицерство, во многом солидаризировавшееся с мнением общественности, – исключая, быть может, офицеров – участников антиправительственных выступлений, – не возлагало вины за раскол между гражданской и военной интеллигенцией целиком на счет офицерства. Так, в мае 1906 г. редактор офицерской газеты «Военный голос» поручик В.К. Шнеур в одной из своих заметок подчеркивал, что уже в ходе русско-японской войны на основании немногочисленных примеров поведения офицеров, порочивших честь военного мундира, в обществе стало складываться превратное мнение обо всем командном составе армии. В итоге, по свидетельству Шнеура, «преувеличенное уважение к офицерству сменилось преувеличенным же пренебрежением», а с началом революции, когда несправедливые обвинения и эксцессы участились, лишь меньшинство офицеров попыталось отнестись сознательно к причинам произошедшего, а большинство «ответило ненавистью и злобой народу и его стремлению к свободе»¹⁰³

Умеренные в своих мировоззренческих позициях офицеры под давлением обстоятельств, хотя и не подвергали сомнению исходные основания жизнедеятельности корпорации, всё же вынуждены были заняться анализом адресованных офицерству общественных претензий. Достаточно удобным материалом для решения этой задачи оказалась повесть Куприна «Поединок». Она, в частности, послужила источником

¹⁰² РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 684. Л. 166.

¹⁰³ Военный голос. 1906. 16 мая. (Отстаивая демократические позиции в период первой русской революции, Шнеур позднее сделается ренегатом и предложит свои услуги охранному отделению).

рассуждений полковника Дрозд-Бонячевского, который в 1910 г опубликовал в двух номерах «Военного сборника» статью под названием «"Поединок" Куприна с точки зрения строевого офицера».

Возлагая часть ответственности за отчужденность офицерства и общества на штатскую интеллигенцию, автор вместе с тем подчеркивал, что и офицеры не без греха: эпизоды и характеристики, представленные в произведении Куприна, в определенной мере соответствовали действительности; просто писатель невероятно сгустил краски. Поэтому военный публицист призывал офицерство прежде всего совершенствоваться самому, дабы реально оправдывать свой высокий статус и представления об идеале армейского начальника. «Ответственность офицера перед страной, – подчеркивал Дрозд-Бонячевский, – в данном случае слишком велика, чтобы окружающая атмосфера озлобления и недоброжелательства могла парализовать его энергию. Священный долг наш всеми мерами подавить губительную рознь между народом и армией, заставить эти две силы протянуть друг другу руку мира с тем, чтобы, соединясь, явиться могучим оплотом Государству! Офицер, как член общества, своим безукоризненным поведением воспитанием, неустанной работой над собой, должен везде и всегда оправдывать своё исключительно почетное положение»¹⁰⁴.

Затронул автор и болезненную проблему взаимоотношений командиров и нижних чинов, обозначив совокупность требований, которым обязан следовать офицер: «Как начальник, он должен явиться образцовым учителем и воспитателем, чтобы по всем весям России разносилась о нем молва не как о мучителе, а как о старшем любящем брате солдата! Только при таких условиях все нападки, все гнусные наветы врагов армии и их клеветы будут разбиваться о нравственность и служебные качества офицера, как о стальные латы "рыцаря без страха и упрека"»¹⁰⁵!

Образ рыцаря как некий идеал служения и поведения офицера оказывается востребованным с началом Первой мировой войны, когда в сознании интеллигенции вновь происходят перемены. Войны всегда располагали интеллигента к рефлексии; затронула эта рефлексия и «офицерский вопрос». К примеру, философа В.В. Розанова в первые недели войны к переоценке ценностей подтолкнули волнующие впечатления

¹⁰⁴ Дрозд-Бонячевский. «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера. (Опыт критического обзора) // Военный сборник. 1910. № 1. С. 169.

¹⁰⁵ Там же. С. 169–170.

от случайного разговора с офицером-артиллеристом в страдную пору мобилизации, встреча с другим офицером, который, не успев похоронить жену, умершую в момент получения приказа об отправке на фронт, поехал к месту назначения.

Розанов буквально поражается несоответствию образа офицерства, укоренившегося в сознании русской интеллигенции, тем впечатлениям и эмоциям, что он внезапно ощутил. «Боже мой! Боже мой! – восклицает он. – Как же мы всё это понимаем и чувствуем?!.. Ведь нам корифеи литературы нашей рассказывали, что это "полковник Скалозуб", который "развалился на софе", да "генерал Бетрищев", который, умываясь, острит с Чичиковым? Кто же не поверит Гоголю и Грибоедову? И мы вообще-то думаем, что офицеры "позвякивают шпорами", а батальные живописцы рисуют их "в кавалерийской атаке" с саблями наголо на красивых лошадях. Но ведь это же совсем не то, и это бесстыдство так думать, и как же нам решились внушать такие мысли, – хотя бы и корифеи слова! Дело-то ведь действительно в **героизме...**»¹⁰⁶

Позднее, уже в разгар гражданской войны, Розанов усилит свой обвинительный пафос: «Приказ № 1, превративший одиннадцатую строками одиннадцатимиллионную армию в труху и сор, не подействовал бы на нее и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже 3/4 века к нему не подготавлила вся русская литература. Но нужно было, чтобы – гораздо ранее его – начало слагаться пренебрежение к офицеру, как к дураку, фанфарону, трусу, во всех отношениях к – ничтожеству и отчасти к вору»¹⁰⁷

Общественная критика корпоративных устоев офицерства, падение престижа военной службы после первой русской революции и поражения России в войне с Японией обусловили активизацию публицистической деятельности офицеров, стремившихся отстоять ценности корпорации, объяснить их смысл и значение для тех, кто был слабо знаком со спецификой армейского бытия.

В данной связи возникает закономерный вопрос о том, на каком же «языке» осуществлялся диалог офицерства с интеллигенцией, которая в значительной степени выстраивала свою позицию на основе той или иной идеологии. По мнению ряда исследователей, совокупность принципов, норм и установок, которые получили отражение в текстах, исходивших от представителей офицерства, оказывались элементами целой системы, именуемой офицерской идеологией. Так, американский

¹⁰⁶ Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915. С. 22–23.

¹⁰⁷ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 1990. С. 43.

историк П. Кенез, специально рассматривавший особенности идеологии русского офицерства конца XIX – начала XX в., пришел к выводам, согласно которым идейный багаж этой социальной группы включал антиинтеллектуализм, ретроградство, агрессивный национализм и крайний милитаризм. В целом же, по мнению исследователя, «идеология офицеров была испорченной и вульгаризированной формой ницшеанства, столь модного тогда во всей Европе»¹⁰⁸ Одновременно исследователь подчеркнул, что сознание офицерства «не было индоктринировано монархической либо какой-нибудь иной (подразумевается – политической. – В.К.) идеологией»¹⁰⁹

Кенез, кроме того, указал и на латентный характер собственно офицерской идеологии, что, в свою очередь, предопределило нехватку соответствующих текстов, где последняя была бы представлена в виде развернутой программы¹¹⁰. Именно поэтому исследователь главным образом опирался на такой вид источников, как военная публицистика. Вместе с тем сплошь однотонные краски, которыми Кенез изображает совокупность элементов идеологии русского офицерства, заставляют усомниться, по крайней мере, в тождестве рассматриваемого феномена и цитируемых историком положений из работ отдельных военных писателей.

Действительно, десятки офицеров в конце XIX – начале XX в. предпринимали сознательные попытки публичного выражения интересов своей социальной группы. Эта работа заключалась в обосновании общего взгляда офицера на самого себя, на взаимоотношения офицерства и других слоев российского социума, а также в определении оптимальных жизненных стратегий офицера. С большой долей уверенности можно утверждать, что и масса рядового офицерства, не обременявшая себя литературными трудами, осуществляла подобного рода рефлексию. Вопрос, однако, в том, насколько целостным и законченным был весь этот комплекс рационализированных представлений, а сами они выступали как общепринятые для всей корпорации.

Характер источниковой базы, разумеется, не позволяет дать прямого ответа: ни социологических опросов, ни специальных исследований на этот счет тогда не проводилось. Структуры идеологии можно обнару-

¹⁰⁸ Kenez P. A Profile of the prerevolutionary officer corps // California Slavic Studies. Vol. VII. 1973. P. 154.

¹⁰⁹ Ibid. P. 156.

¹¹⁰ Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 95.

жить лишь косвенно, путем анализа публицистики, исходившей из офицерской среды и произведений отечественной военно-педагогической мысли. Именно здесь фиксировались, оформлялись, а также систематизировались объяснительные конструкции, мировоззренческие принципы, нормативные поведенческие установки и т. п. Конечно, в качестве научной дисциплины военная педагогика по определению противостоит идеологии. Учитывая степень зрелости этой отрасли знания (а специалисты утверждают, что военная педагогика во второй половине XIX в. лишь «начала выделяться в самостоятельную научную дисциплину»¹¹¹), присутствие идеологических конструкций в соответствующих текстах вполне объяснимо. Военно-педагогическая и публицистическая литература, однако, являлась средоточием идеологии данной социальной группы лишь постольку, поскольку авторство принадлежало известным и получившим признание в офицерской среде военным деятелям. Отнюдь не всякая статья или книга, вышедшая из-под пера того или иного офицера, а лишь работы предельно узкого круга авторитетных лиц в действительности служили каналом распространения идеологических постулатов, обеспечивали их внедрение в сознание офицерской корпорации.

Самым ярким представителем военной мысли России конца XIX – начала XX в. по праву называют Михаила Ивановича Драгомирова (1830–1905). Кроме специальных вопросов военного искусства в его работах нашли отражение социокультурные аспекты жизни русской армии, проблема самосознания и воспитания её командного состава. Последнее направление творчества Драгомирова заключалось в попытках своеобразной систематизации, рационального истолкования комплекса присущих офицерству традиционных взглядов, привычек, стереотипов мышления, связанных с понятиями «долг», «честь» и «достоинство». Будучи мастером публицистического жанра, Драгомиров печатно отстаивал и разъяснял существо позиций офицерства в отношениях с общественностью, верховной властью, а также нижними чинами армии. На страницах его трудов разбросано множество бытовых зарисовок, примеров из военной жизни, сопровождаемых наставлениями, аргументацией в пользу того или иного способа поведения офицера. В совокупности они составляют некий идеал офицера, каким он виделся прославленному генералу. Учитывая характер педагогической и литературной деятельности Драгомирова и тот значительный резонанс, который она вызывала среди офицерства, имеет смысл попытаться проанализировать наследие гене-

¹¹¹ Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 6. С. 253.

рала с целью выявления соответствующего идеологического компонента, при этом считая Драгомирова не столько «идеологом самодержавного буржуазно-помещичьего государства» (определение Л.Г. Бескровного)¹¹², сколько армейским, а по преимуществу офицерским идеологом.

Трудно обвинить Драгомирова в пренебрежительном отношении к интеллектуальному труду, которому генерал сам отдал так много сил и энергии. Различные аспекты военного искусства и воспитания, отражившиеся в многогранном творческом наследии Драгомирова, требовали от офицера приложения серьезных интеллектуальных усилий. Не назовешь генерала и крайним милитаристом, хотя, конечно, пацифистским теориям Драгомиров также не симпатизировал. Он скептически относился к прогнозам, предрекавшим скорое избавление человечества от войн, опираясь как минимум на социальный опыт «прогрессивного» XIX в. В своей книге, посвященной анализу романа Л.Н. Толстого «Война и мир», Драгомиров писал: «Война – явление, от человеческой воли не зависящее: недаром Пирогов называл её "травматической эпидемией"»¹¹³. Апология морали сверхчеловека, включая негативное отношение к религии, также чужда этому автору. Впрочем, данные аспекты творчества Драгомирова не так уж важны для понимания природы офицерской идеологии, и мы обратились к ним, стремясь лишь опровергнуть представление о её кажущемся сходстве с вульгарной формой ницшеанства.

Сплошь и рядом публикации Драгомирова, насыщенные идеологическим подтекстом, являлись непосредственным откликом на злобы дня. Весьма показательны в этом смысле рассуждения автора о чести и достоинстве офицера в связи с полемикой о целесообразности дуэлей. В работе под одноименным названием генерал утверждал, что «с умовой точки дуэль представляет очевидный абсурд в благоустроенном государстве». Однако в вопросах чести, формально неразрешимых судом, требующих иногда унижительной огласки, дуэль – если она не затевается по пустякам, если причина её не бретерство – допустима. «Человек оскорбил мою родину, мой полк, мою мать, сестру, жену, дочь. Что тут мыслимо кроме дуэли?» – спрашивает Драгомиров. «И с этой точки зрения (*но только с этой*)», – подчеркивает он, – «разрешение дуэлей я признаю величайшей милостью»¹¹⁴.

¹¹² Бескровный Л.Г. М.И. Драгомиров // Драгомиров М.И. Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск. М., 1956. С. 34.

¹¹³ Драгомиров М.И. Разбор романа «Война и мир». Киев, 1895. С. 60.

¹¹⁴ Драгомиров М. Дуэли. Киев, 1900. С. 1–2, 12.

Заключительные пассажи статьи, где автор формулирует свои рекомендации, однако, склоняют читателя к мысли о необходимости исключить дуэли из жизни общества. Драгомиров не только предлагал судам чести офицеров воспрещать вызовы на поединок по незначительным поводам (обмен выстрелами вверх он вовсе почитал «недостойным балаганом»), но и прямо выражал своё отрицательное отношение к официальному дуэльному кодексу – «приказ 1894 года внес глубокий разлад в общее законодательство». Отмечая неравенство возможностей офицерства и штатских в вопросах защиты своей чести, генерал советовал «ограничиться одним законом, безусловно воспрещающим дуэли для всех сословий»¹¹⁵.

Другая важная, постоянно вызывавшая полемику в военных кругах проблема, – обращение к нижним чинам на «ты» или на «вы», – также довольно противоречиво толковалась Драгомировым. С одной стороны, он считал возможным и даже нужным для офицера называть на «вы» заслуженного фельдфебеля, с другой – полагал, что не следует допускать этого в отношении, например, писарей или вольноопределяющихся, как поступали некоторые офицеры, ссылаясь на относительно высокий образовательный уровень этих категорий военных. Исторический экскурс, который приводит Драгомиров в статье «Вы или Ты. Ответ г. Вольному», свидетельствует о том, что автор рассматривает неравное обращение к солдату и офицеру как сомнительной ценности нововведение Петра I, которое стояло в одном ряду с пресловутым бритьем бород. Прижившееся в армии с течением лет и встроенное в систему крепостнических порядков оно, по мнению генерала, являло собой «разделение, едва ли рациональное, особенно с точки зрения нравственной». Далее, на другой странице той же статьи Драгомиров напишет нечто противоположное: «Отличать в солдатской среде (в данном случае говорить «вы». – В.К.) только тех, которые действительно выдались или выдаются по своему делу...»¹¹⁶

В чем причина очевидной непоследовательности рассуждений генерала? На наш взгляд, за всем этим кроется «конфликт» между гуманистически-прогрессистскими умонастроениями общественности, а они, несомненно, разделялись частью русского офицерства и традиционалистскими установками сознания, – своего рода «канон» мировосприятия и поведения, членов офицерской корпорации. Стремлению Драгомирова-идеолога модернизировать некоторые корпоративные представления и одновременно оградить офицерство от сторонней критики

¹¹⁵ Драгомиров М. Дуэли. Киев, 1900. С. 13–15.

¹¹⁶ Драгомиров М. Одиннадцать лет... Кн. 1. С. 116–118.

«сопротивлялись» предельно устойчивые стереотипы мышления, имманентные сознанию Драгомирова как военного профессионала, иными словами, то, что сегодня принято обозначать термином «ментальность». В итоге признание дуэли адекватным способом защиты офицерской чести противостояло широко распространенному взгляду на поединок как на узаконенное бессмысленное убийство, а нормативное обращение «ты» в разговоре с солдатом, где офицер выступал в роли «отца-командира» и где, словно в семейном быту, излишним считалось «установление какого-либо искусственного этикета» (М.И. Драгомиров), контрастировало с оценкой подобного поведения как унижающего достоинство солдата.

Впрочем, такое балансирование между полюсами сознания не составляет правила для творчества Драгомирова. Если подходить к его наследию с привычных позиций анализа идеологических систем, довольно странным может показаться одномерность и лаконичность изложения, незаинтересованность автора в логическом развертывании ряда важнейших мировоззренческих проблем: проблемы государственного устройства, проблемы религиозной веры и проблемы патриотизма. По существу, Драгомиров только воспроизводит, варьируя смысловые комбинации, формулу «За Веру, Царя и Отечество», выражавшую ценностные ориентиры офицерства, не более.

Стоит отметить, что природа данного императива в исторической литературе нередко сопрягалась и отождествлялась с феноменом идеологии. Так, П.А. Зайончковский, комментируя в данной связи одно из высказываний генерала А.И. Деникина, полагал, что «эта формула... определяла собой официальную политическую идеологию офицерства»¹¹⁷; иными словами – структурировала область политического сознания командного состава армии. Деникин же, раскрывая смысл и значение лозунга «За Веру, Царя и Отечество», утверждал, что в нем заключалась «испокон века вся военная идеология наша»¹¹⁸.

Другой взгляд на проблему отстаивал А.А. Керсновский. Рассматривая ситуацию в армии периода революции 1905–1907 гг., историк указывал: «Триединый лозунг "За Веру, Царя и Отечество" по-прежнему вдохновлял как офицерский корпус, так и огромное большинство солдатской массы. Его, однако, надо было развить в стройную систему государственного учения – в противовес столь разработанным антигосудар-

¹¹⁷ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973. С. 233.

¹¹⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917. М.: Наука, 1991. С. 8.

ственным теориям»¹¹⁹. Таким образом, автор считал, что упомянутый лозунг отнюдь не являлся идеологической конструкцией, хотя в перспективе мог бы послужить основанием таковой.

Сегодня при разграничении двух феноменов коллективного сознания ментальность принято противопоставлять идеологию как развернутую, рационально обоснованную, нередко теоретизированную систему представлений и установок, создаваемую в интересах той или иной социальной группы. Она более чувствительна к изменениям исторической конъюнктуры, а потому, в отличие от ментальности, чаще и сильнее подвержена трансформации.

Таким образом, выводы Керсновского, на наш взгляд, гораздо ближе к истине. Да и Деникин, вероятно, воспользовался термином «идеология» лишь за неимением лучшего; оговорка «испокон века» явно указывает на то, что речь идет о структурах большой длительности, о том, что сегодня принято именовать термином «ментальность».

Возвращаясь к наследию генерала М.И. Драгомирова, отметим, что его работы наталкивают на мысль о существовании некоего табу на рассуждения по поводу отношения офицера к религии, монарху и проблеме патриотизма. Без сомнения, так оно и было. Но табу налагалось явно изнутри, а не извне: цензура или официальные требования к характеру деятельности военных здесь ни при чем. Хорошо известны, например, преданность Драгомирова престолу и его неприятие оппозиционных режиму политических течений. Ведь всё это как раз и могло вылиться во вполне легальную развернутую апологетику самодержавия, чего, однако, не произошло. По-видимому, здесь сыграл свою роль принципиальный отказ Драгомирова от разностороннего анализа ценностей офицерства, которые он рассматривал как базисные. Генерал намеренно отстаивал «нерасщепляемость» этих атомов сознания, полагая, что подобная операция по большому счету чревата моральной катастрофой армии.

После смерти Драгомирова из числа деятелей, которые могли бы претендовать на роль «идеологов» офицерской корпорации, наиболее значительной фигурой, пожалуй, был генерал Николай Дмитриевич Бутовский. Его литературные и военно-педагогические труды занимали видное место на полках библиотек офицерских собраний, он активно сотрудничал в периодической печати, имел множество корреспондентов среди офицеров. Работы Бутовского лишней раз подтверждают вывод об аморфности и незрелости офицерской идеологии. Показательны в этом

¹¹⁹ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 3. С. 119.

смысле его рассуждения по поводу революции 1905–1907 гг. Перечисляя целый ряд способов противостояния натиску революционной волны в армии, среди которых главным Бутовский считал правильное воспитание военных, генерал, однако, напрочь отказывался от теоретической полемики с революционерами. А признавая большое положительное значение Манифеста 17 октября, он никак не раскрывает его сути, не развивает каких-либо идей по поводу монархических ценностей и вызванных упомянутым актом перемен в статусе самодержца. По существу, кроме убеждения в том, что верность государю со стороны армии и народа, выдержав тяжелое испытание, и впредь будет незыблемой, в арсенале военного писателя не находится определенных теоретических конструкций, которые можно было бы отстаивать или приспособлять к новой политической ситуации. Подчеркивая значимость публичной полемики с врагами самодержавного государства, Бутовский, однако, сам не отклоняется от традиционного для офицерства принципа аполитичности¹²⁰

Рассмотрение работ М.И. Драгомирова и Н.Д. Бутовского как аутентичных образчиков идеологического конструирования наталкивает на мысль о довольно специфическом характере идеологии русского офицерства конца XIX – начала XX в. Прежде всего, бросается в глаза незавершенность, неоформленность соответствующих построений в целостную систему из-за наличия обширных лакун, неполного охвата объектов ценностных ориентаций и в первую очередь представлений о монархе и монархии. Примечательно также то, что идеологические построения в данном случае вторичны по отношению к ментальности офицерства либо выступают как равноправное образование, тогда как идеология не терпит конкуренции; усилиями её создателей она стремится подчинить все сферы и ниши общественного сознания. Таким образом, становятся очевидными ответы на закономерно возникающие вопросы: насколько необходима была офицерству собственная идеология? Не являлась ли опора на традиционные установки и автоматизмы мышления достаточным условием стабильного и относительно комфортного существования офицерской касты, по крайней мере до начала мировой войны?

Действительно, во внутреннем армейском обиходе офицерская идеология была практически бесполезна, поскольку дублировала давно устоявшиеся нормы мышления и поведения офицерской корпорации. Такая идеология не могла стать и сплывающим началом для офицер-

¹²⁰ См.. Бутовский Н.Д. Статьи на современные темы. СПб., 1907; *Его же*. Сборник последних статей. СПб., 1910.

ства русской армии, ибо содержала больше вопросов и умолчаний, нежели четких, законченных решений кардинальных проблем мировоззренческого порядка. В итоге рассматриваемый феномен с полным правом можно назвать квазиидеологией, которая на деле обеспечивала лишь потребности взаимодействия офицерства с внешним миром и в первую очередь позволяла осуществлять диалог с общественностью.

Как уже отмечалось, в годы войн, особенно в период Первой мировой, происходило некое сближение позиций офицерства и штатской общественности. Часть офицерства, правда, очень незначительная, начинает прислушиваться к оппозиционной риторике, исходившей от политических партий и группировок. Однако общими оказывались лишь ощущение недовольства, эмоции, вызывавшиеся поражениями армии и неудачной внутренней политикой правительства. Офицерство в 1914–1916 гг. в какой-то мере испытало и воздействие теоретических построений отечественных литераторов и философов, интерпретировавших мировую войну как воплощение развязки великого культурно-исторического спора славянства и германизма, православия и западного христианства. Однако в целом единого понимания ситуации, точек соприкосновения в рамках социальной активности у обеих сторон не находилось.

В данной связи особенно интересен взгляд на штатскую интеллигенцию со стороны видного мыслителя, облаченного волею судеб в офицерский мундир. В 1916 г. Ф.А. Степун, будучи фронтовым офицером, прибыл в Москву на лечение и некоторое время возвращался в интеллигентских кругах. Он услышал тогда много рассуждений философского и политического свойства на злобу дня, например, таких как: «о предопределенности России к республиканскому строю в связи с неприемлемостью догмата папской непогрешимости для православия». Его реакция была в большей степени реакцией офицера, нежели рафинированного интеллектуала, несмотря на то, что Степун сам принадлежал до войны к интеллигентской среде. Офицер-философ так вспоминал о своих впечатлениях от услышанного: «Развивались эти темы иной раз с исключительным талантом, блеском, глубиной и подлинной эрудицией. И, тем не менее, я чувствовал себя среди не выдавших фронта писателей, философов, в особенности же среди бойко философствующих интеллигентов-политиков, глубоко одиноким и неприкаянным. Их вольноотпущенные мысли, смелые построения, страстные речи и громкие голоса ощущались мною сплошной инфляцией, мозговой игрою, конструктивную фантазией, кипением небытия»¹²¹

¹²¹ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 382–383.

**1 Особенности религиозного сознания русского офицерства накануне революции 1917 г.
Монарх и монархия в системе корпоративных ценностей**

Говоря об особенностях религиозной жизни офицерства в конце XIX – начале XX в. и связанных с ней традициях, стоит отметить известную сложность изучения отдельных аспектов проблемы. Интимные религиозные переживания или чувства индифферентности в отношении церкви, степень религиозности и соответствие реальных поступков императивам веры – всё это, зачастую скрытое от постороннего глаза, довольно слабо зафиксировалось в источниках. Тем не менее возможности для определенных выводов и оценок собственно религиозного сознания офицерства существуют. Оговоримся, однако, что речь пойдет преимущественно об офицерах православного вероисповедания, каковых в русской армии было подавляющее большинство, – 89 % по данным на 1912 г.¹²²

Если рассматривать тему с формальной стороны, иными словами, анализировать повседневность гарнизонного бытия офицера до революции 1917 г., то можно говорить о достаточно насыщенной религиозной жизни командного состава армии. Религиозные обряды и символика буквально окружали офицера на каждом шагу. Как известно, каждый полк русской армии имел свой храмовый праздник. В течение календарного года проводились церковные парады и другие торжества, соответствовавшие праздничным датам православного мира. О том значении, которое придавалось в армии организации этих мероприятий, свидетельствует «Свод правил для парадов, торжественных встреч и нарядов на погребение», предусматривавший обязательное проведение церковных

¹²² Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 354.

парадов частей более десяти раз в году¹²³ На военном знамени, которое почиталось святыней, изображались кресты, лик Спаса, девиз «С нами Бог». Святым местом считался строй, а принятие присяги – в основе своей – актом религиозным. Начало XX в. ознаменовалось устойчивым ростом количества военных культовых сооружений. В 1908 г. насчитывалось 658 полковых церквей, в 1910 – 819, а в годы мировой войны – свыше 1000¹²⁴

Определенное влияние на сознание офицерства оказывали контакты с военным духовенством, которое, по сути дела, возложило на себя значительную долю воспитательной работы с нижними чинами армии. Особенно усилилась религиозно-воспитательная деятельность православного духовенства среди военных после революции 1905 г. Так, по инициативе о. Г. Шавельского, ставшего протопресвитером русской армии, в Москве, Казани, Киеве и Харькове были организованы специальные богословские чтения для командного состава войск¹²⁵ Офицеры, в первую очередь командиры частей, обязывались по уставу обеспечивать своим подчиненным возможность регулярного отправления религиозных обрядов. На них возлагалась организация церковных парадов и прочих религиозных торжеств. В дни полковых праздников совершались богослужения в присутствии офицеров, а на Пасху происходило христосование офицеров и солдат. Всё это составляло неотъемлемую часть службы и духовного бытия офицерства.

Однако сама по себе официальная или внешняя сторона религиозной жизни военных ещё не являлась свидетельством наличия твердой веры и сознательного следования заповедям православия. Некоторые сомнения в эффективности работы над религиозно-нравственным развитием армии действительно высказывались в печати того времени. Например, генерал Н.Д. Бутовский в связи с проблемой религиозного воспитания обращал внимание на «безыдейность в военной школе, среди юнкеров и молодого офицерства», следствием которой нередко становился выбор «идеала среди знаменитых прожигателей жизни»¹²⁶

¹²³ Свод правил для парадов, торжественных встреч и нарядов на погребение. СПб., 1886.

¹²⁴ Кандидов Б. Религия в царской армии. М., 1929. С. 26; Василенко В. Офицеры в рясах. М., Л., 1930. С. 18.

¹²⁵ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 1. С. 6.

¹²⁶ Бутовский Н. Сборник последних статей. СПб., 1910. С. 87

Характерную картину праздничной службы в полковом храме нарисовал в своих воспоминаниях один из современников – кадровый офицер: «Небольшая церковь, но довольно уютная, обставлена заботами полка, можно сказать, что "полковое детище"... Священник с очками на глазах, мало что выражающими, почтенный иерей, скороговоркой, как бы заученный урок, ведет службу; хор поет песнопения, и такое успокоение чувствуешь на душе... Озираюсь кругом... вижу несколько старых офицеров, а где же юная молодежь? Где младшие офицеры, эти непосредственные начальники своих солдат, их воспитатели и учителя. Где же они долженствующие, казалось бы, показывать личный пример... Увы... их нет! Вероятно, их можно было в это время застать фланирующими по улицам, где-нибудь в ресторане за стаканчиком вкусного вина... или изливающимися чувства перед каким-нибудь "нежным созданием" в беспредельной любви...»¹²⁷.

Приведем ещё несколько подобных примеров. Так, в октябре 1916 г. местом, где офицеры 23-го Туркестанского стрелкового полка отмечали свой полковой праздник, была избрана походная церковь, постройку и украшение которой только-только завершили нижние чины. Солдат Г. Ельцов, бывший очевидцем этого события, вспоминал, что застолье в церкви (кресты были временно сняты, а алтарь закрыт) сопровождалось обильным возлиянием, ссорой вплоть до вызова на дуэль и даже тостом за женщин... Лишь во время ужина, после того как церковь вновь обрела прежний вид, один из гостей офицерского собрания, прапорщик 12-го Туркестанского полка, опомнившись, обратился к соратникам:

«– Господа, вы, кажется, все православные?»

– Да, – услышалось в ответ.

– А зачем же вы устроили такую глупость в церкви? Неужели вам было мало своего помещения и домов?»¹²⁸.

А.И. Деникин с абсолютной уверенностью писал о том, что накануне революции 1917 г. «поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно»¹²⁹. Своё умозаключение Деникин подкреплял ярким примером того, в какие формы вылился упадок религиозности офицерства в 1917 г. Один поручик-демагог с наступлением революционных свобод превратил походную пол-

¹²⁷ Г.С. Записки офицера // Русская армия. 1919. 14 мая.

¹²⁸ Голос солдата (Кутаис). 1917. 18 мая.

¹²⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). М., 1991. С. 78–79.

ковую церковь в казарму, не только разместив там солдат своей роты, но и соорудив на месте алтаря отхожее место. Акт покаяния чувств сотен верующих остался, однако, безнаказанным и не вызвал массового протеста в полку. Рассматривая этот случай как единичное проявление общей тенденции, Деникин с горечью писал о том, что «в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов»¹³⁰.

Среди исследователей нет единства мнений по поводу общей оценки состояния религиозного сознания русского офицерства до революции 1917 г. Довольно категорично высказывается С.Ю. Чимаров, отмечая, что «православное военное духовенство на протяжении всей истории своего существования неоднократно предпринимало, в общем-то, безуспешные попытки по укреплению "веры и благочестия" в офицерской среде русской армии и флота. Основная причина происходившего заключалась в том, что уровень религиозности офицерского корпуса России был весьма невысок, отношение к православию у многих офицеров было формальным»¹³¹. Английский историк Р. Лаккет, напротив, подчеркивает: «Мы можем поставить под вопрос действительность этих (религиозных. – В.К.) верований, но мы должны признать искренность, с которой они хранились многими русскими офицерами»¹³². О.В. Гефнер, рассматривая данную проблему под углом зрения благотворительности, отмечает: «Активная благотворительная деятельность военных русской армии в пользу церкви в конце XIX – начале XX вв. является свидетельством большой значимости религиозного компонента в мировоззрении солдат и офицеров»¹³³.

Очевидно, что судить о характере религиозной жизни офицерства в целом нельзя, основываясь только на представлениях о частоте посещения церкви, о чтении религиозных текстов, об участии в ритуалах и церковной благотворительности. Замечания современников по поводу наблюдавшихся случаев безверия, насмешек офицеров над малооб-

¹³⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). М., 1991. С. 7–8.

¹³¹ Чимаров С.Ю. Русская Православная Церковь и Вооруженные Силы России в 1800–1917 г. СПб., 1999. С. 148.

¹³² Lockett R. The white generals. L., 1971. P. 15.

¹³³ Гефнер О.В. Религиозная благотворительность военных русской армии в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Сохранение и развитие русской культуры и православной духовности. Омск, 2007. С. 53.

разованными полковыми батюшками не позволяют прибегать к широким обобщениям. Ссылки на упадок веры среди военной молодежи, легко объяснимые психологией возраста, также мало говорят о специфике религиозного сознания корпорации.

Не составит труда привести и довольно значительное количество фактов противоположного содержания, свидетельствующих в пользу верности тех или иных офицеров духовным императивам православия, напряженной религиозной жизни людей, носивших офицерский мундир. Не случайно в работе М. Майзеля, анализировавшего религиозную ситуацию в среде офицеров Генерального штаба накануне революции 1917 г., попытка найти подтверждение или опровержение тезиса о глубокой религиозности русского офицера завершилась лишь констатацией различного отношения к религии тех или иных представителей рассматриваемой категории офицерства. Среди строгих ревнителей веры автор называет Деникина и Дитерихса, некоторые же офицеры, например Бонч-Бруевич, Игнатъев, по мнению Майзеля, «не придавали большого значения религиозным чувствам»¹³⁴.

Рассматривая данную проблему, важно учитывать и другой её аспект. Как известно, под угрозой нависшей опасности состояние сознания людей принципиально отлично от того, что наблюдается в относительно спокойные периоды их жизни. В итоге переживание экстремальных ситуаций нередко сопровождается сильными всплесками религиозных эмоций. В «Истории моего современника», вспоминая о периоде своей кронштадтской ссылки (1876–1877 гг.), В.Г. Короленко не случайно воспроизвел услышанную из уст морского офицера В.П. Верховского крылатую фразу «Кто на море не бывал, тот Богу не маливался»¹³⁵. Пословица эта наглядно отображала особенности поведения и мировосприятия людей, чья жизнь была сопряжена с опасностями морского плавания. Примечательно, что в годы Первой мировой войны в измененном виде она уже бытовала в сухопутных частях. По свидетельству генерала Н.Н. Головина, старую пословицу перефразировали так: «Тот, кто на войне не бывал, Богу не маливался»¹³⁶.

¹³⁴ *Mayzel M. Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabruck, 1979. P. 55.*

¹³⁵ *Короленко В.Г. История моего современника. Л., 1976. Т. 1–2. С. 425.*

¹³⁶ *Головин Н. Обширное поле военной психологии // Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 23.*

В современной исторической литературе феномен всплеска религиозных чувств человека на фронте рассматривается как естественная закономерность. Так, Е.С. Сенявская, изучавшая проблему религиозного сознания по материалам истории мировых войн, указывает на характерное для экстремальных ситуаций желание людей повлиять на судьбу посредством иррациональных действий. «В условиях традиционной религиозности, – отмечает автор, – оно проявляется в привычных молитвах и ритуалах, в обращении к Богу даже среди не очень верующих в обычной мирной жизни людей»¹³⁷

На наш взгляд, серьезной ошибкой было бы усматривать в недостатках религиозного воспитания, в отдельных, пусть и многочисленных, проявлениях равнодушия к вопросам веры отличительную черту всей социальной группы. Так, участник Первой мировой войны, деятель русской военной эмиграции Е.А. Шелль, задумывавшийся над возможностью гармоничного сочетания военной службы и следования заповедям церкви, писал: «Офицерское служение, более всякого другого, совместимо со служением церкви. Для примера достаточно вспомнить известных всей русской армии братьев Панаевых (внуков известного русского литератора И.И. Панаева. – В.К.), явивших пример одновременно доблестных офицеров и образцовых сынов церкви»¹³⁸ Поясняя эту ссылку автора, приведем следующий факт из жизни Бориса Аркадьевича Панаева, обнародованный в печати после его геройской гибели в 1914 г.: «По возвращении с русско-японской войны и, пробыв у матери только один день, он, тайно от всех родных и близких, отправился на Валаам, в самый строгий Иоанно-Предтеченский скит. Здесь в полном послушании у старца-схимника лихой гусар и владимирский кавалер в течение месяца горячо молился Богу, рубил дрова и исполнял черную работу»¹³⁹

Для того чтобы установить хотя бы приблизительно, насколько крепким в вере и соблюдении религиозных норм оказывалось офицерство накануне революции 1917 г., требуются сравнительные исследования, выбор точки отсчета или определенного эталона, трудоемкий ана-

¹³⁷ Сенявская Е.С. Бытовая религиозность на войне (на примере двух мировых и советско-афганской войн) // Менталитет и политическое развитие России. М., 1996. С. 135.

¹³⁸ Шелль Е. Государственно-политическое воспитание армии // Там же. С. 429.

¹³⁹ Бернацкий В.А. Памяти братьев Б.А. и Г.А. Панаевых // Наши герои. 1914. № 2. С. 7.

лиз множества параметров. Но самое главное заключается в том, что эта задача попросту может выглядеть некорректной в свете осуществления элементарных операций, итогом которых должно стать некое среднее арифметическое. Кроме того, не следует забывать, что в известных ситуациях, когда резко нарушались привычные, устоявшиеся жизненные ритмы, изменялся характер деятельности, общественный статус офицера (война, революция, эмиграция), религиозные переживания, отношение к церкви и её духовным императивам определенным образом трансформировались.

Подчеркнем, кроме того, следующее: необходимо отделять бытовую религиозность, которая, вероятнее всего, мало чем отличала офицерство от других образованных групп населения, и место религии в системе коллективных ценностей корпорации. В последнем случае вера и церковь продолжали сохранять своё значение высшего духовного ориентира, несмотря на то, что культурная ситуация в России начала XX в. характеризовалась натиском позитивистского мирозерцания, экспансией радикальной идеологии и слабостью православного клира перед лицом утраты влияния на интеллигентные слои общества.

Для русского офицерства, в большинстве своём исповедывавшего православие, религия выступала не только как элемент духовной жизни личности, имевший самостоятельное значение. Как справедливо отметил Р. Лаккет, «христианская вера обеспечивала своего рода логическое обоснование той форме правления, при которой они (офицеры. — В.К.) жили, и оказывала определенное влияние на их нравственные воззрения»¹⁴⁰.

В качестве одной из доминант коллективного сознания этой социальной группы вера придавала сакральный оттенок ратному делу, утверждая его высокое нравственное значение. Со времен Петра I, призывавшего солдат послужить на поле боя не столько монарху, сколько Отечеству и вере православной, представление о долге перед родиной прочно закрепилось в ряду абсолютных ценностей военного сословия. Это составило настоящий культурный сдвиг по сравнению с эпохой средневековья, когда долг службы связывался в первую очередь с интересами государя, а не государства и народа. В начале XX в. корпоративное сознание уже устойчиво воспроизводило смысл представлений о патриотизме не иначе как в связке «За Веру, Царя и Отечество». Соответственно, в контексте религиозных переживаний офицерства и образ монарха получал дополнительные, возвышающие его черты.

¹⁴⁰ Lockett R. Op. cit. P. 15.

Если крушение монархии стало точкой отсчета в ряду событий, определявших судьбы российского офицерства на протяжении всего 1917 г., то проблема образа монарха и монархии в системе ценностных ориентиров офицерства может служить одним из отправных пунктов анализа сознания этой социальной группы накануне революции. Каково было содержание абстрактных представлений офицера о монархе и монархии, а также сопутствующих им эмоциональных переживаний? Какие культурные смыслы лежали в основе восприятия офицерством государя и в каких формах они проявлялись? Чем примечательно отношение командного состава армии к последнему русскому царю Николаю II? Ответ на эти вопросы позволяет приблизиться к пониманию природы «офицерского монархизма», а одновременно – наиболее существенных черт офицерской ментальности, особенностей политического сознания и социального поведения офицерства дореволюционной армии.

Взгляды и психологические установки офицера, связанные с монархом, формировались задолго до принятия присяги. Семья, кадетский корпус, влияние окружающей, нередко армейской среды ещё в детские годы создавали в сознании будущего офицера определенный комплекс представлений, которые позднее, как правило, лишь укреплялись и дополнялись. В семьях военных, откуда затем выходили потомственные офицеры, наряду с самыми общими понятиями о государе как фигуре особой, обладающей огромной властью над судьбами своих подданных, ребенок параллельно усваивал информацию о долге служения императору на поле брани. Вместе с тем в сознание будущего офицера закладывались элементы патерналистской конструкции отношений монарха и армии, монарха и его народа.

Религиозное чувство также играло немаловажную роль в возникновении определенного представления о монархе, которое соседствовало в сознании ребенка с восприятием остальных элементов окружающего мира. «Что такое сын офицера? – риторически вопрошал старый генерал, персонаж "Очерков офицерского быта" Н.Д. Бутовского. – В большинстве это человек, который с детских пеленок проникается оригинальной прелестью военной жизни. В младенческом возрасте он уже бывает счастлив, когда ему импровизируют военный мундир. Едва он начинает лепетать, как уже учат его военной молитве за Царя, и образ Государя, столь обаятельный в военном мире, чудно рисуется в его детском воображении»¹⁴¹. Действительно, монарх представлялся мальчику существ-

¹⁴¹ *Бутовский Н.* Очерки современного офицерского быта. СПб., 1899. С. 27.

вом абсолютно непогрешимым, недостижимым, почти неземным. Когда А.И. Деникину (сыну отставного майора) в возрасте семи-восьми лет довелось лицезреть императора Александра II, он испытал нечто похожее на религиозный экстаз. «Воспитанный в духе мистического отношения к личности царя, – вспоминал А.И. Деникин, – я был вне себя от радости»¹⁴²

Приведенные выше свидетельства почти тождественны соответствующим описаниям, с большими или меньшими отклонениями воспроизводившим один и тот же архетип отношения молодого офицера к монарху. Причем это можно сказать не только о мемуаристике, но и о художественных текстах. Так, авторы воспоминаний, например В.С. Трубецкой, Э.Н. Гиацинтов, подчеркивали полное сходство своих переживаний с чувствами героя «Войны и мира» Николая Ростова. Действительно, обращение к произведениям Л.Н. Толстого, – этого «величайшего из живописцев военного обихода», как сказал о нём генерал М.И. Драгомиров, – позволяет прояснить довольно существенные аспекты проблемы. Прочитаем несколько отрывков из романа «Война и мир», в которых означенный архетип представлен особенно зримо. Место и время действия – смотр русской армии, проведенный Александром I накануне Аустерлицкого сражения:

«...Он испытал чувство нежности и восторга, подобного которому он ещё не испытывал. Всё – всякая черта, всякое движение – казалось ему прелестно в государе...

Ему хотелось высказать чем-нибудь свою любовь к государю. Он знал, что это невозможно, и ему хотелось плакать...

Боже мой! Как бы я счастлив был, если б он велел мне сейчас броситься в огонь, – подумал Ростов...

Но более всего во всех кружках (офицеров, собравшихся после смотра. – В.К.) говорили о государе Александре, передавали каждое его слово, движение и восторгались им»¹⁴³.

Теперь попытаемся верифицировать материал художественного произведения на базе воспоминаний русских офицеров, относящихся к более поздней эпохе – началу XX в.:

«Я почувствовал вдруг, что страстно люблю государя. За что? – в этом я не отдавал себе никакого отчета» (В.С. Трубецкой; описание парада в Красном селе, 1912 г.)¹⁴⁴.

¹⁴² Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 25.

¹⁴³ Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 1–2. М., 1968. С. 308–310.

¹⁴⁴ Трубецкой В. Записки кирасира. М., 1991. С. 167.

«Прикажи нам Император – мы из третьего этажа выпрыгнем», – так говорили, сверкая глазами, молодые корнеты, горя беспредельной любовью к своему Императору. Для нас Император представлял нечто Великое, недостижимое; каждая встреча с Императором на маневрах, полковых праздниках или при каких-либо других условиях запечатлевалась в неизгладимой памяти; каждая фраза, каждое слово, сказанное царем офицеру, запоминалось на всю оставшуюся жизнь»¹⁴⁵.

«Я должен вам сказать, что наше обожание Государя Императора – это не был фетишизм или, как теперь принято называть, культ личности. Это – совершенно что-то особенное, которое я передать не могу»¹⁴⁶.

«В беседах с офицерами, после обедов, обыкновенно в собрании, – меня трогало то жадное внимание, с каким они относились ко всему, что касалось государя. Одного из молодых подпоручиков, как говорят, "съедавшего меня глазами", – я спросил:

– Вы хотите меня о чем-то просить, но не решаетесь?

– Нет, ваше высокопревосходительство, я смотрю на те глаза, которые смотрели часто на Государя и которые опять будут смотреть на Его Величество... какой вы счастливый» (В.А. Сухомлинов; инспекторская поездка по восточным военным округам, 1912 г.)¹⁴⁷

Перечень подобных примеров можно продолжить, но и этого достаточно, чтобы, во-первых, убедиться в том, что Л.Н. Толстой не погрешил против истины и верно передал смысл отношений офицерской молодежи к царю, во-вторых, сделать вывод об устойчивости и долговременном характере существования отображенных писателем стереотипов мышления и поведения офицерства. Содержание приведенных отрывков позволяет прийти, кроме того, к следующему заключению: для молодого офицера, как бы ни выглядел, что бы ни говорил, какие поступки ни совершал царь, он в любом случае считался достойным поклонения и любви. Точнее, согласно традиционным психологическим установкам, император в принципе не мог быть таким человеком, который вызывал бы хоть малейший намек на критическое отношение. И было абсолютно неважно, видел ли когда-нибудь офицер своего царя, слышал он его речь или нет: в рассматриваемой системе культурных координат срабатывал особый механизм, исключавший возможность негативной или

¹⁴⁵ Кислицын В.А. В огне великой мировой войны. Харбин, 1938. С. 22.

¹⁴⁶ Гиацинтов Э.Н. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 38.

¹⁴⁷ Сухомлинов В. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 251.

даже нейтральной характеристики монарха. И все разговоры в офицерских компаниях, предметом которых являлся император, отнюдь не преследовали цели создать какое-то объективистское представление о его личности. Функционально они работали на обеспечение и поддержание стабильности ценностных ориентаций офицерства, где категория-образ «государь» оказывалась центральной и системообразующей.

В «Войне и мире» действие такого механизма отображено на примере поведения Николая Ростова во время упомянутого смотра:

«Государь постоял несколько секунд против гусар, как будто он был в нерешимости.

– Как мог быть в нерешимости государь? – подумал Ростов, а потом даже и эта нерешимость показалась Ростову величественной и обворожительной, как и всё, что делал государь»¹⁴⁸

Этот эпизод отчетливо демонстрирует, как спонтанная попытка рефлексии, чреватая индивидуализацией, а следовательно, и снижением образа императора, моментально блокировалась традиционными установками сознания; реакция Ростова на поведение Александра I автоматически приводилась в соответствие с принятым каноном восприятия личности монарха.

Ещё одна особенность буквально бросается в глаза даже при самом поверхностном взгляде на содержание источников обоего рода – авторское изложение упорно «сопротивляется» последовательному развертыванию ключевых смыслов, отторгает всякую попытку анализа предпосылок тех эмоциональных всплесков и психологического напряжения, что возникали в сознании офицера, когда его мышление сосредоточивалось на государе. Офицер оказывается не в состоянии внятно прокомментировать характер своего поведения, объяснить природу и необычайную силу реакций, источником которых являлась фигура монарха, либо непосредственно созерцаемая, либо всплывающая в сознании как образ.

Несомненно, здесь мы имеем дело с феноменом офицерской ментальности. Ментальность как комплекс устойчивых, передающихся из поколения в поколение представлений и норм восприятия действительности, присущих той или иной социальной общности и в значительной мере регламентирующих поведение её членов, в конце XIX – начале XX в. настолько ярко выделяла офицерство среди других слоев населения России, что обвинение в кастовости командного состава русской армии превратилось в стереотип общественного сознания того времени.

¹⁴⁸ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 309.

Рассмотренные выше образчики мышления офицера характеризуют, хотя это на первый взгляд и не совсем приемлемо, не только молодое поколение. Они были присущи менталитету всего офицерства, независимо от возраста его носителей. Признания и переживания юношей в офицерских мундирах именно тем и замечательны, что выявляют структуры корпоративной ментальности в чистом виде, без каких-либо примесей политического сознания или отпечатков рутинной повседневности. Возрастной же особенностью здесь следует признать особую силу и непосредственность выражения чувств, вплоть до декларирования готовности совершить ради государя любой, пусть даже самый безрассудный поступок.

Если в мемуарной литературе в пользу этого предположения свидетельствует, как правило, лишь язык повествования, выстраивающий общий положительный контекст, то в художественном произведении, автор которого занимает отстраненную позицию, мы найдем прямые указания, подтверждающие такой вывод. Вернемся к содержанию романа «Война и мир» в том месте, где происходит диалог между Ростовым и более старшим по возрасту и чину Денисовым:

«Поздно ночью, когда все разошлись, Денисов потрепал своей коротенькой рукой по плечу своего любимца Ростова.

– Вот на походе не в кого влюбиться, так он в царя влюбился, – сказал он.

– Денисов, ты этим не шути, – крикнул Ростов, – это такое высокое, такое прекрасное чувство, такое...

– Ве'ю, ве'ю, дг'ужок, и г'азделяю и одоб'яю ...»¹⁴⁹ (курсив мой. – В.К.).

Историки и мемуаристы, обращавшиеся к анализу социально-психологического облика российского офицера рубежа XIX–XX вв., неизменно подчеркивали значимость устойчивых представлений и поведенческих норм, которые выражались формулой «За Веру, Царя и Отечество». И если говорить о ментальности офицерства, то к этой формуле она имела самое прямое отношение. Девиз, прочно укорененный в сознании военных, неразрывно связанный с жизнью русской армии, безусловно, заключал в себе важнейшие мировоззренческие установки офицерства, являлся главным императивом в иерархии его ценностных ориентаций. Следуя историографической традиции, напомним о наличии крепкого единства и взаимодействия в сознании офицерства всех трех ведущих метафизических начал.

¹⁴⁹ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 320.

Отсутствие системы развернутых и отрефлексированных представлений о монархе и монархии, присущее собственно офицерской идеологии, конечно же, не является свидетельством того, что восприятие личности монарха складывалось в сознании офицера исключительно на основании установок ментальности. Многие здесь определялись общим культурным контекстом той или иной эпохи, в зависимости от которого степень детерминированности реального поведения индивида содержанием устойчивых структур корпоративного сознания могла быть различной. Другой немаловажный фактор, создававший те или иные психологические предпосылки формирования образа государя, образа не всегда только положительного, — это возможность наблюдать императора вблизи, частота и обстановка встреч офицера и монарха. Так, не случайно в источниках личного происхождения, принадлежавших бывшим офицерам царской армии, оказываются рядом свидетельства, и соответствующие стереотипам офицерского мышления, и противоречащие им. К примеру, в «Записках кирасира» В.С. Трубецкого, там, где мемуарист делится впечатлениями об увиденном при разглядывании через подзорную трубу императорской яхты «Штандарт», а также во время царского смотра на борту миноносца «Всадник», словесный портрет Николая II оказывается выдержанным в спокойных, граничащих с безразличием тонах:

«В эти часы отдохновенья царственность его решительно ни в чем не проявлялась. Он выглядел тогда обыкновенным сорокалетним мужчиной, обладавшим, хотя и симпатичной, но ничем не выдающейся внешностью...»

«Когда в то лето (1910 года. — В.К.) государь сделал смотр нашему миноносцу, он точно так же не произвел на меня слишком большого впечатления...»

При описании же парада в Красном селе (1912 г.) автор использует иные краски, указывая на другой характер отношения к монарху:

«Сероватое лицо его было странно и спокойно, и нельзя было понять выражало ли оно сосредоточенность или, наоборот, оторванность от мирского. В эту минуту оно было очень непросто... Я был ужасный мечтатель, и мне серьезно чудилось, что взгляд его безмолвных глаз хотел сказать: «Да, вы правы, я больше, чем человек. Я могущественнейший на земле. Так должно быть, и вы это знаете»¹⁵⁰

Отмеченное противоречие легко объяснимо. В первом случае автор воспоминаний рассуждает как автономный наблюдатель, бесстра-

¹⁵⁰ Трубецкой В. Указ. соч. С. 165–164, 166.

стно фиксирующий факты о внешнем облике царя и выходящий при этом за пределы корпоративной ментальности. Во втором случае изложение, как и само поведение автора в описываемый момент, является «каноническим», в силу чего представляет нам больше объективной информации о мемуаристе, нежели о Николае II. Причину произошедшей метаморфозы можно видеть как минимум в том обстоятельстве, что сын известного русского философа Сергея Николаевича Трубецкого Владимир, окончивший гимназию и после нескольких месяцев пребывания на университетской скамье избравший военную карьеру, в начале своей службы (юнгой на миноносце) ещё не успел толком вжиться в мир военных, а потому и не мог воспринимать окружающую действительность глазами будущего офицера. Понятно, понадобилось некоторое время для того, чтобы начавшаяся социализация юноши в новой среде принесла свои плоды. Другое дело, когда В.С. Трубецкой, сменив форму моряка на мундир вольноопределяющегося и прослужив год в гвардейском полку, за несколько дней до производства в офицеры уже воспроизводил стереотипы мышления, свойственные коллективному сознанию офицерства.

Всё это так. Но в рассматриваемых текстах некоторые детали позволяют перевести анализ ситуации в иную плоскость. Описывая первые впечатления о Николае, Трубецкой указывает на внешне обыденный характер обстановки и поведения царя. Подолгу наблюдая с борта миноносца жизнь монарха в кругу семьи, в условиях, которые можно было бы назвать почти домашними, юнга не испытывал наплыва возвышенных эмоций. Аналогичная ситуация повторилась и во время смотра на корабле. И здесь мемуарист оправдывает свои чувства тем, что государь явился «в скромном флотском кителе, без регалий, без пышной свиты, а лишь в сопровождении пожилого адмирала Нилова и какого-то молодого флигель-адъютанта, придав таким образом всему смотру интимный характер простого посещения, что еще подчеркивалось той простотой и непосредственностью, с какой царь обращался к нашему командиру»¹⁵¹.

Означенная проблема наглядно высвечивается в мемуарах князя-революционера Петра Алексеевича Кропоткина с той разницей, что отношение его к царю в отличие от Трубецкого формировалось и изменялось в обратном порядке. Аристократ, воспитанник привилегированного военного учебного заведения – Пажеского корпуса, став камер-пажом императора Александра II, первое время только восхищался своим го-

¹⁵¹ Трубецкой В. Указ. соч. С. 164.

сударем. «Воображение часто уносит мальчика далеко за пределы действительности, – вспоминал Кропоткин, – и мое чувство тогда было таково, что если бы в моем присутствии кто-нибудь совершил покушение на царя, я бы грудью закрыл Александра II!»¹⁵²

Однако по мере того, как юный паж присматривался к придворной жизни, поначалу поражавшей его воображение блеском и утонченностью, она теряла былую привлекательность и наконец стала казаться ему мелочной, лицемерной, рутинной. Одновременно менялось и отношение к императору. «Мало-помалу, – писал Кропоткин, – стал тускнеть также и тот ореол, которым я окружил Александра»¹⁵³. Разочарование наступило, впрочем, не только потому, что юноше претили некоторые поступки его прежнего кумира, наблюдаемые в быту; свою роль сыграла и проводившаяся царем государственная политика, по представлениям автора становившаяся всё более реакционной. Позже последовали отказ от карьеры гвардейского офицера, служба в Сибири, отставка, поступление в Петербургский университет, стезя революционера – принципиального противника монархии...

Мы далеки от мысли выдвигать на первый план бытовые аспекты восприятия фигуры императора там, где, безусловно, присутствовали более сильные мотивации, толкнувшие Кропоткина на путь борьбы с самодержавием. И всё же, думается, это звенья одной цепи. Сама по себе возможность вблизи сталкиваться с монархом, обращать внимание на его окружение, подмечать особенности его характера и поведения таила опасность рефлексии, которая при определенном образе мыслей могла настраивать наблюдавшего отнюдь не в пользу объекта его внимания. Обыденный, обмирщенный, «очеловеченный» образ венценосца в сознании офицера либо того, кто только собирался надеть офицерские погоны, несомненно, вступал в противоречие с традиционными установками корпоративного мышления, ослабляя силу воздействия ментальности на поведение личности. Шансы приобщения офицера к иной ценностной системе, например, какой-либо политической идеологии в этом случае возрастали.

Примечательно, что в оппозиционных изданиях XIX – начала XX вв., печатавшихся за рубежом, очень часто использовались описания повседневной жизни русских императоров в качестве эффективного приема, который позволял разрушить благоговение перед монархом в сознании

¹⁵² Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 140.

¹⁵³ Там же. С. 137.

его подданных. Таковы, например «Петербургские очерки» знаменитого эмигранта князя П.В. Долгорукова или книга левого кадета В.П. Обнинского «Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II»¹⁵⁴

История офицерских организаций, чья деятельность имела революционную, антисамодержавную направленность, особенно когда речь идет о раннем этапе так называемого освободительного движения в России, свидетельствует о том, что формирование соответствующего политического мировоззрения и складывание отрицательного отношения к личности монарха были неотделимы друг от друга. Масштабы распространения заговора среди гвардейских офицеров в эпоху Александра I не будут казаться столь поразительными, если учитывать привычную близость этих людей к жизни двора, к фигуре самого императора. Так, будущие декабристы В.Ф. Раевский и Г.С. Батеньков ещё до войны 1812 г., которая оказала столь сильное влияние на умы офицерской молодежи, позволяли себе «говорить о царе, яко о человеке» и одновременно грезили о каких-то решительных действиях ради изменения несправедливого в их глазах социального порядка¹⁵⁵

Неприязнь к личности монарха, а не только недовольство характером его правления вдохновляли также и офицеров – участников дворцовых переворотов XVIII в. Однако декабристы гораздо серьезнее занимались социальными и политическими вопросами в сравнении с их предшественниками. Соответственно при формировании негативного отношения к монарху оценка его как политика, представление о социальном порядке, который он олицетворял, играли здесь гораздо более важную роль, отодвигая на второй план восприятие особенностей характера и бытового поведения самодержца.

Закономерно возникают вопросы: не утрачивались ли вступавшими в тайные общества самые существенные моральные ориентиры офицерской корпорации? Стоит ли рассуждать здесь о людях, составлявших исключение в общей массе офицерства и принадлежавших к данной социальной группе лишь по формальным признакам? Думается, что не всё так просто, и в обращении к истории декабризма для нас есть прямой смысл. Взаимодействие ментальных структур и политического сознания

¹⁵⁴ Долгоруков П. Петербургские очерки. М., 1992; Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992.

¹⁵⁵ Нечкина М.В. Декабристы. М., 1984. С. 18.

офицерства с момента зарождения декабристского движения дало на выходе результаты, которые, отлившись в устойчивые культурные формы мышления и поведения, затем так или иначе воспроизводились в офицерской среде вплоть до 1917 г.

«Затверживая мудреные формулы конституционного учения, разбираясь в тонкостях новой политической науки, либерал Александровской эпохи, – подчеркивал Георгий Вернадский, – всегда остается, однако тем, чем сделала его судьба, – прежде всего офицером. Интересы военного быта ему дороже всего; честь полка, товарищество, полковое хозяйство – на первом месте у него. Проповедуя туманные начала и равенство всех граждан перед лицом закона, иногда не умеет он держать чешущиеся руки и готов по-военному, отечески наказать подвластных ему граждан. Сам Пестель не отменил телесных наказаний в своем Вятском полку, а только перед солдатами сваливал вину за них на правительство. Военные замашки переносит будущий декабрист и на государственные проекты. Не задумываясь, решает он еврейский вопрос: собрать всех евреев из России, дать им военную охрану и пусть пробиваются на свою Палестину. Не считаясь нисколько с Кораном в осуществлении рациональных принципов, одним росчерком пера он готов отменить многоженство у мусульман»¹⁵⁶

Итак, офицер-гражданин начала XIX в. – это особый тип политика и вместе с тем достаточно оригинальный представитель сообщества военных. Его поступки внешне кажутся непоследовательными. Выстраивая рационалистический фундамент своего поведения, он всё же не может основательно опереться ни на политические доктрины Запада, ни на практику французских революционеров или итальянских карбонариев – его сдерживают традиции среды, её повседневность, культивировавшиеся ценности. В сознании декабриста время от времени происходят драматические коллизии, особенно в моменты, когда приходилось не рассуждать, а воплощать в действительность всё задуманное. И абстрактный образ монарха, окруженный сопутствующими представлениями и поведенческими установками в кульминационном пункте истории этой внутренней борьбы – 14 декабря 1825 г – становится то союзником, то противником российского инсургента.

Присяга, первоначально принесенная Константину, и отказ наследника от престола предопределили попытку декабристов поднять полки на восстание. Психологически для них сделать это было гораздо

¹⁵⁶ Вернадский Г. Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 91.

легче, чем нарушить священную клятву здравствующему государю. Посягательство на жизнь царя или членов императорского дома также хотя и рассматривалось декабристами как возможная мера, но её осуществление встречало сильное противодействие со стороны стереотипов офицерского сознания. Сошлемся вновь на тексты Г.В. Вернадского: «При всех порывах ненависти к тиранам, при всех словесных обещаниях уничтожить императорскую фамилию вряд ли хоть один из членов этих обществ мог бы действительно исполнить эти обещания... При... живом и трепетном отношении к присяге, к религиозному освящению власти понятно настроение, в каком очутились арестованные после 14 декабря. Попытка переворота в междуцарствие не удалась. Присяга дана подавляющим большинством войск; присягу приняли высшие государственные сословия. Николай – император не только в силу грубого факта победы на Сенатской площади. Он император в силу народного признания и всеобщей присяги. Утром 14 декабря 1825 года члены тайного общества имели нравственную почву под ногами для своего бунта; к полудню почва эта исчезла. Утром они были в своих глазах герои и мученики за свободу, подобные древним римлянам; вечером они в собственных глазах – были только мятежники и злодеи»¹⁵⁷

В эпоху Александра II офицерская среда дала немало сторонников революционного обновления страны. С началом Великих реформ в армии возникают офицерские кружки, целью которых являлось прежде всего самообразование в широком смысле слова. Часто эти кружки становились затем политическими, хотя были и случаи их спонтанной самоликвидации, распада. Анализируя причины революционного брожения в офицерской корпорации, подполковник М.Ю. Ашенбреннер (член военной организации «Народная воля») указывал на следующие факторы «...безнадежное, отчаянное положение России; влияние литературы и прессы, легальной и нелегальной, верно отражавшей русскую действительность; военно-революционная традиция, никогда не умиравшая, носителями которой всегда были отдельные лица, знакомства и связи с революционерами, а главное – привлечение военных к усмирительным операциям и полицейской службе»¹⁵⁸.

Офицеры – участники политических кружков и народнических организаций, если сравнивать их с декабристами, уже не являлись по пре-

¹⁵⁷ Вернадский Г. Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 87–88.

¹⁵⁸ Ашенбреннер М.Ю. Военная организация Народной воли и другие воспоминания (1860–1904 гг.). М., 1924. С. 62.

имуществу гвардейцами. География распространения таких групп в армии теперь была достаточно широка, охватывая почти всю европейскую часть России. С другой стороны, сознание демократически ориентированных офицеров второй половины XIX в. в большей степени было затронуту идеологией, чем у их предшественников – декабристов. Понятно, здесь речь идет не об офицерской, а политической идеологии, проникавшей в армию извне.

По замечанию М.Ю. Лотмана, декабристы «были в первую очередь людьми действия». Первостепенное значение для них за редкими исключениями имел личный жизненный опыт, а не книжная мудрость. Декабристов политические доктрины чаще всего «интересовали не сами по себе, а как критерии для оценки и выбора определенных путей действия»¹⁵⁹. Полвека спустя культурная ситуация изменилась. Притяжение творчества широко известных в России революционно-демократических писателей и публицистов было столь велико, что породило в военной среде целую генерацию идеологизированной офицерской молодежи, увлеченной чтением общественно-политической литературы и готовой часами дискутировать в узких интеллигентских компаниях по поводу тех или иных жгучих вопросов современной им действительности. Выпускники милютинских военных гимназий нередко выходили в армию, уже познакомившись с произведениями В.Г. Белинского и Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского и А.И. Герцена. В 70-е гг. XIX в. среди литературы, распространявшейся в офицерских кружках, значился даже «Коммунистический манифест» и популярные переложения других работ К. Маркса.

Конечно, спектр оппозиционных настроений и действий офицерства 60-х – начала 80-х гг. XIX в. был довольно широк – от мимолетного фрондерства кулуарных бесед, проходившего без всяких видимых последствий, до участия в революционном движении под эгидой Исполнительного комитета и Военного центра организации «Народная воля». Судебным преследованиям только по обвинению в причастности к этой организации было подвергнуто 200 офицеров¹⁶⁰. Понятно, число случайных или последовательных противников режима в указанный период было в несколько раз больше. Важно также помнить, что фактор обыденной близости к монарху теперь уже не мог иметь прежнего значения. Импе-

¹⁵⁹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 333.

¹⁶⁰ Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 гг. М., 1979. С. 38.

ратор в умах оппозиционной части офицерской молодежи представлял главным образом как политическая фигура, как человек, целиком несущий ответственность за отчаянное состояние страны и её народа. Но как бы то ни было, проблема двойственности собственного положения и поведения не могла не осознаваться этими людьми. Взаимодействие ментальных структур и чуждых им элементов политического сознания, когда последние одерживали верх над традиционными корпоративными установками, требовало от офицера занятия рационально обоснованной позиции по отношению к ценностям и нормам своей социальной группы.

Некоторые из активных деятелей антиправительственного движения разрешали вопрос кардинально – они попросту покидали ряды армии. Расставаясь с офицерским мундиром, они освобождались и от обязательств, налагаемых корпоративной моралью. Так, например, поступил известный народник С.М. Кравчинский (Степняк). Будучи артиллерийским офицером, в 1871 г он уходит в отставку, а в 1872 г. становится членом кружка «чайковцев». Подпоручик 120-го Серпуховского пехотного полка В.П. Кранихфельд собирался уйти в отставку, а затем наладить революционную пропаганду в офицерской среде. Лишь арест в декабре 1886 г. помешал осуществлению его планов. Расстрелянный карателями генерала Ренненкампа во время первой русской революции А.А. Костюшко-Валюжанич в 1897 г. вышел в запас, а уже с 1900 г. становится членом социал-демократической партии.

Другие оппозиционно настроенные офицеры полагали, что, находясь в войсках, могут принести больше пользы движению. Тем самым они воспроизводили, по сути, декабристский вариант поведения. Но следование данному образцу всё же не снимало противоречий в сознании офицера. Необходимы были такие логические ходы, которые, оправдывая оппозиционное поведение, лишали бы человека ощущения отрыва от ценностей корпорации, позволяли бы примирять свой официальный статус и негласные политические убеждения. Народническая идеология давала великолепную возможность осуществления подобной процедуры. Удар наносился по связке главных рядоположенных элементов в коллективной системе ценностей офицерства путем возвышения и противопоставления одного из них другому. Причем значение самой системы формально не отрицалось.

Показательны в этом отношении замечания М.Ю. Ашенбреннера, сделанные им на следствии по делу народовольцев (март 1883 г.). Отвечая на вопрос: «Как же вы, подполковник, старый офицер, решились нарушить присягу?», он сказал: «Я присягал царю и отечеству; под оте-

чеством разумею народ и землю русскую, и не моя вина, если царь с народом находятся в антагонизме»¹⁶¹. Апелляция к воле и чаяниям народа, которые оказывались высшей ценностью в глазах противников самодержавия и сопрягались с представлением о долге перед Отечеством, выводила, однако, из разряда абсолютных ценностей две другие составляющие известной формулы – «За Веру», «За Царя», нарушая одновременно гармонию их взаимообусловленности. Таким образом, в среде радикально настроенного офицерства бытовала лишь иллюзия следования традиционным нормам корпоративной морали. Более того, грядущая революция, как это предвещали теоретики и идейные предтечи народничества, должна была смести с лица русской земли и сам институт монархии. Осознание и принятие в расчет данной перспективы на деле вело к полной утрате значения принесенной некогда присяги не только в качестве акта, священного для каждого воина, но и как символа причастности к офицерскому сообществу со всеми вытекающими последствиями.

Анализируя процессы взаимодействия традиционных норм мышления и поведения офицерства и элементов его политического сознания, очень важно помнить, что в ментальности этой социальной группы понятие «монархия» было производным от категории «монарх», а не наоборот. Оно подразумевало скорее форму правления, при которой главой государства считается император, чем определенную систему политических институтов. Присяга – основной документ, заключавший в себе свод обязанностей военного, – содержала в себе некую двусмысленность на этот счет: «...и все к высокому его императорского величества самодержавству, силе и власти принадлежавшие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, исполнять...». С одной стороны, в присяге прямо говорилось о самодержавии царя (термин «самодержавие» с юридической точки зрения довольно туманный, вызывавший, особенно в период революции 1905–1907 гг., много споров), с другой – о возможности законных изменений в его «правах и преимуществах».

После разгрома «Народной воли», когда подавляющее число офицеров, связанных с её деятельностью или просто сочувствовавших движению, но при этом не затронутых репрессиями правительства, изверилось в прежних политических идеалах, симпатии к крайним революционным течениям в офицерской среде стали редчайшим исключени-

¹⁶¹ Ашенбреннер М.Ю. Указ. соч. С. 107

ем. И всё же, хотя аполитичность русского офицерского корпуса на рубеже XIX–XX столетий превратилась в притчу во языцех, офицерство по-прежнему испытывало влияние левых идеологических течений. В последние два десятилетия, предшествовавшие первой русской революции, сохранялись немногочисленные военные кружки, тяготевшие к народничеству, отдельные офицеры и воспитанники военных учебных заведений примыкали к социал-демократам¹⁶².

Если незначительная часть офицерского корпуса, перенявшая революционные взгляды, как следствие, утрачивала или попросту игнорировала ключевые корпоративные ценности, то в сознании приверженцев либеральной идеологии последняя могла достаточно мирно уживаться с традиционными монархическими установками. Нестрогое представление о монархии (так как для офицера важнее было само наличие во главе государства царя, чем форма общественно-политического устройства при его правлении) позволяло некоторым офицерам придерживаться конституционно-монархической ориентации и при этом считать себя людьми, честно выполняющими свой долг перед государем, а равно и не нарушающими устоев офицерской корпорации. Обязательным условием оставалось лишь правило: не вступать ни в какие политические организации.

Судьба генерала А.И. Деникина – фигуры неординарной и вместе с тем воплотившей в себе в значительной степени типичные черты офицера русской армии конца XIX – первых десятилетий XX в. – пример последовательной реализации такой жизненной стратегии вплоть до начала революции 1917 г. Вспоминая о периоде своей службы в императорской армии, А.И. Деникин писал: «Я никогда не сочувствовал ни "народничеству" (преемники его социал-революционеры) – с его террором и ставкой на крестьянский бунт, ни марксизму с его превалированием материалистических ценностей над духовными и уничтожением человеческой личности. Я принял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого либо партийного догматизма. В широком обобщении это приятие приводило меня к трем положениям: 1) Конституционная монархия, 2) Радикальные реформы и 3) Мирные пути обновления страны»¹⁶³

¹⁶² О деятельности революционного офицерства и его общественно-политических организациях см.: *Сенчакова Л.Т.* Революционное движение в русской армии и флоте в конце XIX – начале XX в. (1879–1904 гг.). М., 1972.

¹⁶³ *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 72.

В отличие от либерально настроенных офицеров, офицеры, на рубеже XIX–XX вв. придерживавшиеся консервативного образа мыслей, вряд ли могли точно сформулировать своё кредо как минимум по причине аморфности этого идеологического течения в России. Не случайно один из столпов отечественного консерватизма генерал А.А. Киреев, говоря о тех, кто был близок ему по духу, признавал, что «коренная наша беда в том и состоит, что у наших врагов конституционалистов и социал-демократов – программы есть, а у людей порядка, не говоря о людях правительства, программы нет. Идеи у них противоречивые, расплывчатые, неопределенные»¹⁶⁴. Этим оценкам созвучны и выводы современных историков. «Особенностью эволюции русской общественной мысли, – подчеркивает А.В. Ремнев, – явилось слабое развитие консервативного направления, которое формировалось как бы в ответ на вызов революционно-демократической и либеральной концепций исторического пути России... Трагедия русских консерваторов заключалась в том, что, не принимая революции и либеральных реформ, в реальной жизни самодержавной России они не могли отыскать то, что же следует сохранять, и вынуждены были скатываться к простому охранительству»¹⁶⁵.

Таким образом, и отношение к институту монархии у офицеров – сторонников консервативной идеологии, можно определить как заинтересованность в сохранении status quo самодержавного государя. Данная позиция хорошо сочеталась с традиционными корпоративными установками офицерства. Именно это обстоятельство всегда давало почву для утверждений, будто подавляющее количество офицеров придерживалось консервативных политических взглядов. На деле же к правому лагерю сознательно примыкали отнюдь не многие офицеры, во всяком случае не большинство. Отдельные представители правого политического течения в отношении к монархии отличались от основной массы офицерства иной реакцией на действия монарха, когда последний не имел силы жестко противостоять напору общественного мнения, шел на уступки в вопросах государственного устройства и внутренней политики. Стоило царю дать санкцию на реформы или серьезные нововведения в указанных сферах – прежняя гармония ментальности и политического сознания этой группы офицерства нарушалась; монарх попадал под

¹⁶⁴ Цит по: *Кавторин В.В.* Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. Л., 1992. С. 287

¹⁶⁵ *Ремнев А.В.* Крестный путь Льва Тихомирова // Исторический ежегодник. Омск, 1997. С. 114.

огонь критики, несовместимой с корпоративными стереотипами восприятия и отношения к государю.

Существеннейшим критерием для оценки политической ситуации в контексте судеб монарха и монархии для основной массы офицерства являлось представление о незыблемом праве государя на свободное волеизъявление. Причем решения монарха в соответствии с ментальными установками офицерства не подлежали отстраненной, а тем более отрицательно окрашенной рефлексии. Консервативно настроенное офицерство, напротив, не стеснялось проявлять своё негативное отношение к отдельным поступкам императора. Попробуем пояснить это на примерах. Так, в мемуарах Б.М. Шапошникова содержится описание следующего случая: «Однажды осенью 1905 года я и товарищ разговаривали в канцелярии батальона о введении конституции в России. Присутствовавший при этом разговоре подполковник Лепехин, помощник командира батальона, напустился на нас: как это так, чтобы мы, офицеры, хотели *ограничить волю царя!* (курсив мой. – В.К.). В это время в комнату из своего кабинета вышел Бердяев. Когда он узнал, в чем дело, усмехнулся и сказал подполковнику: "А ведь неплохо было бы, Константин Александрович (так звали Лепехина), иметь хорошую конституцию, наподобие английской" Тот был окончательно сражен и решил, что если уж командир батальона рушит устои самодержавия, так что же тут говорить, и ... постарался поскорей уйти из канцелярии»¹⁶⁶

Как это ни покажется парадоксальным, но на основании приведенных мемуаристом сведений мы не можем с уверенностью утверждать, что упомянутый подполковник Лепехин отличался консервативными политическими взглядами. Для этого недостает одного – информации о том, как впоследствии он отнесся к изданию Манифеста 17 октября, который реально сужал prerogatives самодержца. Между тем резкая критика действий монарха и даже некоторый эпатаж со стороны отдельных офицеров в связи с выходом Манифеста имели место и воспринимались политически не ангажированным офицерством не иначе как покушение на священное право свободного волеизъявления государя.

Директор Пажеского корпуса Н.А. Епанчинцев в 1905 г зафиксировал в своих мемуарах факты обескураживающих откровений некоторых родителей в связи с изданием царского Манифеста 17 октября. Особенно он возмущался действиями графа М.П. Толстого. Генерал и георгиевский кавалер в кабинете Епанчинцева в присутствии двух своих сы-

¹⁶⁶ Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 113.

новой «позволил себе, говоря об этом манифесте, назвать Думу "анархической" и весьма резко отзывался о государе, даровавшем России это учреждение»¹⁶⁷ Другой случай, описанный тем же мемуаристом, произошел на обеде у графа А.Д. Шереметева 6 мая (день рождения Николая II) 1906 г. Во время частного приема, куда было приглашено около двух десятков человек, – титулованная знать, чиновники, военные из свиты императора – хозяину, пытавшемуся произнести тост за здоровье царя, так и не дали это сделать, демонстративно заглушая его речь посторонними разговорами.

По поводу поступка Толстого и иных подобных проявлений недовольства политикой Николая II Епанчинцев писал: «Генерал был из самых крайних правых, из тех, которые не могли простить Императору Александру II освобождения крестьян. Я считал, что отношение таких лиц к *Царской воле* (курсив мой. – В.К.) имело подрывной характер и что они в этом отношении действовали также преступно, как и крайние левые...»¹⁶⁸

Сходным образом формулировал своё мнение генерал Н.Д. Бутовский, перенося критический пафос на поведение левых партий: «...прекрасные слова манифеста 17 октября опошлены, огажены немытыми руками, подхватившими драгоценный дар»¹⁶⁹ Содержание, лексические оттенки высказывания Бутовского, думается, отражали позицию большинства офицеров, осмысленно или неосознанно воспринимавших обнародование Манифеста, а также последствия этого шага для общественно-политической жизни страны как должное, как добровольный и благодетельный акт волеизъявления государя.

Конечно, в начале XX в. знакомство с различными политическими учениями и программами партий имело место в офицерской среде, но оно редко перерастало в убеждения, а тем более в соответствующую практику. Сам по себе рост леворадикальных настроений, приливы сочувствия либеральным идеям, а также усиление политического консерватизма среди офицерства явственно обнаруживались, главным образом, в периоды возникновения в стране ощутимой социальной напряженности. События революции 1905–1907 гг. не могли не отразиться на политическом сознании и поведении представителей офицерской корпорации. Именно тогда вновь отчетливо обозначился широкий спектр поведенческих актов командного состава русской армии, за которыми

¹⁶⁷ Епанчинцев Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 272.

¹⁶⁸ Там же. С. 273.

¹⁶⁹ Бутовский Н. Статьи на современные темы... С. 27–28.

стояла та или иная политическая идеология. Он простирался от участия офицеров в вооруженной борьбе, направленной против самодержавного режима, до нелицеприятной критики политики царя с позиций правого лагеря.

Но помимо действий, в основании которых лежала идеология либо ментальные установки, отторгавшие идеологические лозунги и схемы, давал знать о себе и тип поведения офицера, базировавшийся преимущественно на бытовом восприятии фигуры монарха. Один из организаторов «Офицерского союза» военный чиновник, эсер С.М. Масловский (псевдоним Мстиславский) в мемуарах, относящихся к периоду первой российской революции, отмечал: «Широко развитая система фаворитизма... (со стороны царской фамилии. В.К.) содействовала развитию оппозиционных настроений в отдельных офицерах и даже целых кружках. Настроения эти, конечно, не имели ничего общего с революцией, по существу говоря, они были даже контрреволюционны; но ... возможность использовать их для целей революционных была». Тот же Масловский описал случай, когда один поручик гвардейской артиллерии в 1905 г. предложил ему помощь в организации убийства Николая II по причине нанесенной офицеру жестокой обиды. Речь шла об инциденте, произошедшем в Красносельском лагере, когда во время обхода строя к царю попытался приблизиться солдат и подать прошение «на высочайшее имя». Он был принят за боевика с бомбой в руках. «Паника поднялась неопишуемая, – вспоминал Масловский, воспроизводя слова офицера, – генералы шарахнулись врассыпную, Владимир (командовавший частями гвардии великий князь Владимир Александрович. – В.К.) спрятался за Николая; и только когда солдата схватили стоявшие на той же линейке офицеры, "августейший главнокомандующий" выскочил, "прикрыл грудью Николая и начал "крыть" дежурного поручика такими словами, что, по его выражению, "брандмайор покраснеет" Николай улыбался и притаптывал ногой в такт. Изруганного поручика отправили прямым рейсом под арест. Случилось это с месяц назад, но рассказывал он всё ещё с подлинной дрожью: "Жив не буду – сквитаяюсь с этой сволочью"»¹⁷⁰

Нетрудно представить, какой могла бы быть реакция оскорбленного офицера, если бы её характер определялся стереотипами корпоративной ментальности. Например, всю вину за нанесенную обиду поручик мог возложить на одного лишь великого князя, игнорируя при этом

¹⁷⁰ Мстиславский С. Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка. 1928. № 2. С. 18–19.

поведение царя, чего, однако, не произошло. Впрочем, рассматриваемый казус становится важным для нас не только в качестве иллюстрации: по большому счету он заключает проблему пределов и границ действия структур офицерской ментальности, за которыми её механизмы, обеспечивавшие нормативное отношение к личности монарха, переставали срабатывать. Иначе эту же проблему можно сформулировать как необходимость прояснения условий смены ценностных ориентаций в сознании отдельного члена офицерского сообщества.

К анализу означенных сюжетов мы вернемся несколько позже, поскольку наиболее подходящими для разрешения поставленного вопроса являются материалы последних месяцев правления династии Романовых, а также начального этапа революции 1917 г. Сейчас же представляется важным ещё раз подчеркнуть тот факт, что на рубеже XIX–XX вв. в сознании офицерства бытовало и взаимодействовало несколько ценностно-нормативных ориентаций, детерминировавших поведение представителей этой социальной группы относительно монарха и монархии. Первой по значимости следует признать ментальность офицера, придатком к которой служила довольно аморфная собственно офицерская идеология. Командному составу русской армии также не чуждо было восприятие данных объектов сквозь призму идеологических конструкций из арсенала различных общественных течений и партий, действовавших в стране. Политически окрашенное, как и автономно-бытовое отношение к царю, независимо от того, что оценивалось с подобных позиций – личность ли императора, его статус в политической системе России либо конкретные поступки монарха – оказывались девиантными, но отнюдь не подпадающими под категорию случайного феномена коллективного сознания офицерства. На протяжении многих десятилетий тот и другой варианты автономного социального поведения проявляли устойчивую способность к воспроизводству, отливаясь в форму традиции. Поэтому жизненные стратегии или отдельные поведенческие акты представителей офицерской корпорации, выстраивавшиеся в соответствии с политико-идеологическими либо иными ценностно-нормативными образованиями, происхождение которых не было напрямую связано с существованием данной профессиональной группы, можно назвать типичными, хотя и не доминировавшими в поведении основной массы офицерства.

Сама по себе практика реализации инородных для офицерского сообщества образцов социальной активности в отношении монарха и монархии была возможна благодаря разноразновесным социальным свя-

ням и многообразию социальных ролей офицера – военного, дворянина, общественного деятеля, члена царской семьи (если речь идет о великих князьях), автономного субъекта аксиологической рефлексии и т. д. Подчас слабая, неглубокая инкорпорированность в сознание отдельных офицеров доминантных для всей группы установок и ценностей также могла стать причиной для возникновения гибридных и нестандартных линий поведения. Всё это особенно важно учитывать, анализируя пеструю картину поведения офицерства накануне и в период революции 1917 г

2. Проблемы социальной адаптации и общественно-политической самоидентификации офицерства в условиях мировой войны

Первая мировая война привнесла существенные изменения в жизнедеятельность офицерства как особой социальной группы. Значительные потери в командном составе и развертывание многомиллионной армии уже в начальный период боевых действий обусловили потребность масштабного пополнения офицерского корпуса. В итоге к моменту падения монархии в России за счет призыва десятков тысяч штатских, а также производства в офицеры нижних чинов численность офицерства, до войны насчитывавшего в своих рядах около 40 тыс. человек, возросла примерно втрое¹⁷¹.

Убыль кадровых офицеров и возникновение мощной прослойки офицерства военного времени привели к серьезным изменениям в социальном облике офицерской корпорации. Во-первых, наблюдался необычайный рост удельного веса выходцев из низших сословий (крестьяне и мещанство), которые до войны по сравнению с дворянством и почетными гражданами давали относительно малый процент рекрутируемых в ряды командного состава армии. Современные исследователи сходятся во мнении, что по социальному происхождению офицерский корпус к 1917 г стал соответствовать социальной структуре российского общества в целом. Во-вторых, резко снизился образовательный уровень офицерства. По оценкам А.Г. Кавтарадзе, «свыше 50 % офицеров военного времени не имели даже общего среднего образования» (т. е. об-

¹⁷¹ Копылов Н.А. Социально-психологический портрет русского офицерства... С. 127-133.

разования в объеме гимназического курса или курса реального училища. — В.К.)¹⁷².

Основная масса этих людей проходила ускоренные курсы подготовки офицеров в военных училищах и созданных во время войны школах прапорщиков. 3–4-месячный срок обучения, конечно же, не давал возможности будущим офицерам получить полноценную профессиональную подготовку. Офицеры военного времени не пользовались в полной мере правами кадрового офицерства, например, они были лишены возможности производства в штаб-офицерский чин, а по окончании войны подлежали увольнению в запас.

Такое пополнение офицерского корпуса не только порождало чрезвычайную пестроту социального происхождения, уровня образования и профессионализма среди офицерства, но и влияло на характер взаимоотношений внутри корпорации, формировало нелицеприятный имидж новоиспеченного прапорщика в сознании различных слоев российского общества. Не случайно в народе в шутку говорили: «Курица — не птица, прапорщик — не офицер». Бытовал и такой юмористический куплет:

«Раньше я был кучер, звать меня Володя,
А теперь я прапор, Ваше благородие».

Приводя один из вариантов этого куплета, в котором, однако, прапорщику приписывалось происхождение из дворников, автор автобиографического романа «Наследие» Лев Славин писал: «Говорят, что эту песенку сложили старые офицеры мирного времени...»¹⁷³ Может быть, это и так. Во всяком случае, есть мемуарные свидетельства об исполнении куплета самими офицерами.

Возникает вопрос, в какой степени вышеперечисленные переменны повлияли на систему ценностей, на способы восприятия действительности, на традиционные нормы поведения офицерства. В воспоминаниях кадровых офицеров можно найти немало претензий в адрес тех, кто надел офицерский мундир только в годы войны. Однако, соглашаясь с упреками в непрофессионализме, недостаточно высоком уровне общей культуры и образования офицерства военного времени, мы не можем отказать ему в стремлении следовать общепринятым образцам мышления и поведения офицерства императорской армии. Довольно точно отражают сложившуюся ситуацию следующие рассуждения и выводы С.В. Волкова: «Поскольку традиции воинского воспитания в военно-учеб-

¹⁷² Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты... С. 27

¹⁷³ Славин Л.И. Избранные произведения: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 33.

ных заведениях не прерывались, нельзя сказать, чтобы офицерство изменилось по моральному духу и отношению к своим обязанностям. Подавляющее большинство офицеров военного времени не менее жертвенно выполняли свой долг, чем кадровые офицеры, и гордились своей принадлежностью к офицерскому корпусу... Чувство это у людей, едва ли могших рассчитывать получить офицерские погоны в обычных условиях, было даже более обостренным, и нежелание с ними расставаться дорого обошлось многим из них после большевистского переворота»¹⁷⁴.

Действительно, в годы войны удивительно живучими оказывались традиции военной школы, даже во вновь создаваемых учебных заведениях, даже тогда, когда, казалось бы, исчезали благоприятные предпосылки для культивирования этих традиций. Так, прапорщик М.Б. Гольман, в 1916 г. бывший юнкером 1-й Одесской студенческой школы прапорщиков, свидетельствовал о наличии «цука» и среди молодежи, не прошедшей школы кадетских корпусов. Причем попытки противостоять этой традиции, к которым Гольман оказался непосредственно причастен, являясь членом «студенческого трибунала», успехом не увенчались. «Опыт меня научил, – вспоминал борец со школьными "пережитками", – что подобное воздействие ещё более сгущает атмосферу взаимных козней и раздражения»¹⁷⁵. Позднее, уже во времена революции отдельные неформальные традиции поведения воспитанников военной школы («бенефисы», «похороны») приобретали зачастую политизированную окраску, выражая настроения тех, кто внутренне отрицал привнесенные в армию «демократические» порядки

Самое важное, однако, заключается в том, что источники свидетельствуют о мощном процессе социальной адаптации среди лиц, только недавно надевших офицерские погоны. Армейский «котел» при наличии благоприятных обстоятельств быстро «переваривал» и изменял сознание новоиспеченных офицеров, заставляя их воспринимать корпоративные ценности, нормы и стереотипы поведения. Исключением не являлись и те формы поведения, которые постоянно служили предметом резкой критики со стороны общественности, а именно «отеческие» увещевания и наказания нижних чинов в виде ругани и мордобоя.

Так, уже после падения монархии в беседе с комиссаром некий поручик, арестованный солдатами за рукоприкладство и невоздержан-

¹⁷⁴ Волков С.В. Русское офицерство как историко-культурный феномен... С. 175–176.

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 3. Л. 93.

ность на язык, признавался: «Я никогда не готовился и не думал о военной карьере, я студент, надевший военный мундир семнадцать месяцев тому назад. Я так воспитан, что никогда, даже будучи только что выпущенным офицером, не допускал мысли о рукоприкладстве. Я смотрел на это, как на нечто дикое, недостойное человека. И вот, как это произошло, я даже не могу объяснить. Я, надевши золотые погоны, впитал в себя традиции "умения обращаться с людьми" Даже в самое последнее время перед арестом у меня было разьедающее сознание, что я делаю не так, как думал, что я иду против себя самого, против своей совести. Но я уже не мог себя побороть»¹⁷⁶

Социальная адаптация десятков тысяч офицеров военного времени, конечно же, являлась серьезной проблемой для корпорации в целом, но численное доминирование этой категории отнюдь не приводило к маргинализации слоя кадровых офицеров и тех ценностей, которые они исповедовали. Новоиспеченные офицеры, попадая на службу в части по окончании ускоренных курсов военных училищ и школ прапорщиков, оказывались перед выбором: либо быть отторгнутыми офицерским сообществом, вызывать недоверие подчиненных, либо чувствовать себя психологически относительно комфортно, следуя установившимся традициям. В годы войны на плечи офицеров, даже младших, сплошь и рядом ложилась большая ответственность, и оттого, насколько быстро происходила адаптация, зависел успех дальнейшей службы офицера. Нельзя не учитывать также, что для многих получение офицерского чина означало как возвышение в собственном мнении, так и повышение реально-го социального статуса. Всё это создавало дополнительный стимул соответствовать определенному идеалу.

В итоге применительно к дореволюционному периоду войны можно говорить об интенсивном процессе стирания граней между кадровым офицерством и офицерством военного времени. Основной комплекс ценностных ориентиров довоенного офицерства сохранял своё определяющее значение для всего офицерского сообщества вплоть до 1917 г. Наличие мощной прослойки новоиспеченных офицеров, не прошедших той школы, которая отличала кадровое офицерство, отнюдь не грозило расколом и фрагментацией офицерского сообщества, пока сохранял устойчивость существовавший политический режим, пока поддерживался высокий статус офицера в обществе.

¹⁷⁶ Вранов М. Революция на фронте. Пг., 1917 С. 9.

В преддверии революции куда более важным являлся процесс адаптации офицера к условиям и способам взаимодействия с солдатской массой. В течение всей войны офицерский статус командира и связанные с ним представления офицера о должном поведении солдата подвергались серьезнейшему испытанию на прочность. Так, уже с началом мобилизации напомнили о себе признаки разлада между командирами и подчиненными, выявившиеся ещё в период русско-японской войны и революции 1905–1907 гг

По воспоминаниям М.Д. Бонч-Бруевича, который в июле 1914 г. командовал 176-м Переволоченским полком, прибывшие в часть запасные делились на две категории. К первой относились те, кто ранее проходил службу в мирное время. Они были послушны, четко выполняли требования командиров и, как пишет мемуарист, уже «на второй день после появления в казармах ничем не отличались от кадровых солдат». Другую категорию запасных представляли ветераны боев в Манчжурии, пережившие на службе потрясения первой русской революции. В отличие от прочих солдат, – подчеркивал Бонч-Бруевич, – «запасные из участников русско-японской войны, едва прибыв в полк, начали заявлять всевозможные претензии: держались вызывающе, на офицеров глядели враждебно, фельдфебеля, как "шкуру", презирали и даже передо мной, командиром полка, вели себя независимо и, скорее, развязно»¹⁷⁷. Конечно, влияние этой категории нижних чинов на поведение общей массы уходивших на фронт солдат не было доминирующим, однако оно не предвещало в будущем ничего хорошего.

В силу невиданных ранее масштабов применения боевой техники, мобилизации колоссальных людских ресурсов и огромных потерь мировая война, как никогда, требовала четкого и слаженного взаимодействия всех звеньев армейского организма. Однако в условиях колоссального психического напряжения бойцов, зачастую плохо приспособившихся к резкой смене жизненного уклада, добиваться от солдат точного следования уставным нормам при опоре на патернализм становилось всё труднее.

Казалось бы, война создавала предпосылки для «демократизации» взаимоотношений между командным составом и нижними чинами. Патерналистский вариант «братства» на фронте иногда естественным образом перетекал в поведение, символика и смыслы которого свидетельствовали о приближении к некоей уравнивающей солдата и офицера

¹⁷⁷ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1958. С. 15.

социально-психологической планке. Но, во-первых, такая возможность могла реализоваться преимущественно в боевых условиях, охватывая, как правило, нижние этажи армейской иерархии, где осуществлялось взаимодействие субалтерн-офицера и подчиненных ему солдат. Во-вторых, для этого требовался определенный временной промежуток, позволявший сторонам «сойтись» и хотя бы обменяться знаками признания символического равенства. Однако война сплошь и рядом не позволяла оформиться подобным взаимоотношениям в силу перманентной смены личного состава частей.

Убыль офицеров, особенно в пехоте, с начала боевых действий стремительно нарастала. Как говорилось, например, в докладе генерал-майора В.В. Чернавина, подготовленного в бытность его генерал-квартирмейстером 6-й армии (1917 г.), «осенью 1915 года считались благополучными полки, где было 20–25 офицеров». Чернавин также отмечал, что типичным результатом большого боя тогда становилась потеря 50–60 % офицерского состава части¹⁷⁸. Статистика свидетельствует и о том, что дореволюционное соотношение количества нижних чинов и командиров русской армии к моменту революции 1917 г. изменилось не в пользу офицерства. Так, в 1913 г. на сотню военнослужащих по списочному составу армии приходилось 96 нижних чинов (из них 88,7 % строевых и 7,3 % нестроевых) при средней численности офицерства 3,5. В 1916 г. на фронте доля нижних чинов равнялась 97,9 % (80,3 % строевых и 17,6 % нестроевых), доля же офицеров – только 1,6 % от общего количества военнослужащих¹⁷⁹.

Нельзя сказать, что в период войны солдатские массы не выстраивали своё поведение в соответствии с традиционным патерналистским вариантом социального взаимодействия. Более того, часто именно данный вариант оказывался наиболее приемлемым и давал поразительные результаты. Авторитет и влияние командира оказывались настолько высоки, что даже в самых тяжелых ситуациях фронтовой жизни нижние чины беспрекословно следовали приказам начальника, проявляли чудеса стойкости и мужества.

Генерал А.А. Брусилов в своих воспоминаниях привел в этой связи любопытные наблюдения первого года войны. Так, находившийся под его началом генерал Орлов не сумел установить с подчиненными доб-

¹⁷⁸ РГВИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 60. Л. 2.

¹⁷⁹ Труды Центрального статистического управления. Отдел военной статистики. М., 1920. Т. XIII. Вып. 1. С. VII.

рых отношений, хотя и проявлял реальную заботу о них. Брусилов подчеркивал, что «солдаты его (Орлова. – В.К.) не любили за то, что он с ними обыкновенно не здоровался, никогда не обходил солдатских кухонь и не пробовал пищи, никогда их не благодарил за боевую работу и вообще как будто бы их игнорировал. В действительности, – продолжает мемуарист, – он заботился и об офицере и о солдате, он всеми силами старался добиваться боевых результатов с возможно меньшей кровью и всегда ко мне приставал с просьбами возможно лучше обеспечивать их пищей и одеждой; но вот передать им свои заботы, чтобы они знали о них – этим он пренебрегал или не умел этого. Знал я таких начальников, которые в действительности ни о чем не заботились, а войска их любили и именовали "отцами родными"»¹⁸⁰

Далее по тексту воспоминаний нетрудно догадаться, о ком говорил Брусилов: «Странное дело, ген. Корнилов свою дивизию никогда не жалел, во всех боях, в которых она участвовала под его начальством, она несла ужасающие потери, а между тем офицеры, солдаты его любили и ему верили. Правда, он и себя не жалел, лично был храбр и лез вперед, очертя голову»¹⁸¹

В фактах, приведенных генералом Брусиловым, нет никакого противоречия. До поры патерналистская система социального взаимодействия при условии реализации командирами способов поведения, отвечавшей известным нормам данной системы, почти не давала сбоев. Пока в войсках ещё оставался костяк кадровых военных, пока поражения чередовались с победами и сохранялся высокий боевой дух солдат, пока тыл не оказывал разлагающего влияния на сознание бойцов, а цели войны не подвергались сомнению, – прежние нормы взаимоотношений офицерства и солдатских масс обеспечивали устойчивую связь начальников и подчиненных в армейских коллективах. Даже взаимодействие на уровне, представлявшем офицера в качестве барина-опекуна, а солдата – преданного слуги своего господина, в первые месяцы войны часто выступало одним из определяющих образцов поведения русских военных.

Например, соответствующий автоматизм сознания ярко проявлялся во взаимоотношениях командиров и тех солдат, которые по своему статусу в армейской иерархии оказывались наиболее близкими к положению господского мужика – денщиков и вестовых. Подобные факты фиксировали современники, а позже с нескрываемой ностальгией вспо-

¹⁸⁰ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 108.

¹⁸¹ Там же. С. 109.

минали в эмиграции кадровые офицеры императорской армии. Так, в беллетризованном очерке «Уплатенный долг», опубликованном среди прочих в книге «Кровью и железом. Осень 1914 г. Впечатления офицера-участника», Вадим Белов изображает сцену спасения корнета Малахова его вестовым во время стычки с противником. Автор не раз и без обиняков употребляет слово «барин», характеризующее взаимоотношения рядового Шерстюка и его начальника. Счастливый исход боевого столкновения, при котором, правда, пострадал вестовой, дополняется в рассказе Белова описанием благодарного, «родственного» поведения офицера по отношению к своему подчиненному: «Придя в себя, он (Шерстюк. – В.К.) увидел над собой знакомое лицо своего барина, его благородия корнета Малахова, стоявшего перед ним на коленях и поившего его водой из своей походной фляжки»¹⁸². Таким образом, заключительная сцена в изображении Белова, как и сама авторская лексика, должна была убедить читателя в сохранении и взаимном приятии сторонами исконно существовавшего в армии стереотипа отношений.

А у генерала П.Н. Краснова одним из настоящих героев фронтовой жизни оказывается денщик: «Лишь только спускались сумерки, – вспоминал Краснов, – как на тыловой линии там и сям появлялись согнутые фигуры безоружных солдат. Шрапнели неприятеля низко рвались в темнеющем небе, и уже виден был яркий желтый огонь их разрывов, бухали, взрывались тяжелые и легкие гранаты, и в темноте их черный дым вставал ещё грознее и раскаленнее; светясь, летели красно-огненные осколки. Казалось, ничего живого не могло быть там, где едва намечалась kloкочущая ружейным и пулеметным огнем линия окопов.

По полю перебежали, шли, крались, припадали к земле и снова шли люди.

Это денщики несли своим офицерам в окопы: кто теплое одеяло, чтобы было чем укрыться в холодном окопе, кто тщательно завернутый в полотенце чайник с горячим чаем, кто хлеб, кто портсигар с папиросами. Им это строго запрещали свои же офицеры. Но они не слушали запрещений, потому что видели в этом свой долг, а долг для них был выше жизни... Денщики отыскивали своих раненых офицеров, выносили тела убитых, бережно везли их домой к родным»¹⁸³.

¹⁸² Белов В. Кровью и железом. Осень 1914 г. Впечатления офицера-участника. Пг., 1915. С. 109.

¹⁸³ Краснов П.Н. Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии. М., 1992. С. 18–19.

Полностью укладывается в патерналистскую схему взаимоотношений офицерства и нижних чинов возникновение легенд о вождях-полководцах. Одной из наиболее популярных фигур первого года войны стал Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. «Не раз, – вспоминал генерал Ю.Н. Данилов, – приходилось слышать легендарные рассказы, создававшиеся о Великом Князе в рядах армии. В воображении солдат и даже рядового офицерства он всегда появлялся в наиболее опасных местах боя, привозил в своем поезде недостававшие войскам снаряды и патроны, "разносил" неспособных генералов и строго следил за солдатским благополучием. И всегда и всюду он являлся защитником интересов Армии, а в пределах последней – "серой солдатской шинели"»¹⁸⁴.

Вместе с тем уже в первые месяцы войны сплошь и рядом имело место слабое знакомство командиров со своими подчиненными, наблюдалось отсутствие связи между ними даже в рамках прежней патерналистской конструкции взаимоотношений офицерства и солдатских масс. Это нередко заканчивалось плачевными последствиями: падала воинская дисциплина, страдала боеспособность частей.

Приведем для примера курьезный и одновременно симптоматичный случай, который произошел в начале 1915 г. Тогда русская армия ещё не испытала горечи оставления больших пространств своей территории под натиском превосходящих сил противника, но в её рядах уже проявились те признаки разложения, которые через полтора-два года дадут знать о себе в полной мере. Командование Северо-Западного фронта подготовило операцию по захвату немецкого города Мемеля (нынешняя Клайпеда). Казалось, всё было предусмотрено штабными работниками, однако они никак не могли представить себе, что первоначальный успех обернется почти поголовным разложением наступавших на город частей.

Поход начался успешно. Вступив 4 марта в соприкосновение с противником, русские части быстро заставили его отойти к Мемелю. 5 марта около 10 часов вечера передовые подразделения сводного отряда генерал-майора А.С. Потапова ворвались в город. На улицах открылась интенсивная стрельба (стреляли даже из окон домов); завязались жесткие рукопашные схватки¹⁸⁵. Начальник отряда приказал оставить город и подвергнуть его артиллерийскому обстрелу. За ночь немецкие войска покинули Мемель, а утром депутация горожан вышла навстречу рус-

¹⁸⁴ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 13.

¹⁸⁵ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 129. Л. 250–255.

ским, изъявляя покорность. Отряд Потапова, насчитывавший до 10 тыс. человек, окрыленный победой, вступил в Мемель, а уже вечером был «потревожен» германскими ландштурмистами. В форме, но без оружия группами по 10–15 человек они стали просачиваться в расположение русских частей, подходили к победителям и угощали их спиртным. Такой прием со стороны противника пришелся по душе ополченцам, которые составляли большую часть отряда – около 6 тыс. ратников. Не отказался от угощения и строевой батальон, сформированный из балтийских моряков. Согласно информации, полученной высокопоставленным офицером, капитаном 2 ранга В.М. Альфатером, батальон «в боях участвовал и вел себя хорошо до второго вступления в Мемель, где перепился и стал невозможным»¹⁸⁶

Начальник сводного отряда приказал брать в плен незваных гостей, но русские и немецкие солдаты уже были крайне пьяны. Ландштурмисты буквально наводнили город – по оценкам очевидцев их собралось здесь около 3 тыс. человек – и выполнить приказ командира русским оказалось не под силу. Тогда обескураженный подобным поворотом событий генерал Потапов вывел на ночь свои войска из Мемеля. 7 марта русский отряд вновь занял город, однако всё повторилось сначала: немцы драться не хотели, и пьяная вакханалия продолжалась. Вечером генерал сообщал в штаб Двинского военного округа. «Противник напаивает мои части, которые итак твердостью не отличаются, и для восстановления порядка мне лично впервые в жизни пришлось расстрелять ополченца»¹⁸⁷ Потапову в третий раз пришлось распорядиться об оставлении Мемеля.

На другой день в городе наблюдалась та же картина. До предела расстроенные и деморализованные русские войска окончательно покинули Мемель 10 марта, когда обозначилось обходное движение частей германской 10-й армии, создававшее угрозу окружения. Причем, как сообщал в Ставку командующий Отдельным корпусом жандармов В.Ф. Джунковский, при отступлении «было потеряно четыре пулемета и оставлено в городе без вести пропавшими и пьяными 200 людей»¹⁸⁸

История бесславно завершившейся операции на границе с Восточной Пруссией предоставляет достаточно ценный материал для раз-

¹⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 93.

¹⁸⁷ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 129. Л. 233–234.

¹⁸⁸ Лемке М. 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пб., 1920. С. 571.

мышлений по поводу характера отношений нижних чинов и офицерства русской армии в условиях мировой войны. Первый аспект непосредственно отображает механизм функционирования патерналистской модели взаимодействия командного состава и солдатских масс. Дело в том, что данная модель предполагала осуществление серьезного социального контроля старших над младшими, «опекунов» над «опекаемыми». Снижение требований, подкрепленных угрозой наказания, либо, напротив, усиление контроля, вплоть до надзора за последними мелочами быта и поведения, влекло за собой разбалансировку традиционной системы отношений между командирами и подчиненными. В данном случае имел место вариант, когда контроль начальства был заведомо недостаточен. Генерал Потапов в ходе расследования причин неудачно завершившейся операции был вынужден признать: «Части не дисциплинированы, офицеров мало, и авторитетом не пользуются прапорщики, конечно; всё это вызвало мародерство и пьянство. Дисциплина заметно каждый час падала»¹⁸⁹ Среди офицеров особенно отличился командир батальона моряков капитан 2-го ранга Пекарский. По информации того же Джунковского, он допустил повальное пьянство среди подчиненных ещё при следовании батальона из Петрограда в Либаву. Сам же при взятии Мемеля, сказавшись больным, передал командование матросами капитану по адмиралтейству Никулину. При отступлении из города командир моряков, следовавший с походной кухней, в результате «аварии» был обрызган содержимым походного котла. Наутро, «облитый капустой и жиром, капитан Пекарский... в нетрезвом виде являлся начальником отряда, коим и был отчислен от командования батальоном»¹⁹⁰

Другим важным аспектом данной проблемы оказывается вопрос об отношении к противнику, вопрос об образе врага, существовавшем в сознании солдатских масс. Общий взгляд на проблему восприятия противника довольно убедительно обосновала Е.С. Сенявская. Она пишет о наличии двух вариантов этого образа. «Первый, "глобальный", сформировавшийся под воздействием пропаганды, включал в себя, — отмечает исследовательница, — представления о враждебном государстве или блоке государств; второй, "бытовой", возникал в результате непосредственного общения с лицами из противоположного лагеря — военнопленными и интернированными, неприятельскими солдатами в бою и мирным населением оккупированных территорий. На изменение обра-

¹⁸⁹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 129. Л. 236.

¹⁹⁰ Лемке М. Указ. соч. С. 571.

за врага влияли такие факторы, как продолжительность войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, причем более мобильным был второй образ»¹⁹¹.

Соглашаясь с выводами автора, попутно заметим, что оба варианта образа врага в сознании масс не были жестко разделены. Кроме того, как представляется, восприятие немца в качестве врага накануне Первой мировой войны среди русских, в отличие, например, от населения Франции, встречалось не часто. Пожалуй, можно говорить о том, что острая враждебность к «немцу», охватившая умы русских в ходе войны, по преимуществу оказывалась ситуативной. Во всяком случае, это не был плод длительного взаимодействия наций на протяжении многих десятилетий или веков. Как свидетельствуют результаты специальных исследований, и в городской народной культуре (она же в смысле восприятия «немца» оказывала решающее воздействие на деревню), и в сознании образованной части общества представления о «немце» не связывались с чувствами недоверия, отвращения или страха. «В XVIII–XIX вв., – отмечает С.В. Оболенская, – в отношении к немцам различие "своего" и "чужого", конечно, существует, образа врага нет»¹⁹². Немецкий историк К. Вашик утверждает, что «антигерманские образы врага в дореволюционной России почти не были распространены»¹⁹³.

Начало Первой мировой войны ознаменовалось в России настоящим всплеском ненависти к Германии, подчеркнутой демонстрацией неприятия всего немецкого. Эти настроения, безусловно, охватили и армию. Однако уже на первых этапах войны отношение солдат русской армии к немцам было двойственным. Больше доверяясь собственному опыту, нежели пропаганде со стороны, нижние чины из народа отправлялись на фронт с чувством веселого любопытства либо фаталистической покорности, беспокойства об оставленных семьях. Одновременно глубинная психологическая установка – уничтожить врага, потому что он немец, – в сознании основной массы солдат отсутствовала. Конечно, сама по себе жестокость войны, массированная антигерманская пропаганда оставляли глубокий след в сознании воинов. И все же «бытовой» образ врага

¹⁹¹ Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997 № 3. С. 145.

¹⁹² Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 182.

¹⁹³ Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // Образ врага. М., 2005. С. 196.

не был наделен столь одиозными чертами, чтобы препятствовать вначале спорадическому («братание» в Мемеле, праздничные «братания» на фронте 1915–1916 гг., а позднее в 1917 г.) и массовому возникновению ситуаций «замирения» русских солдат с противником. Впрочем, доброжелательность поведения в отношении немцев всегда имела свои пределы. Например, распивая спиртное вместе с германскими ландштурмистами, русские солдаты и матросы были не прочь и пограбить горожан в богатом Мемеле.

Особую специфику в годы войны в армии и на флоте приобрел вопрос об отношении к «своим» немцам – лицам немецкого происхождения и людям, носившим фамилии, которые либо действительно являлись, либо воспринимались как немецкие. Для отношений офицерства и нижних чинов этот вопрос имел существенное значение в первую очередь в свете поражений русской армии и затяжной войны. Как и следовало ожидать, во всех неудачах винили «внутреннего» врага. Офицеры с немецкими фамилиями в первую очередь попадали под подозрение; их нередко рассматривали либо как потенциальных, либо действительных пособников противника.

Так, «недовольство матросов офицерами немецкого происхождения» фиксировали соответствующие правительственные службы на Балтике, считая его одной из причин волнений, возникших среди моряков в 1915 г.¹⁹⁴ По данным военной цензуры, относящимся к началу 1917 г., на Северном и Западном фронтах нижние чины не только с недоверием относились к лицам с немецкими фамилиями, но и заявляли о бесполезности войны до тех пор, пока не исчезнет так называемое «немецкое засилье» по всей России.¹⁹⁵ Накануне революции 1917 г. в сознании солдатских масс стало укореняться мнение, что сама верховная власть поражена недугом потворства немцам и предательства. Окопная молва не щадила даже императрицу, не говоря уже о лицах из окружения Николая II – «немецких советчиках», которые, как считалось, и были виновны во всех бедах России.

Проблема «своих» и «чужих» в представлении солдатских масс имела ещё одну сторону, непосредственно касающуюся взаимоотношений нижних чинов и офицерства. Автор военно-исторических романов и повестей Л.И. Раковский в книге «Михаил Тухачевский» очень точно воспроизвел ситуацию, разъяснив её сущность словами одного из своих

¹⁹⁴ Волнения во флоте в 1915 г. // Красный архив. 1925. Т. 2 (9). С. 102.

¹⁹⁵ Русская армия накануне революции // Былое. 1918. № 1 (29). С. 155.

героев: «Мы, солдаты, всегда делили офицеров на две группы. Одних, которые не гнушаются нашего брата, относятся к нам по-человечески, мы звали "Володя", а других, кто шпынял нас и готов был руку приложить, – "Костей". У нас так и говорили. Вот стоим с девушками где-либо на Загородном (Загородный проспект в Петрограде. – В.К.) у ворот, видим – идет офицер. "Эй, подтянись, говорим: Костя идет! Или: не бойся, ребята, это наш Володя»...»¹⁹⁶. Подобный характер восприятия нижними чинами офицеров складывался и в армии, и на флоте. «Чужие» офицеры, среди которых оказывались малознакомые, нетребовательные либо, напротив, слишком придирчивые офицеры, «офицеры-немцы» и т. п., в сознании нижних чинов фактически уже не являлись агентами системы патерналистского взаимодействия. Нормы и механизмы данной системы утрачивали значение применительно к этой категории офицерства.

О кризисе взаимоотношений офицерства и солдатских масс, обозначившемся накануне революции 1917 г., красноречиво свидетельствуют исторические документы. Приведем здесь лишь одно из таких свидетельств. В конце 1916 г. Ф.А. Степун (тогда артиллерийский офицер) был неприятно поражен словами случайного попутчика из нижних чинов, который прямо заявлял об убийстве своими же штабного офицера, повинного в неудачной операции и гибели множества людей. По версии начальства это было самоубийство; собеседник же мемуариста рисовал иную картину. Офицера поразил, однако, не сам факт убийства, а то, насколько изменились «времена и нравы»: «Убийство солдатами офицера, – пишет Степун, – было, конечно, всегда возможно, но ничем не вызванное признание в этом было год тому назад совершенно невысказанным»¹⁹⁷.

Масштабы кризиса взаимоотношений офицерства и нижних чинов русской армии в полной мере выявились в февральско-мартовские дни 1917 г. Мы же продолжим анализ основных причин, приведших к этому кризису. Как в отечественной, так и в зарубежной историографии существует мощная традиция отождествления основных черт сознания крестьянства и многомиллионной армии, состоявшей, как считалось, в подавляющем числе из представителей этого социального слоя. Если исходить из данной посылки, то патернализм как модель или способ социального взаимодействия двух больших групп армейского социума, казалось бы, мог долго сохранять относительную жизнеспособность и

¹⁹⁶ Раковский Л. Михаил Тухачевский. Л., 1967. С. 100.

¹⁹⁷ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся... С. 385.

эффективность. Но для этого требовались определенные условия. Во-первых, даже если признать, что к моменту войны подавляющая часть крестьянства продолжала существовать согласно нормам патриархального уклада, сознание и поведение бывших крестьян в армии, как минимум, не должно было испытывать влияния нижних чинов – выходцев из городского населения, которых, кстати, в войсках было не так уж и мало. В частности, по подсчетам Д.А. Гаркавенко на момент Февральского революционного взрыва крестьянство составляло примерно 61 % от численности армии¹⁹⁸. Авторы одного из разделов книги «Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции» В.И. Миллер и Л.Г. Протасов в данной связи подчеркнули: «Разумеется, и сами показатели (приведенные Д.А. Гаркавенко. – В.К.), и методика их исчисления ещё нуждаются в уточнениях и обоснованиях, но теперь едва ли есть сомнения, что армия отнюдь не состояла из крестьян на 80–90 %...»¹⁹⁹

Вторым препятствием являлся сам характер и масштабы войны, когда, особенно в пехоте, из-за частой смены личного состава социальные связи между командирами и нижними чинами налаживались с трудом и не успевали приобретать необходимой прочности. Особенно это касается офицерства военного времени, не обладавшего опытом и навыками кадровых офицеров.

В отечественной исторической литературе определился и иной взгляд на проблему социального облика нижних чинов Русской, правда, в большей степени применительно к периоду революции 1917 г. Для ряда исследователей (П.В. Волобуев, В.П. Булдаков, Л.Г. Протасов, Н.С. Ларьков) «человек с ружьем» – это человек особой маргинальной культуры с присущими ему специфическими способами мышления и поведения²⁰⁰. Таким образом, пренебрежение к традиционным нормам морали и дисциплины, неустойчивость настроений, агрессивность солдатской массы означенные историки склонны объяснять самим состоянием

¹⁹⁸ Гаркавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. Л., 1972. С. 43.

¹⁹⁹ Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. М., 1979. С. 102.

²⁰⁰ См.: Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010; Волобуев П.В. Революция и народ (методологические и теоретические аспекты) // Октябрьская революция. Народ: её творец или заложник? М., 1992; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива // Отечественная история. 1993. № 5; Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995.

людей, выбитых из привычной жизненной колеи и утративших свою социальную идентичность.

С этими положениями можно согласиться, но здесь всё же необходимы существенные пояснения. Дело в том, что солдат не являлся маргиналом по определению. Исторически нижние чины русской армии составляли особую социальную группу со своими нормами поведения, со своими идеалами и стереотипами мышления. Как только новобранец либо бывший запасной переставал отождествлять себя с социальной средой, выходцем из которой он являлся, это означало, что в его сознании начинали доминировать не крестьянские, не пролетарские либо какие-то ещё ценности штатского человека, а ценности и нормы военного. Безусловно, для того чтобы воспитать из новобранца солдата, требовались усилия командиров и время. В период войны в дефиците часто оказывалось и то и другое. Не случайно генерал Брусилов в своих мемуарах с сожалением констатировал: «За всю войну мы ни разу не получали хорошо обученных пополнений, и чем дело шло дальше, тем эти пополнения прибывали всё хуже и хуже обученные не только своему военному делу, но и в нравственном и политическом отношениях»²⁰¹

В мирное время отклонения в поведении новобранцев, случавшиеся в процессе перехода к новому социально-профессиональному положению, достаточно эффективно пресекались и с помощью официально признанных наказаний, и более простым, и, как казалось многим начальствующим лицам, более доходчивым (рукоприкладство) способом. Причем последний способ в системе нравственных координат патриархального уклада даже теми, кто подвергался побоям, отнюдь не всегда воспринимался как абсолютное зло. Этот факт зафиксирован в специальных исследованиях. Например, А.П. Скрипник указывает: «Выход из-под сурового контроля патриархальной семьи... порождает ощущение свободы, которую некуда девать, свободы, ставшей обузой. В этой ситуации даже временное восстановление контроля воспринимается как благо. Рукоприкладство «начальника» приобретает значение отеческих наставлений, совершенно необходимых для возврата на путь истинный»²⁰².

Примером действия подобного механизма в армии могут служить случаи, описанные в воспоминаниях современников. Когда, скажем, вместо того, чтобы отдать солдата под суд за совершенную провинность, унтер-офицер либо офицер мог как следует приложиться кулаком. И на этом инцидент исчерпывался к удовлетворению обеих сторон. Во время

²⁰¹ Брусилов А.А. Указ. соч. С. 96.

²⁰² Скрипник А.П. Моральное зло. М., 1992. С. 195.

военных действий именно такой, «отеческий» способ наказания предпочитали многие начальники. Уже в период мобилизации и отправки на фронт воинских частей получили распространение случаи массовых нарушений дисциплины. В сложившихся условиях жесткое следование уставным требованиям при наказании нарушителей приводило бы к обострению отношений между командирами и подчиненными, да и просто к сокращению численности действующей армии. Поэтому офицеры и прибегали к «отеческим» методам решения проблем.

Так, в самом начале войны командовавший тогда полком М.Д. Бонч-Бруевич обнаружил в лесу группу солдат численностью до ста человек, самовольно покинувших часть для последнего свидания с родными. Почти одновременно ему рапортовали о сопровождавшейся угрозами избиения попытке бывших запасных ворваться в избу, где находился командир 7-й роты, который особенно ретиво исполнял приказание о недопущении отлучек. Пятеро зачинщиков были тут же арестованы. Но в конечном итоге Бонч-Бруевич не дал делу официального хода, а предпочел восстановить дисциплину путем психологического давления на провинившихся. «Приказав привести арестованных якобы для дознания на квартиру, – вспоминает генерал, – я, выслушав не очень четкие показания, сказал:

– Ну что ж, дело ваше простое, особенно расследовать нечего. Соберу полевой суд, и через час вы будете расстреляны на основании законов военного времени.

Перепуганные солдаты начали умолять меня "простить" их. Помедлив для порядка и сделав вид, что не могу сразу решиться на такое нарушение закона, я, в конце концов, объявил обрадованным запасным, что отдаю их той же 7-й роте на поруки. Не стал возбуждать преследования я и против самовольно отлучившихся и ограничился лишь командирским "разносом"²⁰³

К моменту падения монархии в России доминирование «отеческих» форм поддержания дисциплины в армии сохранялось. Однако это не гарантировало желательных для армейского начальства результатов. Адвокат Б.С. Утевский, в 1916 г. вольноопределяющийся 176-го запасного пехотного полка в Петрограде, вспоминал: «Дисциплина была ещё палочной, но что-то уже дало в ней трещину. "Поединок" А. Куприна не отражал уже полковую действительность...»²⁰⁴

²⁰³ Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С. 17–18.

²⁰⁴ Утевский Б.С. Воспоминания юриста: Из неопубликованного. М., 1989. С. 178.

В предреволюционный период власть, реагируя на участившиеся случаи воинских преступлений, усилила уголовную ответственность за уклонение от службы, установила такую за подстрекательство к совершению подобных деяний, а равно и за подстрекательство к побегу с поля боя (Высочайшие повеления, объявленные военным министром, от 12 января и 13 мая 1916 г.)²⁰⁵ Но ещё раньше возрождается порка провинившихся солдат. В 1915 г император узаконил телесные наказания розгами, отмененные в армии ещё в 1904 г. Восстановление и применение порки, конечно, не было ни средством подавления антивоенной борьбы, ни проявлением издевательского отношения офицера к солдату, как, к примеру, характеризовал этот шаг власти И.И. Минц²⁰⁶. Просто военное начальство стремилось укрепить дисциплину, избегая отдачи провинившихся под суд, иными словами, наказывало солдат «по-отечески». Именно порка, а не официальное судебное разбирательство с последующим тяжким наказанием вписывалось в систему патерналистских отношений, которую продолжала поддерживать в войсках государственная власть.

Вместе с тем, возрождая телесные наказания, власть создавала и противовес внеправовым действиям начальников. Осенью 1915 г Высочайшими повелениями в Воинский и Военно-морской уставы о наказаниях была введена норма, направленная на усиление карательных мер за нанесение ударов и побоев. Уличенные в этих действиях должны были нести наказание, которое, согласно прежнему законодательству, налагалось за рецидив²⁰⁷.

Однако и эти меры часто не приводили к желаемому результату. Рукоприкладство, особенно в тылу, не прекращалось. А солдатские письма как из действующей армии, так и из тыловых частей свидетельствовали об острой реакции нижних чинов на введение порки. «Тот, как розгами отлупят, то он смотришь, говорят, ушел в плен», – сообщает один фронтовик. «Какая несовместимость, – читаем в письме, отправленном из запасного батальона, – непобедимый христолюбивый воин – поротый солдат»²⁰⁸.

²⁰⁵ Военное законодательство Российской империи... С. 211–212.

²⁰⁶ Минц И.И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 362–363.

²⁰⁷ Законодательные акты, вызванные войною 1914–1916 гг. Пг., 1916. Т. III. С. 122, 150.

²⁰⁸ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань, 1932. С. 26, 46.

Вообще же любые проявления недовольства и воинские преступления нижних чинов самым непосредственным образом сказывались на взаимоотношениях двух больших групп армейского социума. Каковы бы ни были источники и причины девиантного поведения представителей солдатской массы (объективные и субъективные, прямые и косвенные), они в любом случае ослабляли, а порой и разрушали ту систему социальных связей, которая издавна считалась основой взаимодействия между нижним и верхним слоями армейской иерархии. В условиях мировой войны ни офицерство, ни власть не смогли предложить способы замены или модернизации отживавшей свой век патерналистской системы взаимоотношений офицерства и солдатских масс. Социальная адаптация офицерства в отношении менявшегося поведения солдатских масс осуществлялась вопреки логике в направлении усиления патерналистских начал. Всё это вело к острому кризису армейской «семьи», последствия которого в полной мере проявятся уже в начальный период революции 1917 г.

Первая мировая война необычайно усилила тягу офицерства к внутривойсковым проблемам. В данной связи общее внимание было устремлено на особу императора и его окружение, на деятельность членов Государственной думы и т. д. Причем подобного рода информация живо обсуждалась как в близких к столице местах расположения воинских частей, так и в отдаленных уголках русско-германского театра военных действий. И здесь и там она обростала слухами и самыми невероятными догадками. Довольно показательным в этом отношении опубликованное в номере еженедельника «Разведчик» от 28 февраля 1917 г. сообщение Д.Н. Логофета с Румынского фронта. «Речи членов Государственной думы, – писал военный корреспондент, – прочитываются от слова до слова, вызывая восклицания сочувствия и одобрения. Маклаков, Милюков, Шингарев, Пуришкевич завоевали себе прочные симпатии не только молодых, но и старых офицеров». Далее тот же автор, подчеркивая заметное пробуждение в годы войны интереса офицеров к «общественным вопросам», констатировал, что они теперь «являются излюбленными темами для разговоров»²⁰⁹

По понятным причинам журналист не указал на то, что темой разговоров зачастую служили действия Николая II, распутинская история, поведение царицы и высших сановников, о чём, впрочем, нам хорошо известно из свидетельств мемуаристов и иных документов. Так, в бума-

²⁰⁹ Логофет Д.Н. Впечатления // Разведчик. 1917 № 1373. С. 139.

гах капитана 2-го ранга Н.В. Саблина сохранилась целая коллекция фотографий и газетных вырезок о Распутине, сатирические стихи, обличавшие правительство и широко ходившие по рукам накануне падения монархии в России. Одно из этих анонимных стихотворений под названием «Символический кабинет» содержало следующие строфы:

О счастья мысль из Думы выкинь,
Так отвечали вместо мер,
А горе мыкать – Горемыкин
Не подходящий ли премьер.

... ..

Грядущий день наш сер и мутен,
Когда распутия нет как нет
Вот почему один Распутин
Весь заключает кабинет²¹⁰

Таким образом, сознание широких слоев офицерства сплошь и рядом отображало фигуру императора не в традиционном ментальном контексте, чуждом миру политики, а критически, в явной связи с неудачной практикой правления и ведения войны, дискредитацией династии со стороны окружения императора, нередко под сильным воздействием антиправительственной риторики либеральной оппозиции. Состояние сознания, при котором «защитный механизм» офицерской ментальности, предохранявший государя от критики, уже не срабатывал, охватило теперь даже представителей тех слоев офицерства, что придерживались крайне консервативных убеждений. Подобная ситуация получила точное отображение в дневниковых записях А.Б. Храповицкой, где воспроизводятся слова её дяди, отставного генерала и последовательного монархиста. Доведенный до отчаяния генерал однажды в сердцах воскликнул: «Я слишком люблю и монархию, и Родину свою, чтоб быть хладнокровным свидетелем полумер и слабостей бедного царя... и если будет революция, я сам стану бороться с этим двором, чтоб им показать, кто такой настоящий царь и двор!»²¹¹

Более того, у некоторой части офицерства возникали мысли не просто о непригодности Николая к выполнению функций самодержца; кое-кто задумывался и о необходимости смены всего общественно-поли-

²¹⁰ РГА ВМФ. Оп. 1. Д. 34. Л. 11об.

²¹¹ Храповицкая А. Воспоминания о революции // Россия молодая. 1992. № 4. С. 11.

тического устройства страны путем переворота или революции. В дневниках будущего военного министра Временного правительства А.И. Верховского, относящихся к декабрю 1915 г., подобные настроения переданы совершенно отчетливо: «Как не хочешь уйти от вопросов внутренней политики, до которых нам, военным, не так-то много дела, но жизнь силой к ним возвращает. Мука и позор, переживаемые в каждом бою, даже и не нас, молодежь, а стариков наших заставляет головой биться о стену, думая, что же делать. Нужно открыто сказать, что офицерство сейчас настроено революционно». В самый канун 1917 г Верховский запишет: «Только смена политической системы может спасти армию от новых несчастий, а Россию от позорного поражения. Армия потеряла терпение»²¹²

Впрочем, решиться на серьезные действия отважились лишь очень немногие из офицеров. В накаленной общественно-политической атмосфере предреволюционной России отнюдь не было недостатка в слухах и разговорах о якобы готовящемся и вот-вот предстоящем выступлении заговорщиков из числа гвардейских офицеров. Многие современники оставили воспоминания о разговорах, которые якобы свидетельствовали в пользу реальности неких действий политиков и офицеров, имевших целью либо нейтрализацию императрицы, которая, как считалось, была главной виновницей бед, обрушившихся на страну и армию, либо устранение от власти дискредитировавшего себя в глазах военной и штатской общественности монарха.

Проблема заговоров предреволюционного времени постоянно привлекала внимание историков, преследовавших самые разные цели. Кто-то, как, например, автор книги «Анатомия измены» В.С. Кобылин, стремился доказать факт предательства высшего военного командования по отношению к последнему императору²¹³. Кто-то, а так поступало большинство советских исследователей, использовал этот материал для демонстрации глубины кризиса самодержавия, что, впрочем, итак было очевидно. А кто-то, внешне бесстрастно излагая и сопоставляя найденные свидетельства, пытался встать на позиции непредубежденного и не ангажированного тем или иным политическим лагерем летописца. Из работ этой последней категории историков наиболее основательной до сих пор остается книга С.П. Мельгунова «На путях к дворцовому пере-

²¹² Верховский А.И. Россия на Голгофе. Пг., 1918. С. 44, 64.

²¹³ Кобылин В. Анатомия измены: Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. СПб., 1998.

вороту»²¹⁴ Впрочем, и она мало проясняет характер и степень реально-го вклада офицеров в подготовку заговора против Николая II. Автор называет несколько имен офицеров, в той или иной степени причастных к осуществлению означенных замыслов, однако в книге не находит отражения психология этих людей, которая отнюдь не была тождественна взглядам, оценкам и поведению штатских политиков, пытавшихся инспирировать заговор.

Пытаясь ответить на вопрос, почему же до начала революции 1917 г. ни один из планов дворцового переворота так и не осуществился, историк цитирует строки из письма, полученного им от одного из самых активных сторонников низложения Николая II – лидера октябристов А.И. Гучкова: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось»²¹⁵. Что касается последнего обстоятель-ства, вполне приемлемое объяснение выдвинул историк Т. Хасегава. «Во-первых, – пишет исследователь, – главной целью военных вождей было доведение войны до победного конца, и они не желали приносить жерт-вы, которые могли бы подорвать военные усилия (страны. – В.К.)... Во-вторых, все военные вожди царской армии были воспитанниками "ста-рой школы", которая с характерным для неё подчеркнутым скептицизм-ом и пренебрежением к внутренней политике, очевидно, способство-вала их отказу от присоединения к заговорам»²¹⁶. К перечисленным фак-торам добавим ещё и сохраняющуюся, хотя и несколько подорванную, силу ментальных установок военного в отношении фигуры монарха.

Если же говорить об особенностях мышления и поведения рус-ского офицерства в целом, то здесь стоит учитывать различные вариан-ты восприятия предреволюционной военной и политической ситуации, складывавшиеся в сознании человека в зависимости от многочислен-ных социальных, культурных и психологических факторов. Сталкиваясь с суровой и неприглядной действительностью, офицер, если он действи-тельно серьезно размышлял над проблемой, мог возлагать ответствен-ность либо на окружение императора, либо на самого царя, не подвер-гая при этом сомнению истинность самодержавно-монархического прин-ципа в целом, либо, наконец, выражать неудовлетворенность всей суще-

²¹⁴ Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед рево-люцией 1917 г.). Париж, 1931.

²¹⁵ Там же. С. 149.

²¹⁶ Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle, L., 1981. P. 192.

ствовавшей политической системой, признавая возможным созыв Учредительного собрания и установление в России конституционной монархии или республиканского строя.

В первом случае его рассуждения не выходили за пределы офицерской ментальности, неприязнь и острая критика обрушивались на членов правительства, а образ монарха оставался незапятнанным. Так, военный летчик, корнет Ю.В. Гильшер, 11 декабря 1916 г. писал родной сестре с фронта: «Стараемся добывать все газеты и журналы, очень интересуемся политикой, и все поголовно офицеры очень недовольны подленькими нашими министрами»²¹⁷.

В воспоминаниях офицеров мы находим немало примеров выражения эмоций и чувств, которые соответствовали традиционным нормам восприятия монарха и которые благополучно пережили предреволюционный кризис и даже саму революцию. Но та угроза, которую, как казалось многим, таило в себе влияние царицы-немки, а ещё больше Распутина, не могла не тревожить даже самых преданных императору офицеров. Гибель Распутина была встречена этими людьми с ликованием, а сами участники убийства «старца», особенно великий князь Дмитрий Павлович и князь Юсупов, представлялись не иначе как национальными героями.

В фокусе разыгравшейся драмы достаточно четко проявились острые противоречия, которые возникали в сознании ещё одной группы офицеров – людей, склонявшихся к мнению, что Николай II должен быть заменен на троне другим представителем династии Романовых. Воспоминания одного из современников, А.Г. Емельянова, запечатлели радостную встречу Дмитрия Павловича в Казвине на Персидском фронте, куда опальный представитель императорской фамилии был сослан служить после убийства Распутина. На банкете, устроенном генералом Баратовым в честь нового подчиненного – великого князя, полторы сотни офицеров не стеснялись выражать свои эмоции. Примечательно, что возгласы и овации некоторых офицеров недвусмысленно говорили о том, что приветствуется человек, посмеявшийся выступить против самого царя: «Каждый кричал потому, что так мог выразить свою радость, протест, негодование. Вдруг стало можно кричать.

Крик – приветствие гостя, революционера, убийцы.

Крик – свобода.

Крик – возмущение позором при Дворе.

²¹⁷ Цит по: Полянский Эд. Юрочка // Известия. 1996. 2 нояб.

Крик – протест против Своеволия и Самодержавия.

Крик – ура, все равно, что Долой...

Овации длились без конца. Уже кричали хриплыми голосами и подходили к Великому Князю. Это была революционная патриотическая манифестация, и в ней приняли участие и седые генералы, и боевая молодежь»²¹⁸.

Если в этом рассказе что-то и преувеличено, всё же не вызывает сомнений наличие общего для многих офицеров неприятия поведения пребывавшего на троне монарха. Очевиден настрой, который тогда нередко именовали революционным, хотя в действительности он сводился лишь к надежде на дворцовый переворот. Согласно мемуарам князя Юсупова, офицеры, посещавшие его и великого князя Дмитрия Павловича вскоре после убийства Распутина, заявляли о возможности вооруженной защиты обоих заговорщиков; кое-кто высказывался и за более решительные действия. «Несколько офицеров, – вспоминал Юсупов, – пришли сказать нам, что их полки готовы нас защитить. Даже предложили Дмитрию возглавить политическое выступление»²¹⁹. Понятно, что для этих офицеров, как и для многих других, остававшихся, однако, «в тени», убийство «старца» означало пролог к смене царствующего монарха при сохранении прежней династии.

Казалось бы, на новом витке российской истории происходит повторение ситуации начала XIX в. Но тогда гвардейское офицерство, которое ещё со времен Петра I привыкло нести бремя важных государственных дел, играло иную роль в политической системе страны. И дворцовый переворот, завершившийся устранением Павла I, не был чреват серьезными нравственными коллизиями, которые, кстати, испытали на себе уже некоторые представители декабристского движения. Хотя защитный механизм офицерской ментальности в отношении монарха и стал давать сбои, в сознании офицера, ориентированного на традиционные нормы военной морали, ещё сохранялась и довольно существенно влияла на его поведение такая норма кодекса офицерской чести, как верность присяге. Напомним, что и выступление декабристов было намечено на момент междуцарствия, когда присяга новому императору ещё не была принесена.

В итоге сознание офицерства, склонного видеть разрешение назревших за годы мировой войны проблем государства и армии в устра-

²¹⁸ Емельянов А.Г. Персидский фронт (1915–1918). Берлин, 1923. С. 149.

²¹⁹ Юсупов Ф. Мемуары. М., 1998. С. 220.

нении с трона Николая II, было пронизано противоречиями. Оттого, вероятно, никаких серьезных шагов в этом направлении вплоть до начала февральских событий 1917 г. они не сделали. Заметим также, что подобное предприятие, помимо серьезного риска, неизбежно предполагало вступление в контакт с оппозиционными самодержавию политическими силами. Но большинство русских офицеров, находившихся в полосе боевых действий, даже несмотря на проснувшийся в годы войны интерес к определенным политическим проблемам, оставалось чуждым политике. Оно не вникало в существо стратегии и тактики российских партий и не желало идти на сотрудничество с ними. Так, командир партизанского отряда, будущий атаман Б.В. Анненков оставил свидетельство, отражающее типичную для того времени картину: «На фронте заниматься политикой было некогда. Тем не менее мы знали, что в тылу царит разруха. Ходили разговоры, что мы не можем победить германцев из-за того, что через правительство идет масса измен, там находится масса продажных министров. Все сознавали необходимость перемен, но какими они должны быть, эти перемены, мало кто понимал... офицерство не разбиралось, что из себя представляла та или иная партия, разговоров по этому поводу между нами не было. Думаю, не ошибусь, если скажу, что не только рядовое офицерство, но и высшие чины армии этим вопросом не интересовались и над ним не задумывались»²²⁰.

Третий вариант осознания и восприятия ситуации офицером накануне падения монархии предполагал отказ от следования традиционному идеалу и стереотипам мышления, заставляя осмысливать положение в чисто политических категориях. Среди офицерства находились люди, придерживавшиеся либеральной ориентации, были и те, кто разделял социалистические ценности. Но, как мы помним, либералы, за некоторым исключением, являлись противниками насильственных действий по отношению к власти в момент, когда России приходилось воевать. Считая, что «во время переправы не перепрягают лошадей», но предчувствуя возможность иного исхода событий, это политическое объединение в Думе, по словам П.Н. Милюкова, стало «готовиться к тому, чтобы ввести в спокойное русло переворот, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху»²²¹. Контакты офицерства и либеральных политиков, участвовавшие за годы мировой войны, осуществлялись преиму-

²²⁰ Цит по: *Заика Л.М., Бобринев В.А.* Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 69.

²²¹ *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 38.

щественно в виде взаимного информирования о проблемах армии и государственной жизни. Деятельность же офицерских кружков либеральной ориентации ограничивалась обсуждениями неких гипотетических возможностей будущих перемен, ни на йоту не приближая их воплощение в действительность. Офицеры в силу названных выше причин оказались неспособными взять на себя инициативу по руководству переворотом или заговором против монарха.

История одного флотского объединения офицеров, так называемого «кружка И.И. Ренгартена» (капитан 2-го ранга, начальник разведывательного отделения штаба командующего Балтийским флотом), наглядно демонстрирует особенности соотношения профессиональных и политических элементов коллективного сознания офицерства в контексте нарастания кризисных явлений государственной жизни вплоть до момента Февральского революционного взрыва. Этот кружок возник в 1912 г.; заседания его посвящались дискуссиям по военно-морским и внешнеполитическим вопросам. В период Первой мировой войны круг обсуждения естественным образом расширился за счет проблем, связанных с ведением Россией боевых действий.

Записки И.И. Ренгартена передают любопытный процесс перехода офицеров от «безобидных» бесед к выработке плана решительных шагов в сфере внутривластной. Причем первое обсуждение подобных мер состоялось ещё до начала февральских событий 1917 г., но предложение предпринять какие-либо конкретные действия тогда было отвергнуто большинством членов кружка. И только в конце февраля, а именно 27-го, когда в Гельсингфорсе, где находился штаб командующего Балтийским флотом, стало известно о переходе революционных выступлений в критическую фазу, у офицеров – участников кружка созрел конкретный план поведения. Ради высшей цели – доведения войны до победного конца – предполагалось снестись с «ответственными» политическими деятелями, известив их о настроениях «некоторых кругов флота», требовать создания правительства, ответственного перед Госсоветом и Думой, смены министров, устранения от власти камарильи и т. д. Одновременно ставилась задача в нужном направлении влиять на командование флота и начальника штаба флота²²²

Таким образом, опасения власти и высшего военного руководства страны по поводу различного рода неформальных офицерских орга-

²²² Февральская революция в Балтийском флоте (Из дневника И.И. Ренгартена) // Красный архив. 1929. Т. 1 (XXXII). С. 119.

низаций, та подозрительность, с какой относились верхи к самодеятельным офицерским объединениям, имели под собой серьезные основания: неполитические организации военной интеллигенции при определенных условиях могли поменять вектор своей социальной активности. С другой стороны, к сколько-нибудь радикальным шагам офицеров подтолкнуло лишь разгоревшееся в Петрограде Февральское восстание. При иных обстоятельствах готовность к сотрудничеству с либеральной общественностью в целях смены власти оказывалась немыслимой для подавляющего большинства офицеров.

Исключением, пожалуй, являлся генерал А.М. Крымов, присоединившийся к заговорщическому кружку буржуазных общественных деятелей. Правда, об этой стороне жизни генерала историкам известно немного. Хотя в сознании Крымова решение о необходимости конкретных шагов на пути к смене фигуры, занимавшей российский престол, созрело гораздо раньше, нежели подобное решение приняли представители высшего генералитета, его политическая позиция, судя по всему, мало отличалась от той, которую заняли командующие фронтами в момент отречения Николая II. Эта позиция, где главным ориентиром служила победа в мировой войне, а не установление более прогрессивного, с точки зрения либеральных оппозиционеров, государственного устройства, принципиально не изменилась и вплоть до его кончины. Очевидец событий, офицер и будущий известный литератор В.Н. Иванов, оценивая деятельность генерала-заговорщика накануне падения монархии и его участие в корниловском «крестовом походе» на Петроград в августе 1917 г., похоже, был близок к истине, когда писал о Крымове: «Безусловно, выдающийся волевой начальник, он и в августе не стремился к захвату власти, а лишь к уничтожению тех сил, которые разваливали армию и мешали восстановлению фронта и порядка. В его понимании, как и в умах огромного большинства офицерского состава и призванной в армию интеллигенции, главную роль играла борьба с врагами отечества "до победного конца", а не политика с её безусловно очень важными, но, как им казалось, несвоевременными вопросами»²²³

В годы мировой войны в рядах русской армии увеличилось число тех, кого власть привычно именовала «неблагонадежным элементом». По преимуществу это были члены социалистических партий и им сочувствовавшие, зачислявшиеся на службу нижними чинами. Последние не

²²³ *Иванов В.Н. Корнилов идет на Петроград (Из «Воспоминаний») // Иванов В.Н. Из неопубликованного. Сборник. Л., 1991. С. 159.*

всегда шли на контакт с офицерством, считая эту социальную группу классово чуждой. Но если всё же связь между ними устанавливалась, это ещё не означало, что офицер, общавшийся с мобилизованными в армию социалистами и симпатизировавший им, мгновенно становился адептом новой веры. Так, окончивший весной 1916 г. Константиновское артиллерийское училище прапорщик, а впоследствии видный советский военачальник И.П. Уборевич в автобиографии по поводу перипетий своего политического выбора писал: «На фронте [в] 1916 году – в 15-м тяж. артдиве – младшим офицером. Обычная фронтовая жизнь, без проблеска политической мысли. К концу 1916 года стал сближаться с несколькими товарищами – членами РСДРП, точно оттенков большевизма, меньшевизма не знал. С 1917 года, с момента Февральской революции... развернулась работа политических партий, и я смог определиться в смысле политическом»²²⁴

Что же касается крайне немногочисленного слоя офицеров-социалистов, пребывавших в армии и на флоте, то результаты их революционной активности и вовсе следует признать ничтожными. Об этом в своё время откровенно поведал председатель существовавшего в 1906–1907 гг. «Офицерского союза» эсер Масловский. В своих воспоминаниях он признавался: «Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев, спящими...»²²⁵

²²⁴ Уборевич Иероним Петрович. Автобиография // Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 81.

²²⁵ Мстиславский С. Пять дней... С. 6.

ОФИЦЕРСТВО И СОЛДАТСКИЕ МАССЫ В ФЕВРАЛЬСКО-МАРТОВСКИЕ ДНИ 1917 Г.

1. Трагедия «Балтийского треугольника»: Петроград, Кронштадт, Гельсингфорс

На рубеже советского и постсоветского периодов отечественной историографии видный исследователь российской революции В.И. Старцев, словно подводя итог многолетнему изучению проблемы движущих сил революционного процесса 1917 г., подчеркивал: «Десятимиллионная армия сыграла важнейшую роль и в свержении царского строя, и во всех политических кризисах, сотрясавших Россию в течение восьми месяцев небывалой свободы, и, наконец, в октябрьских событиях»²²⁶

Для современных историков данное положение практически является общезначимым. Однако сегодня перед исследователями гораздо острее стоит другой вопрос, напрямую вытекающий из предыдущего тезиса. В формулировке В.П. Булдакова применительно ко всему российскому социуму вопрос этот звучит так: «В революции *homo sapiens* проявляет себя как человек бунтующий. Но против кого и во имя чего?»²²⁷ Соответственно, объектом внимания историков, изучающих проблему «армия и революция», теперь всё чаще оказываются мотивы, жизненные стратегии, особенности мышления и поведения Человека с ружьем.

В нашей работе, с учетом указанного контекста, речь пойдет о февральско-мартовских событиях 1917 г в Петрограде, Кронштадте и Гельсингфорсе – тех пунктах, где на момент Февральского революционного взрыва кризис взаимоотношений офицерства и нижних чинов выразился наиболее масштабно и приобрел предельно жесткие формы. Столица и две крупнейшие военно-морские базы России в ходе восста-

²²⁶ Старцев В. Человек с ружьем в Октябре // Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 151.

²²⁷ Булдаков В. Красная смута. М., 2010. С. 15.

ния образовали своего рода треугольник – «Балтийский треугольник», в пределах которого за считанные дни оборвалась жизнь многих десятков русских офицеров.

Как известно, 27 февраля 1917 г. присоединение солдат петроградских запасных полков к горожанам, вышедшим на улицы столицы, началось с актов насилия над офицерами. Нежелание стрелять в демонстрантов для тысяч нижних чинов в этот момент оказалось важнее, нежели мотивации, обусловленные требованиями воинской дисциплины и страхом перед возможным наказанием. Офицеры тогда олицетворяли власть и её намерение подавить выступление масс с помощью оружия. Вынужденные исполнять этот приказ командирь оказалось в тяжелом положении. Те, кто пытался противодействовать стремлению солдат слиться с общим движением, умирали от рук подчиненных; остальные предпочитали скрываться. Небольшие островки сопротивления восстанию таяли с поразительной быстротой. Одновременно гибли и покидали свои посты офицеры, командовавшие до поры верными присяге остатками гарнизона.

Одной из первых жертв среди офицерства стал полковник Экстен – командир Павловского полка. Он погиб в ночь на 27 февраля у казармы после усмирения 4-й роты павловцев, которая накануне открыла стрельбу по полиции, разгонявшей демонстрантов²²⁸. Следующей жертвой стал штабс-капитан И.С. Лашкевич – начальник учебной команды Волынского полка. Её солдаты первыми подняли знамя восстания в Петроградском гарнизоне утром 27 февраля. Далее хаотический вихрь солдатского бунта поглощал офицеров в расположении полков, которые один за другим переходили на сторону революции. Так, по воспоминаниям писателя Б.К. Зайцева, ушел из жизни его племянник Юрий, молодой офицер Измайловского полка: «Когда чернь ворвалась во двор казарм, он *один* загородил дорогу. На предложение сдаться отвечал отказом... И тотчас пал»²²⁹. В сходной ситуации решилась и участь командира преображенцев полковника Богдановича. Он был убит в казармах по ул. Кировной, 37, пытаясь предотвратить захват солдатами оружия и патронов²³⁰.

Смерть настигала офицеров при снятии воинских застав, препятствовавших движению вооруженных колонн солдат и горожан; иногда офицеры гибли от случайных выстрелов из толпы. Подозрительность, час-

²²⁸ Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 274.

²²⁹ Зайцев Б.К. Улица святого Николая: повести и рассказы. М., 1989. С. 336.

²³⁰ Февральская революция и охранное отделение // Былое. 1918. № 1 (29). С. 176.

то смешанная с ненавистью, охватила сознание масс и выплеснулась на всех, даже случайно находившихся в тот момент в Петрограде офицеров. Если офицер, остановленный на улице, не вел себя вызывающе по отношению к толпе, его обезоруживали без рукоприкладства. Если же он пытался отстоять своё достоинство и сопротивлялся – отбирали револьвер и шашку насильно. Кроме того, кое-где солдаты стали срывать с офицеров погоны.

В источниках личного происхождения эти драматические моменты нашли яркое отражение. Приведем одну из подобных картин, запечатленных дневниковыми записями очевидцев событий 27 февраля: «Мы наблюдаем улицу... видно всю Баскову с её казармами, Бассейную и кусочек Литейного. На улице толпы солдат окружают офицеров и отнимают у них шашки. Мы видели, как солдат верхом и с револьвером в руках подъехал к одному офицеру и целился ему в самое лицо»²³¹.

По свидетельству В.Д. Набокова, служившего в Главном штабе, 28 февраля офицерам выходить из городских зданий было небезопасно, и только «утром 2 марта... офицеры могли свободно появляться на улицах»²³². Впрочем, пребывание в помещении не всегда спасало офицеров от насилия. В поисках стрелявших из окон домов контрреволюционеров группы солдат и штатских врываются в городские здания, где обезоруживали, а иногда и арестовывали офицеров. Результатом одной из подобных акций стало убийство полковника князя А.Г. Абашидзе, погибшего при разгроме гостиницы «Астория»²³³. Атташе французского посольства граф Робьен в своем дневнике сообщает, что охота за «фараонами» и оружием в дни восстания стала причиной гибели его близкого друга генерала Штакельберга, отказавшегося уступить требованиям солдат. Генерал был зверски убит на глазах жены. «Солдаты, надругавшись над трупом и забрав всё, что на нем было, затем, – продолжает дипломат, – бросили тело в Неву»²³⁴.

Множество офицеров и генералов в дни переворота попадали под арест. Арест также не давал гарантии сохранения жизни офицеров. 28 февраля уже после заключения под стражу были убиты командир 2-го Балтийского экипажа генерал А.К. Гирс и офицер экипажа полковник

²³¹ Сайн-Витгенштейн Е.Н. Дневник. 1914–1918. Paris, 1986. С. 79.

²³² Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции. Ре-
принт М., 1991. Т. 1. С. 13–14.

²³³ Речь. 1917. 12 марта.

²³⁴ Robien L. The Diary of a diplomat in Russia, 1917–1918. N.Y., 1971. P. 17.

А.Л. Павлов²³⁵. Случалось, что с арестованными расправлялись, не доводя до места заключения. Так 1 марта погибли директор Путиловского завода генерал Дубницкий и его помощник генерал Барделиус. Неподалеку от Балтийского вокзала на конвоируемых наткнулись прибывшие в столицу поездом солдаты, которые тут же устроили самосуд. Тела убитых генералов были сброшены в Обводной канал²³⁶.

Трагедия с насилием над офицерами разыгралась и на крейсере «Аврора», стоявшем на ремонте у причалов Франко-Русского завода. 28 февраля командир крейсера капитан 1-го ранга Никольский был застрелен, а старший помощник П.П. Огранович тяжело ранен. По свидетельству матроса-авроровца А.С. Неволина и согласно материалам допроса Ограновича в Главном военно-морском судном управлении, в момент расправы офицерам пытались вручить красные флаги²³⁷.

Основная масса погибших в Петрограде, в том числе и офицеров, приходится на дни восстания 27 февраля – 1 марта 1917 г. Численность убитых и раненых здесь командиров не поддается точной оценке. Правда, некоторые историки считали её предельно минимальной. Например, С.П. Мельгунов писал, что «убийства офицеров в Петрограде были единичными случаями»²³⁸. В качестве одного из подтверждений означенного тезиса в книге историка фигурируют данные генерала Е.И. Мартынова. Генерал, используя подсчеты статистического отдела Петроградского городского комитета Союза городов, пришел к выводу о том, что в дни февральско-мартовского восстания в столице было убито, ранено и ушиблено 53 офицера²³⁹.

Сходные цифры о пострадавших офицерах были приведены петроградской прессой, в частности газетой «Речь». Согласно этой информации на 17 марта среди жертв революции насчитывалось 60 офицеров (среди них – 11 убитых, 40 раненых, 9 больных)²⁴⁰. Число погибших, раненых и заболевших офицеров в указанных источниках явно занижено.

²³⁵ *Иоффе А.Е.* Морской гарнизон Петрограда в Февральской революции // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Л., 1989. С. 149.

²³⁶ *Ростковский Ф.Я.* Дневник для записывания... 1917-й: революция глазами отставного генерала. М., 2001. С. 86–87

²³⁷ *Неволин А.С.* Авроровцы. М., 1977. С. 39; РГА ВМФ. Ф. 407 Оп. 1. Д. 7935. Л. 29.

²³⁸ *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 76.

²³⁹ *Мартынов Е.И.* Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 148.

²⁴⁰ Речь. 1917 23 марта.

Как подчеркивал И.И. Минц, в сводки регистрационно-справочного бюро Союза городов и объединенного студенчества, созданного для учета количества пострадавших, не попали «расстрелянные восставшими офицеры воинских частей»²⁴¹.

Многих погибших хоронили родственники, и сведения об этих жертвах также не попадали в официальную статистику. О масштабах утрат человеческих жизней красноречиво говорили трудности с похоронами погибших. В записках Ф.Я. Ростковского передан рассказ об обстоятельствах убийства начальника Трубочного завода генерала Матафонова 28 февраля 1917 г. Между прочим, современник сообщает: «Гроба нельзя было достать ни за что. Хоронили через 9–10 дней. За рытье могилы заплачено рабочим 150 руб., а за перевезение тела на простой платформе на паре лошадей без всяких парадов уплочено (так в тексте. – В.К.) 1000 руб.»²⁴².

Беглое перечисление даже не всех известных нам случаев гибели офицеров в Петрограде в совокупности с другими вышеназванными фактами свидетельствует о том, что пали не единицы, как считал Мельгунов. Здесь может идти речь о нескольких десятках жизней, унесенных восстанием. Причем пули настигали и тех немногих офицеров, что примкнули к революции в её первые часы, когда исход борьбы ещё не был ясен. Сведения об этих людях крайне скупы. Так, по правдоподобию предположению историка В.Ю. Черняева, найденный 26 февраля на углу Садовой и Итальянской улиц убитый прапорщик с обнаженной шашкой в руке возглавлял взбунтовавшихся солдат 4-й роты Павловского полка в момент их перестрелки с полицией²⁴³. Генерал А.П. Кутепов, который командовал отрядом правительственных войск 27 февраля, в своих мемуарах упомянул ещё об одном офицере – участнике восстания: «Я ... увидел офицера, идущего по Литейному проспекту и делающего кексгольмцам знаки, чтобы они не стреляли. Заметив на груди у этого офицера большой красный бант, я приказал открыть по нему огонь. Он сначала быстро побежал, но вскоре упал»²⁴⁴. Газета «Народная армия» (ор-

²⁴¹ Минц И.И. История Великого Октября. М., 1977 Т. 1. С. 473.

²⁴² Ростковский Ф.Я. Указ. соч. С. 50.

²⁴³ Черняев В.Ю. Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г. // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Л., 1989. С. 161–162.

²⁴⁴ Кутепов А. Первые дни революции в Петрограде // Генерал Кутепов: сборник статей. Париж, 1934. С. 169.

ган Союза офицеров-республиканцев) сообщала: «28 февраля в 2 часа дня у гостиницы "Астория" пал смертью храбрых поручик Чеченского полка Александр Федорович Орел. А.Ф. Орел был в числе первых офицеров, присоединившихся к восставшему народу, и командовал отрядом революционных войск, занимавших гостиницу "Астория"... В то время, когда он распоряжался установкою пулеметов, две предательских пули сразили героя-поручика»²⁴⁵.

Справедливости ради нужно сказать, что число жертв насилия среди офицерства в Петрограде могло быть намного больше, если бы некоторых командиров по тем или иным причинам не брали под защиту сами солдаты. Один из таких эпизодов ярко запечатлен в воспоминаниях Н.Е. Врангеля: «Как живого, вижу и теперь статного офицера с Георгием в петлице. Он окружен со всех сторон, окружен вплотную, точно в тисках. Он побледнел, но спокоен... Оружие от него отняли. Он неподвижно продолжает стоять на месте. Какой-то рабочий подсказывает и хочет схватить его за погон. Но из толпы отделяется солдат, вне сомнения прибывший с фронта, и со всего размаха ударяет рабочего по лицу. Тот падает. Толпа хохочет и кричит "Ура!". Офицер не торопясь подходит к солдату и что-то ему говорит. Тот стоит застывши, приложив руку к папахе, но лицо его радостно улыбается. Спокойно, твердою походкою, не торопясь, оба воина идут дальше. Толпа почтительно перед ними расступается»²⁴⁶.

В дневниковой записи офицера Гвардейского саперного батальона Г.С. Габаева от 9 марта 1917 г. говорится о приезде на фронт из Петрограда двух его сослуживцев, которые обрисовали картину восстания. Рассказывая о своих переживаниях «в эти ужасные дни», они отметили факт убийства трех офицеров 6-го запасного саперного батальона. В то же время потерь среди командиров Гвардейского саперного батальона не было. «Наши (запасные. – В.К.) отстояли своих», – запишет Габаев со слов очевидцев²⁴⁷. Отстояли «своего» офицера и солдаты Запасного самокатного батальона, когда 28 февраля на Сампсониевском проспекте Петрограда после упорного сопротивления восставшим самокатчики вынуждены были сложить оружие. Жертвами начавшейся следом расправы над офицерами стали убитые толпой командиры батальона пол-

²⁴⁵ Народная армия. 1917. 7 марта.

²⁴⁶ Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 357

²⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 41. Л. 44.

ковник Балакшин, капитаны Карамышев и Кедрин. Другие офицеры подверглись побоям. Как пишет Е.И. Мартынов, «капитана Аристова хотели расстрелять, но благодаря вмешательству солдат-самокатчиков отправили в Таврический дворец»²⁴⁸.

Петроградские эксцессы, конечно, поражают своим размахом, но ещё большим масштабом и жестокостью отличались насильственные действия в отношении офицерства двух главных баз Балтийского флота – Кронштадта и Гельсингфорса. Трагедия на Балтике отнюдь не принадлежит к числу сюжетов, обойденных вниманием историков – страницы трудов отечественных и зарубежных авторов содержат немало соответствующих описаний, оценок и обобщений. Для нас самое важное при обращении к этому материалу состоит в том, что пример Кронштадта и Гельсингфорса не просто продемонстрировал наиболее крайние варианты насильственного поведения нижних чинов, но и наглядно отразил логику развертывания их социальной активности в февральско-мартовские дни 1917 г.

Когда вечером 28 февраля в Кронштадте запылал огонь восстания, ненависть матросов и солдат местного гарнизона обернулась против офицеров. Главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор г Кронштадта адмирал Р.Н. Вирен был растерзан толпой на Якорной площади, следом от рук матросов погибли ещё десятки офицеров. Наряду с офицерством матросы жестоко преследовали и некоторых сверхсрочнослужащих – кондукторов, боцманов. 3 марта «эстафету» подхватил Гельсингфорс, и вакханалия насилия повторилась. Матросы застрелили командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И. Непенина, на кораблях и на суше нещадно истреблялся командный состав. Жуткие акты насилия восставших (офицеров хладнокровно расстреливали, поднимали на штыки, забивали насмерть) с трудом поддавались объяснению современников.

Многие из офицеров Кронштадта и Гельсингфорса хотя и сохранили жизнь, но подверглись избиениям, унижительной процедуре срывания погон. Казематы в расположениях частей и помещения на кораблях наполнились узниками из числа офицеров, часть из которых ожидал «суд скорый», а часть – длительное заключение. В Гельсингфорсе, например, команда линкора «Андрей Первозванный» уже после убийства нескольких офицеров избрала судовой комитет и специальный суд. Последний приговорил пятерых человек к расстрелу. Командиру корабля толь-

²⁴⁸ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 121.

ко путем невероятных усилий удалось предотвратить их гибель²⁴⁹ Как происходило разбирательство с арестованными офицерами Кронштадта в дни восстания, поведал бывший матрос учебного судна «Океан» К.Я. Зябкин. «По архивному делу, – вспоминал очевидец, – ревком (Комитет движения. – В.К.) узнавал, кто что из себя представлял, и на судовых комитетах при общем голосовании выносили приговор: расстрелять такого-то офицера или дать срок тюрьмы. Если расстрелять – спускали с корабля трап, выводили осужденного на землю и с корабля расстреливали»²⁵⁰

Впрочем, большинство офицеров гибли даже без всякой видимости суда и, случалось, просто потому, что они попадались на глаза уже опьяненной кровью толпе. Так, в дневнике супруги офицера Кронштадтского флотского полуэкипажа Семенниковой описана сцена убийства шедшего по улице капитана 1-го ранга Степанова. «Его окружили матросы, человек 10. Он, по-видимому, стал им что-то говорить и поднял руку. Все стояли полукругом, он повернулся и медленно пошел, тогда матросы забежали вперед и выстрелили. После первого раза он остался живым, после второго выстрела упал...»²⁵¹ Матросы и солдаты, осведомляясь у дворников, где проживают офицеры, врываются в квартиры и уводят свои жертвы. Некоторых по дороге убивали. Трупы погибших офицеров, свозившиеся в покойницкие больницы и госпиталей, родственники нередко находили изуродованными и ограбленными... Ужасные подробности описываемых событий кому-то могут показаться неправдоподобным, но уж слишком много существует свидетельств, которые не оставляют сомнений в характере происходившего на Балтике.

Целенаправленного официального учета количества офицеров Кронштадта и Гельсингфорса, павших в первые дни революции от рук нижних чинов, не велось, хотя попытки военных властей приблизительно определить число жертв всё же предпринимались. Например, в телеграмме нового командующего флотом адмирала Максимова, направленной в Ставку 15 марта 1917 г., сообщалось: «Исчисляю убыль в офицерском составе убитыми и подлежащими зачислению в резерв числом сто двадцать человек»²⁵²

²⁴⁹ Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997. С. 275–276.

²⁵⁰ Зябкин К.Я. Штурм // Юность. 1987. № 6. С. 67

²⁵¹ РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 57. Л. 10.

²⁵² РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 281. Л. 175.

Другие источники, так же как и исследовательская литература, отличаются неполнотой и разноречивостью сведений. Приведем здесь лишь некоторые данные. В статье члена Петросовета Ф.А. Юдина «Из впечатлений поездки в Кронштадт», опубликованной меньшевистской «Рабочей газетой» 16 марта 1917 г., говорится о гибели только на этой военно-морской базе примерно 60 флотских офицеров²⁵³. Обнаруженный Е.Ю. Дубровской в фонде Государственного архива Финляндии неполный список убитых в Гельсингфорсе (датирован 8 марта 1917 г.) насчитывает 43 человека, причем в их числе не только флотские и армейские офицеры, но и нижние чины, и даже двое финнов, видимо, погибших случайно. Сама Е.Ю. Дубровская со ссылкой на исследования А.Е. Иоффе считает, что на Балтике в февральско-мартовские дни 1917 г. «Россия лишилась около 80 морских офицеров»²⁵⁴

В.В. Крылов, автор примечаний ко второму изданию книги Ф. Раскольникова «Кронштадт и Питер в 1917 году», называет цифру 120 человек офицеров и военных чиновников, ставших жертвами восстания на Балтийском флоте²⁵⁵. По данным М.А. Беспяткина, всего здесь погибло 95 офицеров. Из них в Кронштадте – 40, в Гельсингфорсе – 45, в Ревеле – 5 и в Петрограде – 4. Кроме того, 11 человек пропали без вести, а ещё 4 закончили жизнь самоубийством²⁵⁶

Впрочем, какой бы ни была точная цифра погибших, и многие современники революции и нынешние историки равно близки в одном: Балтийский флот понес колоссальную утрату, измеряемую не только числом убитых его командиров, но и силой морально-психологической травмы, нанесенной офицерам, глубиной перемен в их взаимоотношениях с подчиненными. Всё это достаточно очевидно. И тем не менее события нескольких революционных дней 1917 г. в истории Кронштадта и Гельсингфорса до сих пор приковывают внимание историка, несмотря на формальное отсутствие недостатка соответствующих объяснений в трудах о революции 1917 г. По всей вероятности, этот исследовательский феномен всё же порожден ощущением, что нам не до конца ясны

²⁵³ Рабочая газета. 1917. 16 марта.

²⁵⁴ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорссский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март–апрель 1917 г.). Петрозаводск, 1992. С. 29–30; Иоффе А.Е. Роковая точка отсчета // Андреевский флаг 1992. № 3. С. 4.

²⁵⁵ См.. Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 274.

²⁵⁶ См.. Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию / Комментарии... С. 456–457

причины и соотношение факторов, обусловивших грандиозный размах и остроту социального взрыва на Балтике.

Как известно, представители советской историографии, занятые преимущественно демонстрацией ведущей роли большевиков в революционном движении, отображением классовых противоречий и классовой борьбы на флоте, рассматривали гибель десятков офицеров в дни Февральского восстания, как закономерную реакцию масс на социальное угнетение, следствием которого было жестокое обращение офицеров с нижними чинами. К примеру, в работе одного из видных специалистов по истории революции на флоте, убеждавшего читателя в существовании «вековой ненависти матросов к офицерам», классовый подход предопределил вывод о том, что жертвы кронштадтского восстания — это «ряд наиболее ненавистных реакционных офицеров»²⁵⁷.

Западные историки в своё время также предприняли попытку разобраться в причинах массового насилия на Балтике. Более или менее подробный анализ версий, объяснявших эти причины, представил Н. Соул. Он отметил, что если бы матросы и солдаты в момент восстания руководствовались только классовым инстинктом, то жертв, например среди офицеров Гельсингфорса, могло быть гораздо больше. А тем, кто считал главным мотивом убийств только месть за некогда проявленную жестокость, автор возражал, указывая на факт гибели офицеров, которые предположительно могли считаться популярными в матросской среде. Версии, содержащиеся в эмигрантских источниках и связывающие феномен Кронштадта и Гельсингфорса с результатами усилий либо германской агентуры, либо большевиков-подпольщиков, либо эсеров, широко практиковавших террор до революции, по представлениям Соула, также не выглядят достаточно убедительными. Вместе с тем, — отмечал историк, — предположение об ответственности социалистов за массовые убийства на Балтике всё же нельзя полностью исключать. В целом же исследователь отказался от развернутого обоснования собственной позиции в этом вопросе, подчеркнув одновременно, что суровый дисциплинарный режим на двух морских базах, региональная специфика, сам факт восстания и мотивы мести лишь частично дают ключ к пониманию существа проблемы²⁵⁸.

Согласно мнению И. Модсли, причина масштабности актов убийства на флоте коренится в российском революционном опыте 1905—

²⁵⁷ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот М., 1971. С. 42.

²⁵⁸ Saul N.E. Sailors in Revolt: The Russian Baltic Fleet in 1917 Lawrence, 1978. P. 76–80.

1907 г., который продемонстрировал недостаточность полумер. Исследователь также не обошел вниманием различия в ситуации, сложившейся в Кронштадте и Гельсингфорсе, с одной стороны, с другой – в Ревеле и других пунктах пребывания морских частей, где число жертв насилия оказалось минимальным или их совсем не было, как на Черноморском флоте. Эти различия Модсли объяснил особенно безжалостной системой дисциплины, господствовавшей на двух крупнейших балтийских морских базах, и длительным отсутствием боевой активности находившихся там судов²⁵⁹ Д. Лонгли, анализируя разницу в поведении матросов Кронштадта и Гельсингфорса, указал на то, что кронштадтские события носили характер спланированного революционного выступления, а события в Гельсингфорсе были попросту бунтом. «В Кронштадте, – отмечал историк, – ненависть к офицерам была сильна, но их убийство не было основной целью восстания; в Гельсингфорсе главная цель (восставших. – В.К.) заключалась в убийстве непопулярных офицеров...»²⁶⁰

Среди современных российских исследователей относительно неординарной точки зрения на проблему придерживается В.П. Булдаков, чья интерпретация основана на учете ситуативных бытовых и культурно-психологических предпосылок насилия. «Определяющее воздействие на поведение матросов, – подчеркивает исследователь, – имел самый факт скученной изолированности людей, привыкших к просторам и сдерживающему давлению знакомого социального окружения»²⁶¹ В этом утверждении много верного, и оно в значительной степени перекликается с оценками современников революции, необязательно относившихся к положению на Балтике. Например, В.Б. Шкловский, встретивший Февраль 1917 г. нижним чином столичного гарнизона, писал: «Может быть, это ребячество, но я уверен, что сидение без отпуска в казармах, где забранные и оторванные от дела люди гноились без всякого дела на нарах, казарменная тоска, темное томление и злоба солдат на то, что за ними охотились по улицам, всё это больше революционизировало петербургский гарнизон, чем постоянные военные неудачи и упорные всеобщие толки об измене»²⁶²

²⁵⁹ Mawdsley E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet: War and Politics, 1917 – April 1918. N. Y., 1978. P. 20–21.

²⁶⁰ Longley D.A. Officers and Men: A study of the development of political attitudes among the sailors of the Baltic Fleet in 1917 // Soviet Studies. 1973. Vol. XXV P. 35–36.

²⁶¹ Булдаков В. Красная смута... С. 58.

²⁶² Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 5.

Сопоставление обстоятельств гибели офицеров в Прибалтийском регионе дает основания утверждать, что петроградские эксцессы были связаны прежде всего с попытками противостоять восстанию, с сопротивлением офицеров при их разоружении. Подобное происходило и в Кронштадте, и в Гельсингфорсе. Однако здесь не менее значимую роль, вероятно, играли иные мотивы, отчего масштаб насилия и жестокость расправ не шли ни в какое сравнение с картиной восстания в столице. Думается, что обращение к последним дням, часам и минутам жизни двух высокопоставленных флотских начальников – адмиралов Вирена и Непенина – позволит в значительной степени прояснить загадку событий конца февраля – начала марта 1917 г. на Балтике.

Начнем с фигуры адмирала Вирена, олицетворявшего для нижних чинов существо непереносимого кронштадтского бытия. Герой Порт-Артура, деливший некогда невзгоды японского плена с простыми матросами, теперь становится в их глазах олицетворением безликой карающей силы, беспощадной к людям, даже слегка отступившим от буквы официальных предписаний. За восемь лет пребывания на посту Главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта Вирен приобрел недобрую славу не только у нижних чинов, но и среди офицеров. Как вспоминал на склоне лет последний морской министр царского правительства И.К. Григорович, «Р.Н. Вирен имел ещё слабость придираться и преследовать за малейшие упущения по службе или форме одежды, почему скоро сделался очень непопулярным»²⁶³ Но ещё до революции в частных разговорах Григорович был более прямолинеен. Так, командиру яхты «Нева» Л.М. Ларионову он без обиняков заявил: «Вирен достукается; его убьют из-за угла или рабочий, или матрос»²⁶⁴

По мнению историка С.А. Зонина, в противовес позиции ряда видных деятелей русского флота (Ливена, Эссена, Григоровича, Эбергарда), видевших залог дисциплины не столько в наказаниях, сколько в серьезной заботе о быте и просвещении нижних чинов, «Р.Н. Вирен был убежден, что лишь самые суровые репрессивные меры могут пресечь разрушительное для империи революционное брожение»²⁶⁵. Но эта была лишь одна сторона медали. Среди матросов Кронштадта гораздо большую ненависть вызывала гипертрофированная придирчивость Вирена.

²⁶³ Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993.

С. 43.

²⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 2. Л. 121.

²⁶⁵ Зонин С. Выбор адмирала Вирена // Нева. 1994. № 11. С. 251–252.

Унизительные проверки наличия казенного клейма на одежде, маниакальные преследования за нечеткость отдания чести и другие мелкие погрешности внешнего вида и поведения превратили адмирала в сознании матросской массы не просто в жестокого начальника: его образ приобрел мифологические черты, воплощавшие вселенское Зло. О Вирене ходили легенды, которые наделяли адмирала едва ли не сверхчеловеческими способностями и изощренным коварством. Отголоском этих представлений позднее стал адмирал Витнер – литературный двойник Вирена, выведенный в одном из произведений А.С. Новикова-Прибоя. Так, Витнер, преследуя убежавшего матроса, мог с проворством юноши перемахнуть через забор, а в его доме была специальная система зеркал, с помощью которой он из своего кабинета зорко наблюдал за тем, что происходит на улице. Завидев проходящего матроса, Витнер нажимал на кнопку звонка, и дежуривший у двери дома фельдфебель или городской приводили жертву на расправу²⁶⁶

До последних дней жизни Вирен верил в незыблемость старой (патерналистской) системы отношений между командирами и нижними чинами, но при этом продолжал делать всё, чтобы подорвать её основы. Сам он оставил поразительный по силе предвидения и точности анализа ситуации документ – письмо от 16 сентября 1916 г., адресованное графу Гейдену. Письмо это впервые было опубликовано 20 июля 1917 г в «Известиях Кронштадского Совета» и с тех пор неоднократно цитировалось и в отечественной, и в зарубежной исторической литературе. Для нас особенно важен эпизод посещения адмиралом крейсера «Диана»: «... на приветствие команда ответила по-казенному, с плохо скрываемой враждебностью, я всматривался в лица матросов, говорил с некоторыми **по-отечески** (выделено мною. – В.К.), или это бред уставших нервов старого морского волка, или я присутствовал на вражеском крейсере – такое впечатление оставил у меня этот кошмарный смор»²⁶⁷ Итак, Вирен, сделавший попытку сгладить первое впечатление от приветствия команды, переходит на привычный для матросов язык общения в рамках соответствующей патерналистской конструкции – говорит по-отечески и ... убеждается, что прежний прием не срабатывает, матросы откровенно игнорируют все усилия адмирала установить контакт

²⁶⁶ Новиков-Прибой А.С. Капитан 1-го ранга // Новиков-Прибой А.С. Собр. соч.. в 5 т. М., 1963. Т. 5. С. 188.

²⁶⁷ Известия Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917 20 июля.

Григорович ошибался, предрекая Вирену убийство из-за угла. Смерть Вирина напоминала действо из времен Средневековья, когда расправа была не только жестокой, но и публичной. Ранним утром 1 марта толпа собралась у дома адмирала. Он вышел, что-то сказал матросам, видимо, отвечая на их требования. Пытался вернуться в дом, но его схватили и потащили на Якорную площадь. Возможно, уже тогда Вирина был смертельно ранен, как пишет об этом Н. Соул²⁶⁸. Однако смерть врага у дверей его дома не соответствовала представлениям масс о масштабах возмездия человеку, одно имя которого вселяло страх, ассоциируясь с дьявольскими силами. Именно на площади, при большом стечении народа свершилась казнь. Ф. Арьес, автор широко известной книги «Человек перед лицом смерти», пишет: «Для людей Средневековья и начала Нового времени отправление правосудия не кончалось со смертью осужденного... Тела казненных старались оставлять лежать под виселицей или же сжигать, а прах развеивать по ветру... Во всех этих случаях средневековый человек отказывал своему врагу или врагу общества в погребении *ad sanctos*, "у святых"»²⁶⁹. Нечто подобное произошло и с останками Вирина. В дневниковой записи Семенниковой от 1 марта 1917 г. кратко передан рассказ посетившей её в тот день знакомой женщины, которая сообщала о том, «что на улице масса солдат, матросов с ружьями, что Вирина убит... и что теперь его жгут на площади перед Морским собором»²⁷⁰. О факте сожжения тела адмирала упоминается и в дневнике французского дипломата Робьена²⁷¹.

Гибель многих других кронштадтских офицеров была мученической именно потому, что их палачами руководила жажда мести. В статье «Кронштадтская республика», публикация которой 4 июня 1917 г. была приурочена редакцией «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» к началу работ следственной комиссии по делу лиц, арестованных в февральско-мартовские дни, приведены не оставляющие сомнений откровенные высказывания самих участников восстания. «Знаете, товарищи, – говорят кронштадтцы. – В первый момент никто в Кронштадте не верил в успех нынешней революции. И солдатская и матросская масса спешила рассчитаться со своими угнетателями. Отсюда и эти расстрелы. Мы все почти единодушно думали: "Потом

²⁶⁸ Saul N.E. Op. cit. P. 69.

²⁶⁹ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 73.

²⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 57 Л. 7–8.

²⁷¹ Robien L. Op. cit. P. 24.

будет, что будет, а теперь..."²⁷² По информации той же газеты основой взаимоотношений офицерства и нижних чинов в крепости, особенно после 1906 г., было противостояние, напоминавшее дикую игру охотника и его жертвы. «Пьяный матрос озорничал, старался всюду сломать, разбить, урвать и удрать. Офицер выглядывал, где бы изловить и наказать возмутителей тишины и спокойствия. И эта вражда превращалась в какой-то спорт, состязание двух сторон»²⁷³. В ночь на 1 марта состязание продолжилось, только охотники и жертвы поменялись ролями.

Было бы ошибкой думать, что каждый солдат и матрос Кронштадта искал и наказывал своего личного обидчика: насилие применялось как инструмент подавления и ликвидации командного состава в целом, а не только отдельных его представителей. Поэтому гибли и те из офицеров, которых нижние чины раньше даже не знали в лицо. Добавим, что и аресты офицеров часто производились незнакомыми им нижними чинами. Мемуары бывшего матроса С.Н. Баранова, хотя и содержат в силу условий времени создания идеологически окрашенные вставки, дают ясное представление о том, как расходились представления о ближайших целях восстания у его организаторов-большевиков и беспартийной матросской массы. Когда под утро 1 марта сотни матросов и солдат Кронштадта разбрелись в поисках офицеров, следуя призывам митинговых ораторов, Баранов оказался в составе одной из групп по поимке офицеров. Тогда, – вспоминал Баранов, – ему и его спутникам «казалось, что об устройстве государственной власти и о других важных делах позаботятся другие люди, партийные, а нам бы только не выпустить из рук свободу и революцию – для этого надо арестовать всех офицеров... и больше ничего»²⁷⁴.

События, произошедшие 3–4 марта в Гельсингфорсе, ставили в тупик тех современников и историков, которые пытались объяснить размах и жестокость расправ над офицерами в Кронштадте присутствием там большого числа штрафованных матросов, списанных с судов за различные прегрешения, либо активным участием подпольщиков-социалистов, организовавших выступление матросов и солдат. Невозможность использования аналогичной схемы во втором случае оказывалась слишком очевидной. Но Гельсингфорсская морская база отличалась от Кронштадта не только в этом отношении: здесь не было столь сурового дис-

²⁷² Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917 4 июня.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Баранов С.Н. Ветер с Балтики. М., 1967 С. 22.

циплинарного режима, да и адмирал Непенин, командующий Балтийским флотом, судя по всему, не принадлежал к числу офицеров, которых матросы за жестокость называли «драконами».

Внимательное рассмотрение того, как развивался своего рода диалог командующего флотом и матросской массы накануне первых вспышек восстания, дает ключ к пониманию проблемы. Предметом этого диалога служили революционные события в столице. Адмирал Непенин не стремился скрывать от подчиненных сведения, поступавших из Петрограда, правда, их интерпретация была достаточно своеобразной, сглаживавшей остроту момента и искажавшей некоторые факты. Так, в приказе командующего флотом от 28 февраля 1917 г. говорилось: «Предписываю объявить командам: [В] последние дни в Петрограде произошла забастовка и беспорядки на почве недостатка пищи и подозрения некоторых лиц в измене, чем могло бы быть нарушено доведение войны до победы. Произошли перемены в составе Совета министров, который принимает меры к прекращению беспорядков и подвозу необходимых продуктов. Объявляю об этом по командам, чтобы они узнали об этом от меня, а не из посторонних рук. Требую полного усиления боевой готовности, ибо возможно, что неприятель, получив преувеличенные сведения о беспорядках, попытается тем или иным путем воспользоваться положением»²⁷⁵

К утру 1 марта Непенин уже определился в своих политических предпочтениях, хотя переход на сторону Временного комитета Государственной думы дался ему нелегко. Теперь адмирал стал руководствоваться поступавшими из Думы сведениями и инструкциями. Непенину был известен, если не дословно, то, по крайней мере, в изложении помощника начальника Морского генерального штаба А.П. Капниста, приказ за подписью председателя Госдумы Родзянко от 28 февраля с требованием к солдатам вернуться в казармы под начало своих командиров и восстановить порядок в частях. В Петрограде, как отмечал историк Е.Д. Черменский, «слухи о том, что офицеры, возвращавшиеся по приказу Родзянки в казармы, отбирают у солдат оружие и заставляют присягать царю, вызвали новую волну самосудов и насилий над офицерами»²⁷⁶ Приказ Родзянко, информация Капниста – «войска постепенно возвра-

²⁷⁵ Февральская революция 1917 года: сборник документов и материалов. М., 1996. С. 214.

²⁷⁶ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 294.

щаются в казармы и порядок водворяется»²⁷⁷ – для Непенина наверняка возымели отрицательные последствия. На какое-то время адмирал уверился, что ему не придется осуществлять перемен в устоявшемся режиме быта и службы подчиненных ему флотских частей. 2 марта адмирал присоединил свой голос к мнению командующих фронтами, просивших императора отречься от престола. Уже в этот день Непенину стало очевидно, что положение на флоте критическое и в любой момент может начаться бунт. Утром 3 марта в штабе командующего был получен акт об отречении Николая II, однако нижним чинам это известие было сообщено лишь вечером.

Именно в дневные часы 3 марта решалось: быть или не быть восстанию в Гельсингфорсе. Командование флота бездействовало. Между тем какая-то информация о революционных событиях в Петрограде и отречении императора уже тогда стала известна матросам. Как вспоминал Г.К. Граф, около 8 часов вечера личному составу миноносца «Новик» был зачитан манифест об отречении. Команда восприняла это известие на удивление спокойно, и у офицера сложилось впечатление, «что она уже была знакома с ним»²⁷⁸. Почти одновременно произошла первая вспышка насилия на дредноуте «Андрей Первозванный». В письме начальника Воздушной дивизии Балтийского моря капитана 1-го ранга Б.П. Дудорова, который делился с адмиралом А.В. Колчаком информацией по свежим следам событий, содержится важный для понимания ситуации пассаж. Там говорится о поведении командира «Андрея Первозванного» адмирала Небольсина: «Он (Небольсин. – В.К.) в своих речах команде многое сокращал и не всё объяснял. К нему явились депутаты от команды с просьбой показать официальные сведения. Он вступил в пререкания, началась перебранка, раздались выстрелы. Говорят, что, кажется, первым выстрелил он. Тут же он был убит, за ним убиты прибежавшие два офицера. Т.о., «Андрей Первозванный» первым начал бунт, и на нем зажгли красный огонь. За ним присоединился штаб-квартира всех брожений "Павел"»²⁷⁹. Далее последовали аресты и убийства на других судах.

После начала матросских выступлений адмирал Непенин приказал собрать на штабном судне «Кречет» депутатов с кораблей. Встреча адмирала и представителей команд состоялась около полуночи. В её ходе произошел телеграфный разговор командующего и одного из де-

²⁷⁷ Февральская революция 1917 года... С. 213.

²⁷⁸ Граф Г.К. На «Новике»... С. 255.

²⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 222–223.

путатов с Керенским, который, между прочим, заявил: «Вице-адмирал Непенин тоже признал нашу власть, поэтому объявлениям и приказам его верьте»²⁸⁰. Каковы же были первые требования нижних чинов, узнавших об окончательной победе революции? В изложении представителя всей делегации они прозвучали так: «Просьба товарищей матросов к Вам и Командующему флотом Балтийского моря была об улучшении своего быта. Товарищи матросы желают, чтобы они чувствовали себя свободно вне службы, чтобы было улучшение пищи, если это возможно. Далее, если это возможно, выдать новое обмундирование... Теперь мы все, депутаты команд матросов, стараемся уладить (так в тексте. – В.К.) и поддержать Вас и просим одного из Ваших представителей приехать к нам в кратчайшем времени»²⁸¹. Итак, большинство предложений нижних чинов носило исключительно бытовой характер. Вместе с тем требование «свободы вне службы» означало некое покушение на нормы дисциплины, военного этикета и таило в себе возможность скорой политизации воинских частей. Наконец, сам факт обсуждения проблем флотского быта почти на равных с представителями нижних чинов удручал Непенина.

Письмо Дудорова Колчаку дает представление о поведении и переживаниях командующего флотом в этот критический момент. Как сообщает Дудоров, «А.И. (Непенин. – В.К.) вышел к ним, сел и повел беседу, спрашивая, чего они хотят. И тут наряду с серьезными вопросами пошли заявления [о] том, что надо выдавать лишнюю пару рабочего (обмундирования. – В.К.), и т. п. вздор. Оттого А.И., видимо, не выдерживал и начинал злиться. Сдерживая себя до последнего момента, он, однако, не мог удержаться горькой улыбки и саркастического тона... Депутаты уехали неудовлетворенные. Понять высоту его помыслов, контраст с которыми в лице их грошевых интересов и вызвал в нем душевную горечь и б[ыть] м[ожет] злобу – они не могли. Они поняли его настроения лишь в смысле презрения к ним, и создалось отчуждение»²⁸².

В ночь на 4 марта на берегу состоялся первый митинг вооруженных матросов, где было принято решение разоружить офицеров. Однако взвинченное настроение делегатов, наперебой рассказывавших о жестокостях тех или иных офицеров, привело к тому, что одним только разоружением матросская масса не ограничилась. Возникшие тогда же

²⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 98. Л. 2.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Там же. Л. 223.

судовые комитеты либо собрания команд приговаривали ненавистных начальников к смерти. Одна из групповых казней была осуществлена путем расстрела осужденных на льду, неподалеку от транспорта «Рига». Разрушительный шквал насилия вскоре перекинулся с вмерзших в лед кораблей на сушу, а убийства офицеров продолжались вплоть до полудня 4 марта.

Итак, в Гельсингфорсе наэлектризованная атмосфера, царившая с момента получения первых известий о начале революции, разрядилась в форме кровавого бунта. Он был вызван представлением матросской массы, будто начальство скрывает правду о событиях в Петрограде. Новый, более мощный импульс выступление приобрело вследствие нежелания командования каким-либо образом (реально и символически) оформить перемены, которые в соответствии с социальными ожиданиями низов должна была внести революция в их жизненный уклад, в сам порядок службы на флоте. Данный контекст заставляет иначе взглянуть даже на, казалось бы, малозначительные и не соответствовавшие масштабу происходивших событий требования команд о выдаче нового рабочего обмундирования. «Получалось такое впечатление, – справедливо указывал в своих воспоминаниях контр-адмирал С.Н. Тимирев, – что начальство подчиняется неизбежному ходу событий, но не сочувствует им»²⁸³ Именно этим обстоятельством была предreshена участь командующего флотом и некоторых офицеров. Мотив возмездия, сведение старых счетов здесь не играли первостепенной роли, как это случилось в Кронштадте.

Применяя насилие к офицерам, матросы и солдаты Гельсингфорса руководствовались не столько стремлением устранить препятствия для начавшейся революции, сколько желанием осуществить то, что по их представлениям должно было символизировать учреждение нового революционного порядка. Иными словами, осуществился иной, нежели в Кронштадте и Петрограде, вариант восстания. Примечателен в этом отношении документ, опубликованный большевистской «Правдой» 4 июня 1917 г. Согласно обычной практике издания, это была анонимная заметка. Её автор отрекомендовался как человек, «хорошо знакомый с подробностями убийства покойного командующего флотом Непенина». В рассказе очевидца представляется важной одна деталь. Описывая события, происходившие около полудня 4 марта на привокзальной площади Гельсингфорса, он сообщал, что из 60 тысяч собравшихся на митинг

²⁸³ Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 72.

матросов и солдат на вопрос оратора о дальнейшей судьбе адмирала Непенина «более 20 000 голосов единодушно крикнули: "Смерть"»²⁸⁴. Конечно, тогда вряд ли можно было на глаз определить точное число собравшихся, но уловить соотношение голосов, поданных «за» или «против», большого труда, думается, не требовало. Таким образом, предание смерти Непенина одобрялось лишь меньшинством матросско-солдатской массы, меньшинством, представители которого и поспешили осуществить своё намерение.

Правда, в мемуарах матроса с крейсера «Диана», будущего коменданта Кремля П.Д. Малькова мы встречаем утверждение о жестокости и бесчеловечном обращении Непенина с матросами, которые будто бы и стали причиной «лютой ненависти» к командующему Балтийским флотом, а в конечном итоге – причиной гибели адмирала²⁸⁵. Однако вряд ли это соответствовало действительности. Очевидно, в подобном случае участь Непенина была бы решена столь же быстро и бескомпромиссно, как и в случае с адмиралом Виреном. Более авторитетным свидетельством представляются воспоминания активного деятеля революционного движения на Балтике матроса-большевика Н.А. Ховрина: «Адмирала Непенина матросы не собирались трогать. Решили просто своей властью сместить... По дороге (адмирала вели не то на привокзальную площадь, не то на гауптвахту. – В.К.) наиболее горячие из конвоиров застрелили его...»²⁸⁶.

В свете изложенного поведение гельсингфорских солдат и матросов не кажется абсолютно бессмысленным либо мотивированным только желанием мести. Кроме того, следует учесть, что, несмотря на весь свой размах, террор против офицерства здесь, как и в Петрограде, не приобрел тотального характера. Источники свидетельствуют, что на некоторых кораблях насилия над офицерами не было, а команды отдельных судов защищали своих командиров от попыток расправы со стороны пришлых матросов. Многие офицеры при арестах почитали за благо заключение в расположении своих частей, на своих кораблях в надежде на человеческое обращение бывших подчиненных. И эти надежды нередко оправдывались.

Вместе с тем сходство и различия в событиях, произошедших в столице, в Кронштадте и Гельсингфорсе, по большому счету позволяют

²⁸⁴ Правда. 1917 4 июня.

²⁸⁵ Мальков П. Записки коменданта Кремля. М., 1967 С. 15–16.

²⁸⁶ Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. М., 1966. С. 70.

предположить, что мы имеем дело с частными закономерностями поведения флотских и армейских низов, соответствовавшими двум следовавшим один за другим этапам начального периода революции. В Кронштадте, как и в столице, произошли восстания, исход которых в момент выступления ещё не был очевиден. Но дело было в том, что нижние чины Петроградского гарнизона ощущали себя частью восставшего народа и, соответственно, их поведение мало чем отличалось от поведения горожан, отнюдь не ставивших целью своего выступления истребление офицерства. В Кронштадте же восстание моряков и солдат в большей степени напоминало военный бунт, когда основной мотивацией выступал протест против невыносимых условий существования и жажда мести. Все это, конечно, не могло не привести к массовому уничтожению командного состава. В Гельсингфорсе восставшие солдаты и матросы уже знали о крушении старой власти, и их поведение в значительной степени было продиктовано стремлением немедленно почувствовать наступление существенных перемен, которые, согласно представлениям масс, должна была нести революция. Первое, что хотели ощутить матросские и армейские низы, – это изменения в быту и режиме службы. Крайне важным являлось также удаление со своих постов ряда начальников. Хотя по вопросу о том, сколько офицеров и кого из них конкретно следовало сместить или судить, единого мнения быть не могло. Самым простым способом решения проблемы оказалось физическое устранение тех, кто реально или потенциально мог воспрепятствовать осуществлению революционных ожиданий нижних чинов.

Кронштадт, Гельсингфорс и Петроград в февральско-мартовские дни 1917 г. наглядно продемонстрировали степень кризиса во взаимоотношениях офицерства и нижних чинов русской армии и флота. Конечно, патерналистские основы этих взаимоотношений, в значительной степени утратившие свою силу, отчасти ещё продолжали сохранять своё значение даже в наиболее беспокойном «Балтийском треугольнике». Однако для восстановления дисциплины, стабильного социального взаимодействия внутри воинских коллективов здесь требовались колоссальные усилия со стороны офицерства.

Между тем та психологическая травма, которая была нанесена командному составу частей столицы и двух морских баз на Балтике, делала абсолютно нереальным выполнение этой задачи в относительно короткие сроки. Даже если офицеры, находившиеся в эпицентре революционного взрыва, не были подвергнуты физическому насилию, многие из них испытали унижение благодаря невиданному ранее обраще-

нию со стороны солдатской массы, в особенности когда у офицера конфисковывалось оружие. Например, нетрудно представить переживания многих сотен, если не тысяч офицеров, обезоруженных солдатами и горожанами в столице и её окрестностях. Только в страшном сне могло привидеться офицерам, что они будут вынуждены получать удостоверения, подтверждавшие их благонадежность и право на ношение оружия, которые выдавались им 2 и 3 марта в Таврическом дворце, а с 4 марта – в Зале армии и флота на Литейном²⁸⁷. Очень скоро штаб Петроградского военного округа будет буквально завален прошениями о выдаче нового оружия взамен отобранного в февральско-мартовские дни. Более того, из объяснений некоторых офицеров явствовало, что они подвергались этой процедуре не один раз.

Так, прапорщик Старов в своём рапорте указывал: «Доношу, что 27 февраля сего года на окраине Литейного моста солдатами была отобрана у меня шашка стоимостью 65 руб. и револьвер системы "Наган" стоимостью в 30 рублей. 1-го марта у меня на квартире на Б. Сампсониевском просп. 63-65 в Старом офицерском флигеле в кв. № 1 была отобрана шашка стоимостью в 25 руб. Прошу о выдаче мне другого оружия или деньгами в сумме 120 руб.» Резолюция за подписью генерала Л.Г. Корнилова гласила: «Выдать шашку и револьвер»²⁸⁸.

Попытки Временного комитета Госдумы взять под контроль ситуацию в гарнизоне, помочь командирам восстановить порядок и дисциплину в частях, как известно, обернулись новыми «атаками» нижних чинов на офицеров 28 февраля и 1 марта. Призывы к офицерам поскорее вернуться в казармы, исходившие от членов Государственной думы, а затем обращение Военной комиссии Думы от 28 февраля за подписью Родзянко возымели обратный эффект. Документ, в частности, гласил: «Промедление явки гг. офицеров к своим частям неизбежно подорвет престиж офицерского звания. Обращаясь к гг. офицерам с настоящим объявлением, Военная комиссия указывает, что в данный момент, перед лицом врага, стоящего у сердца Родины и готового пользоваться её минутной слабостью, настоятельно необходимо проявить все усилия к восстановлению организации воинских частей»²⁸⁹.

²⁸⁷ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917 4 марта.

²⁸⁸ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 1. Т. 10. Д. 3112. Л. 16.

²⁸⁹ Февральская революция 1917 года: сборник документов и материалов. М., 1996. С. 123.

Однако, апеллируя к патриотизму военных, думцы не давали никаких рецептов, позволявших снизить накал страстей и взаимной неприязни верхов и низов армии. В итоге офицеры, которые возвращались в расположения своих полков и пытались наладить соответствующую «организацию», вызывали своими действиями новые всплески солдатского недовольства. Их подчиненные были уверены, что участников движения хотят обезоружить и восстановить в войсках прежние порядки. Результатом стала новая волна антиофицерских акций: происходили столкновения в казармах, массовое (нередко повторное) разоружение и аресты офицеров. Ситуация настолько обострилась, что председатель Военной комиссии Государственной думы полковник Б.А. Энгельгардт вынужден был издать специальный приказ, которым воспрещалось отбирать оружие у солдат, а виновным грозило строгое наказание вплоть до расстрела. Этот революционный казус явился одной из предпосылок принятия 1 марта 1917 г. знаменитого Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, потрясшего до основания всю русскую армию.

Накануне обнародования этого документа офицеров в Петрограде арестовывали сотнями и в казармах, и на дому. Значительную часть арестованных затем под конвоем направляли в Таврический дворец – резиденцию революционной власти. Причем лишение офицеров оружия становилось не только актом, продиктованным революционной необходимостью, как её понимали солдаты и рабочие, но и знаком, указывающим на стремление к уравниванию статуса двух больших социальных групп в армии. Эти действия были призваны «отменить» прежние понятия об офицерской чести, возвышавшие всю корпорацию над простолюдинами в серых шинелях. Как следствие, в сознании офицерства, испытавшего поругание «чести мундира», возникали драматические коллизии. Первая реакция обезоруженных офицеров – негодование или отчаяние, как правило, сменялась желанием объяснить случившееся с тем, чтобы не выглядеть ущербно в своих глазах и в глазах сослуживцев, чтобы хоть как-то восстановить психологическое равновесие, необходимое для выполнения служебного долга.

Вариант преодоления внутреннего кризисного состояния и одновременно вариант оправдательной тактики в диалоге с теми, кто избегал подобной участи, мы встречаем в рапорте штабс-ротмистра 6-го Таурогенского конного полка Брокгаузена, поданном по случаю утраты личного оружия. Как представляется, здесь нашел отражение типичный ход мыслей офицера, оказавшегося жертвой угроз, насилия и арестов в фев-

ральско-мартовские дни 1917 г. Приведем некоторые выдержки из этого любопытного документа:

«Я 28 февраля в 3 часа дня был арестован у себя на квартире и вместе с женой под конвоем доставлен в Госуд[арственную] Думу в следственную комиссию (комната № 42), где член Госуд[арственной] Думы Кирилл Кириллович Черносвитов в присутствии члена Гос[ударственной] Думы Александра Федоровича Керенского снимал с меня показание по поводу моего ареста, причем при этом присутствовал ком[андир] 2-й бригады 8-й кавал[ерийской] Ген[ерал-]Майор Буш, который также был арестован и из гостиницы «Астория» вместе с другими арестованными там же офицерами в числе 300 человек был доставлен под конвоем в Государс[твенную] Думу».

Далее Брокгаузен сообщает о допросе, о содержании в Министерском павильоне Таврического дворца до 11 часов вечера, когда, наконец, офицер был отпущен домой, снабженный удостоверением о свободном входе и выходе из здания Думы. Но 1 марта, к его удивлению, вновь последовал арест и привод в Таврический. Тогда депутат Думы Караулов, освобождая Брокгаузена, вынужден был на ранее выданном удостоверении поставить ещё одну печать и подпись: «Не задерживать. М. Караулов».

Изложение мытарств, связанных с двумя арестами (добавим, что, по словам Брокгаузена, в его доме во время поиска оружия были похищены ценные вещи), не играет, впрочем, роли главного оправдательного аргумента. Самые важные акценты содержит заключительная часть рапорта. Здесь штабс-ротмистр специально подчеркивает: «Действительность того, что оружие у меня было отобрано, может подтвердить тот факт, что в дни 27–28 февраля, [в] первых числах марта в Петрограде **не было ни одного офицера, у которого не было бы отобрано оружие...**» (выделено мною. – В.К.)²⁹⁰

Достоверность последнего утверждения оставим на совести автора документа; гораздо более важным здесь представляется другое. Очевидно, что смысл рапорта отнюдь не сводится к формальной объяснительной записке с хронологически последовательным перечислением фактов. Брокгаузен, затрагивая животрепещущую для пострадавшего офицерства проблему по существу, отсылает нас к историческому контексту событий, контексту, неотделимому от географии происходящего. Он локализует произошедшее с офицерами несчастье границами конкретного места, где сопротивление волне насилия оказывалось совер-

²⁹⁰ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 1. Т. 10. Д. 3112. Л. 857–859.

шенно бессмысленным, как бессмысленно бывает в иных случаях противостояние буйству разрушительной природной стихии. Правда, подавляющая часть русского офицерского корпуса оказалась вне эпицентра социальной катастрофы. Поэтому для более широкого описания первой реакции офицерства на февральско-мартовский коллапс 1917 г. требуется обращение к материалам общероссийского масштаба, к материалам, отображающим события на фронте и в тыловых военных округах России.

2. Солдатская революция «по-московски» и офицерство

Для того чтобы прояснить общую картину и особенности социальных взаимоотношений в войсках на момент Февральского революционного взрыва, необходимо обратиться к анализу поведения нижних чинов по отношению к офицерству в масштабах всей России. Нам известны эксцессы, случившиеся в ряде гарнизонов, результатом которых стала гибель офицеров. Однако там размах насилия был несопоставимо меньше по сравнению с Петроградом, Кронштадтом и Гельсингфорсом. В Ревеле, где располагалась ещё одна база Балтийского флота, с 1 по 3 марта погибли 5 офицеров.

В Луге 1 марта жертвами самосуда разъяренных солдат пали четыре офицера, среди которых оказался и начальник сборного пункта кавалерийских частей генерал Менгден. Он и ещё двое офицеров (полковник Эгерштром (Эгерстрем), граф Клейнмихель), по свидетельству очевидца офицера Н.В. Вороновича, были арестованы солдатами и содержались в одном помещении. Из рассказа Вороновича следует, что все трое, вероятно, остались бы живы, если бы один из них, полковник Эгерштром, не утратил выдержки, отвечая угрозами на злые насмешки находившихся поблизости нижних чинов²⁹¹ По другой версии вначале был убит Менгден, а затем на место его гибели привели Эгерштрома и Клейнмихеля, где их ждала та же участь²⁹² Историк русской гвардии Е.И. Чапкевич в своей книге к списку погибших в Луге офицеров добавляет ещё и гра-

²⁹¹ Воронович Н.В. Записки председателя Совета солдатских депутатов // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 311.

²⁹² Звегинцов В.Н. Кавалергарды в великую и гражданскую войну, 1914–1920 год. Париж, 1966. Ч. 3–4. С. 46.

фа де Брозля-Платтера – помощника генерала Менгдена. Подчеркивая, что погибшие в Луге и пригородах Петрограда офицеры-гвардейцы имели фамилии, которые либо походили на немецкие, либо действительно были таковыми, автор писал: «В этом проявилась типичная ксенофобия, принявшая в стихийном общественном сознании антинемецкую направленность. И хотя многие из убитых были по происхождению шведами, финнами или обрусевшими немцами, для толпы было вполне достаточно наличия нерусской фамилии, чтобы подвергнуть их носителей насилью»²⁹³.

Мы бы поостереглись называть упомянутые эксцессы проявлением «типичной» ксенофобии. Здесь речь может идти скорее о ксенофобии «революционной». Как уже говорилось выше, накануне 1917 г. в армейских низах зрело убеждение о колоссальном влиянии «немецкой партии» при дворе, о пагубном воздействии немцев на политику власти. Таким образом, обрушивая свой гнев на офицеров с немецкими фамилиями, солдаты и матросы воспринимали это не только как акт справедливого возмездия в отношении «изменников», но и как реальный вклад в устранение главных приспешников погибающего на их глазах старого режима.

Помимо эксцессов в «Балтийском треугольнике», помимо упомянутых случаев в Ревеле и Луге, а также на Моонзундской позиции, где в февральско-мартовские дни 1917 г. по некоторым данным были убиты два офицера²⁹⁴, мы не знаем других, произошедших в тот период локальных примеров гибели от рук солдат одновременно нескольких офицеров. Переполненные гарнизоны Москвы, Киева, Казани, Омска и многих других крупных центров сосредоточения запасных полков, несмотря на тяжесть бытовых условий, суровые, а порой жестокие дисциплинарные требования и меры в отношении нижних чинов, продемонстрировали, казалось бы, удивительную выдержку. Московский обыватель будет прав, когда, ознакомившись с материалами печати о первых днях революции в провинции, запишет: «Добрые вести из Тулы, Киева, Екатеринослава, Одессы, Курска, Владимира, Вятки, Рыбинска, Ташкента, Смоленска, Саратова, Ярославля, Самары, Костромы, Омска и Новочеркаска. **Везде свершилось "по-московски"** (выделено мною. – В.К.), разве только с маленьким провокаторством да с арестами губернаторов

²⁹³ Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Первой мировой войне. Орел, 2003. С. 169.

²⁹⁴ Февральская революция 1917 года... С. 319.

и полицейских»²⁹⁵. Так же «по-московски» дело обошлось и на фронтах, и на Черном море, где флот когда-то являлся очагом антиправительственной смуты и сильных антиофицерских настроений.

Конечно, и в отдаленной провинции происходили покушения на жизнь офицеров, рукоприкладство и травля начальников, доводившая некоторых из них до самоубийства. Так, в Пензе погиб начальник 30-й пехотной запасной бригады генерал Бем. В Кременчуге уже тяжело раненого коменданта города полковника Смирнова толпа вытащила из госпиталя и таскала по улицам, издеваясь над ним. На Черноморском флоте обвиненный матросами в предательстве покончил жизнь самоубийством офицер линкора «Императрица Екатерина II» мичман Фок.

Относительно причин некоторых из подобных эксцессов сегодня можно только строить предположения. Например, 4 марта в Пскове уже после торжественного молебна в честь утверждения в России новых государственных начал и соответствующей речи главнокомандующего армиями Северного фронта генерала Рузского неизвестные лица застрелили полковника Самсонова. Как вспоминал генерал М.Д. Бонч-Бруевич, полковник, заведывая так называемым «распределительным пунктом», грубо попирал достоинство фронтовых солдат, временно оказывавшихся под его началом на пути в действующую армию из госпиталей и отпусков²⁹⁶. Однако версия мести противоречит сведениям местной печати. Газета «Псковская жизнь» сообщала, что 5 марта в Комитете общественной безопасности солдат В. Ольшевский заявил, что нижние чины любили Самсонова, который для них был «не только начальником, но и отцом родным»²⁹⁷.

При каких бы обстоятельствах ни происходили все эти эксцессы, факты говорят о том, что по мере удаления от столицы (что означало одновременно не только задержку в получении информации о событиях в Петрограде, но влияло и на содержание этой информации) размах насилия над офицерством сокращался и столкновения нижних чинов с командирами приобретали меньшую остроту. Так, нам не известны случаи гибели офицеров колоссального по своей территории Омского военного округа в мартовские дни 1917 г. Однако возможность массовых солдатских выступлений с тяжелыми последствиями для офицерства и здесь была вполне реальна. Например, в двух наиболее многочислен-

²⁹⁵ Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924. М., 1997. Кн. 1. С. 21.

²⁹⁶ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1958. С. 127

²⁹⁷ Псковская жизнь. 1917. 7 марта.

ных гарнизонах округа – Омском и Томском, насчитывавших не менее 70 тыс. человек каждый, аресты высших начальников были произведены, несмотря на то, что последние признали новую власть и вовсе не собирались оказывать ей какое-либо сопротивление. После взятия под стражу ранним утром 4 марта генерал-губернатора Степного края и одновременно командующего Омским военным округом генерала от кавалерии Н.А. Сухомлинова, ещё двух генералов и нескольких высших чиновников царской администрации на имя министра внутренних дел князя Львова Омский коалиционный комитет (аналог КОБа) направил телеграмму. В ней объяснялись причины указанных арестов: «Создавалась обстановка зловещая, в населении [и] войске шли спутанные слухи и толки [о] необходимости арестовать Сухомлинова, назывались другие фамилии. На митингах росла тревога, крепла почва [для] развития эксцессов, беспорядка, кровопролитных столкновений. Только своевременно организованные аресты могли спасти положение»²⁹⁸. Как сообщалось в томской прессе, начальник местного гарнизона полковник Бирон был арестован с санкции местного Временного комитета общественного порядка и безопасности во избежание самосуда²⁹⁹.

Подобные «меры предосторожности» предпринимались практически во всех концах России, невзирая на публичные проявления лояльности новому режиму тех лиц, которым вскоре предстояло оказаться в заключении. Причем объектом означенных акций могла стать довольно значительная группа офицеров. Так, 7 марта в адрес военного министра была направлена телеграмма из Брянска. Уездный предводитель дворянства Тенишев сообщал: «Сегодня [по] внезапному требованию войск арестован начальник гарнизона генерал Сивицкий и почти весь штаб бригады. Объяснить причину затрудняюсь. Генерал Сивицкий громкогласно перед войсками признал новое правительство. Первые дни проходили благополучно. Желателен Ваш приказ немедленно освободить всех»³⁰⁰. На следующий день Тенишев отправил ещё одну телеграмму по поводу взятия под стражу офицеров 23-й пехотной запасной бригады, среди которых, добавим, оказались и командиры трех из четырех входивших в бригаду полков³⁰¹. Уточняя обстоятельства инциден-

²⁹⁸ ГИАОО. Ф. 661. Оп. 1. Д. 44. Л. 12.

²⁹⁹ Путь народа (Томск). 1917. 23 авг.

³⁰⁰ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

³⁰¹ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982. С. 215.

та, автор послания подчеркнул, что «арест произведен [в] интересах ограждения личной безопасности указанных лиц [от] эксцессов [со стороны] стихийно настроенных войск»³⁰².

18 марта «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» сообщали об аресте начальника гарнизона Симферополя генерала Радовского. Примечательно, что сделано это было по распоряжению находившегося в городе члена Государственной думы И.Н. Тулякова. Арест генерала, как и во многих других случаях, объяснялся стремлением не допустить эксцессов³⁰³.

В действующей армии под влиянием информации из тыла также складывалась напряженная обстановка. Пройдут одна-две недели после переворота, и в адрес Военного министерства посыплются тревожные телеграммы с фронтов, сообщающие о солдатских волнениях и арестах начальников. Например, с Юго-Западного фронта доносили об аресте командира 682-го пехотного полка полковника Катхе, произведенном солдатами 6 марта; о требовании нижних чинов к полковнику Новицкому передать командование 684-м пехотным полком и оставить полк во избежание насильственных действий; об аресте в ночь на 11 марта командира 31 Сибирского полка и ещё девятнадцати офицеров, обвиненных в несочувствии новому порядку³⁰⁴.

Итак, известия о падении прежней власти порождали у нижних чинов желание привести ситуацию на местах в соответствие с представлениями о необходимых переменах и свободах, которые несет революция. Задержки с осуществлением этих социальных ожиданий были чреваты кровопролитием. Всё зависело от того, как скоро новые властные структуры (в тылу это чаще всего КОБы, на фронте – генералитет, пользовавшийся популярностью в войсках) сумеют хотя бы символически воспроизвести акт переворота, который непременно должен был сопровождаться арестами представителей царской администрации, ряда армейских и флотских начальников, а также выдвижением новых лиц на командные должности. Солдатам пока ещё не было ясно, какие перемены должна принести революция во всероссийском масштабе, но было понятно, **что** в первую очередь должно произойти здесь и сейчас, в отдельно взятом гарнизоне, полку, роте и т. п. Это везде подразуме-

³⁰² РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

³⁰³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917 18 марта.

³⁰⁴ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 3. Л. 129–130.

вало смену командиров либо, как минимум, изменения в поведении начальства. Это означало конкретные шаги в сторону улучшения быта и режима службы.

В определенном смысле то, что происходило в первые мартовские дни за многие сотни верст от столицы, и то, что случилось в Гельсингфорсе, соответствовало единому этапу революционного процесса, охватившего войско, и, по существу, имело одинаковую мотивационную и поведенческую природу. Масштаб и жесточенность насилия над офицерами, отличавшие ситуацию на Балтике, объяснялись ещё и мгновенной актуализацией того содержания социальной памяти матросов, которое несло ретроспективную информацию о роли офицеров в предотвращении либо ликвидации попыток восстания на флоте. Здесь убеждение, согласно которому убийство и аресты офицеров являются единственным средством достижения поставленных целей, превратилось в автоматизм коллективного сознания. Таким образом, у нижних чинов Гельсингфорса в момент выступления действовала простая логика, согласно которой любой офицер представлял опасность как человек, способный организовать сопротивление и помешать успеху локальной матросско-солдатской революции. Оттого здесь сплошь и рядом насилию подвергались не только наиболее ненавистные офицеры, но и те, с кем нижние чины сталкивались впервые.

Правда, в февральско-мартовскую страду 1917 г. в России почти везде проявлялась сходная логика поведения армейских и флотских низов. Но по причине их меньшей сплоченности, меньшей остроты противоречий внутри воинских коллективов, по причине слабой актуализации социального опыта 1905–1907 гг., а также в силу более гибкой и адекватной моменту реакции командного состава и новых властей в провинции и на фронте социальная активность нижних чинов отличалась иным размахом, нежели на Балтике. Иными были и последствия локальных мини-переворотов для офицерства.

Довольно показателен в этом отношении пример Черноморского флота, которым командовал адмирал А.В. Колчак. Весть о восстании в Петрограде он получил 28 февраля, находясь в Батуме. Первой реакцией Колчака на события был приказ прекратить распространение любой информации, поступавшей в Крым из центра. Адмирал обоснованно опасался возникновения серьезных эксцессов. Вечером 1 марта по прибытии в Севастополь Колчак ознакомился с телеграммой председателя Государственной думы М.В. Родзянко, сообщавшего о падении прежнего правительства и переходе власти к Временному комитету Государственной

думы. Получив дополнительные известия об обстановке в Петрограде, адмирал распорядился восстановить связь со столицей; начальникам же морских и пехотных частей он предписывал передавать личному составу только сведения, проходившие предварительно через штаб командующего. Сам Колчак 2 марта 1917 г. наряду с отправкой значительной части флота в море на учебные стрельбы (с целью предупредить возможные волнения среди моряков) Приказом № 771 впервые официально обнародовал сведения о произошедших революционных событиях.

Адмирал довольно уклончиво охарактеризовал положение в Петрограде, а основной упор сделал на требовании усилить бдительность и боеготовность флота в преддверии возможного натиска противника. Текст документа содержал и такую фразу: «Приказываю всем чинам Черноморского флота и вверенных мне сухопутных войск продолжать твердо и непоколебимо выполнять свой долг перед Государем Императором и Родиной»³⁰⁵. Колчак не мог представить, что в тот же день Николай II подпишет манифест об отречении. Позже в момент передачи текстов отречения императора и его брата Михаила произошел сбой телеграфной связи, и второй документ, в котором Михаил отказывался от престола в пользу свободного волеизъявления народа, не был получен штабом командующего своевременно. Началось приведение войск к присяге Михаилу Александровичу, которое пришлось прекратить, когда, наконец, связь была налажена.

Оставляя пока в стороне вопрос о том, что переживал и как оценивал последствия переворота Колчак, отметим лишь несомненный факт: адмиралу пришлось смириться с объективным ходом событий и настроениями общества после Февраля. Главной целью, которую он теперь видел перед собой, было сохранение дисциплины во флоте и в сухопутных частях, находившихся в его подчинении. В этом отношении особую опасность таило возможность возникновения острой вражды между офицерами и матросами, а также попытки удаления командиров с постов под предлогом сочувствия тех или иных офицеров старому режиму.

Уже 3 марта произошел всплеск антиофицерских настроений, окрашенный тонами «революционной» германофобии. Матросы линкора «Императрица Екатерина II» потребовали убрать с судна офицеров с немецкими фамилиями, обвиняя их в пособничестве противнику. Прибыв на линкор, Колчак в резкой форме выступил перед построенной командой и решительно пресек распространение вздорных обвинений.

³⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 68.

Затем адмирал установил контакты с представителями команд, высказавшись в поддержку новой власти.

К этому моменту относится свидетельство офицера П.З. Крачковского, который обратил внимание на своевременность обнародования Колчаком собственной позиции по поводу краха прежнего режима. Крачковский отметил, что Колчак не стал дожидаться особых распоряжений из центра; адмирал «приказал выстроить на Нахимовской площади весь гарнизон крепости и, пройдя по фронту, объявил всем присутствующим о происшедших событиях в самом Петрограде и поздравил войска и флот с началом Революции»³⁰⁶. Одновременно Колчак не устал напоминать о необходимости сосредоточить все усилия на поддержании боевой мощи флота.

И в последующие дни решительность адмирала неуклонно укрепляла доверие масс к командующему. Так, 6 марта в Севастополе прошел парад моряков и сухопутных войск в честь победы революции. 7 марта Колчак организовал собрание офицеров с целью выработать общее отношение к событиям и к только что созданному матросами, солдатами и рабочими порта Центральному военно-исполнительному комитету Черноморского флота (ЦВИК). Здесь было принято решение о направлении офицерских делегатов в эту организацию. В момент обсуждения перед зданием Морского собрания показалась толпа солдат и матросов, обеспокоенная фактом совещания командного состава. Однако, когда с балкона здания перед манифестантами с приветственными речами выступили офицеры, подозрительность сменилась всеобщим ликованием. Смысл выступлений офицеров и нижних чинов на этом импровизированном митинге сводился к следующему: «Мы пришли к единому решению, отныне офицеры, матросы, солдаты – единая семья, призванная защищать Свободную Великую Россию. По призыву Временного правительства мы дружно пойдем рука об руку к грядущим событиям, к грядущей победе»³⁰⁷.

Итак, события на Черноморском флоте, который в годы первой русской революции напоминал взорвавшийся пороховой погреб, в февральско-мартовские дни 1917 г. приняли совершенно иной оборот. Если пример Кронштадта и Гельсингфорса демонстрировал буйство разбуженного революцией чувства отмщения и желания уничтожить все, пусть

³⁰⁶ Крачковский П.З. История российской революции (записки офицера-журналиста). 1914–1920. Кн. 1. Гродно, 1921. С. 22.

³⁰⁷ Платонов А.П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925. С. 39.

даже иллюзорные, преграды на пути к становлению нового порядка, то моряки-черноморцы, во многом благодаря усилиям командующего флотом Колчака, не повторившего ошибок адмирала Непенина, обратили энергию революционного порыва в более спокойное русло.

Действительно, обращаясь к первым дням революции 1917 г., историк фиксирует довольно широкий спектр поведенческих актов нижних чинов в отношении офицерства – от необузданного насилия, до сохранения прежних устоев дисциплины и чинопочитания. Даже 27 февраля в Петрограде, объятom восстанием солдатских масс, далеко не все нижние чины стремились присоединиться к общему движению, ощущая серьезные препоны морально-психологического свойства, в том числе страх за последующее наказание. Так, по воспоминаниям С.М. Масловского (Мстиславского), в момент восстания часть солдат Волянского, Литовского и Преображенского полков пытались скрыться в здании Академии Генерального штаба. «Статочное ли дело: господ офицеров, слова не говоря – до смерти... – поясняли они. За это ведь отвечать надо»³⁰⁸.

Первые дни, а то и недели «медового месяца» революции в некоторых тыловых и фронтовых частях нередко почти не меняли устоев военного быта и форм социального взаимодействия офицерства и нижних чинов. В одном из основательно забытых сатирических произведений Аркадия Гайдара, где речь идет о жизни заштатного тылового гарнизона, мы встречаем удивительно меткое описание подобной ситуации: «Революция пришла в Кошкoперск по телеграфному проводу, и потому особенного значения сначала ей не придали»... Только «солдаты начали перешептываться и делиться догадками». Спустя несколько дней герой Гайдара – генеральский денщик Бабулин от своего земляка пожарного Цуркова узнает о революционном «пожаре» в России. Он узнает о том, «что по всем концам солдаты во многих местах бьют офицеров, а не наоборот». Вернувшись после этого разговора к своему генералу, денщик Бабулин, однако, сталкивается с прежней реальностью. Взбучка, полученная за остывший обед, убеждает его, «что в Кошкoперске до сих пор бьют ещё наоборот...»³⁰⁹

В первые мартовские дни кое-где офицеры даже позволяли себе в присутствии подчиненных осмеивать революционную символику и демонстративно игнорировать меняющуюся политическую реальность.

³⁰⁸ Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. М., 1922. С. 5.

³⁰⁹ Неизвестный Гайдар. Публикация А. Никитана / Гайдар А. Денщик генерала Дергач-Оглоперова // Родина. 1990. № 1. С. 90.

Так, в письме А.Ф. Керенскому солдаты 37-го обозного батальона (Особая армия) жаловались на командира 181-го транспорта капитана Комашко, который не только не разъяснял нижним чинам существа произошедших событий, но скрывал и задерживал информацию о деятельности Временного правительства. Кроме того, 11 марта, заметив у рядового Федора Громова красную ленту, он сорвал и растоптал её. «Какая сволочь позволила это вам носить», – воскликнул офицер и отдал приказание находившимся рядом солдатам убрать с формы красные ленты³¹⁰

Так называемый процесс «демократизации» развивался в войсках с разной скоростью. Иногда его темп был медленным, почти незаметным. Причем подобное положение могло возникать не только на фронте или в тыловой глубинке, но и в крупных городах центра страны. Так, после резкой активизации солдатских масс в Москве в самом начале марта 1917 г., сопровождавшейся сменой командования округом, созданием военных общественных структур, местами наступало затишье, откат к прежним формам взаимоотношений между нижними чинами и начальством. Бывший фейерверкер, а впоследствии генерал-полковник А.И. Шибунин, описывая повседневную жизнь одной из частей московского гарнизона в первые недели после переворота, вспоминал: «Солдатская масса в Москве была ещё недостаточно активна. У нас, например, в 1-й запасной артиллерийской бригаде многие долго не могли привыкнуть к новым порядкам, тянулись перед офицерами, забывшись, называли их «ваше благородие». Люди боялись, что в какой-то день всё опять переменится, вернется к старому, и тогда офицеры отомстят с лихвой: будет и карцер, и ранец с песком, и ещё что-нибудь похуже»³¹¹.

Всё это, на наш взгляд, объяснялось временным отсутствием у солдатских масс видения какой-либо новой модели взаимоотношений с офицерством. Модели, которая уже не могла строиться на подсознательно укоренившихся в течение длительного периода службы образцах мышления и поведения. Такая модель теперь должна была представлять доступный пониманию нижних чинов и приемлемый для них набор образцов мышления и поведения, соответствовавший «быстрому времени» революции. Иными словами, новая модель указанных взаимоотношений могла апеллировать прежде всего к рефлексии и, соответственно, покоиться на идеологическом фундаменте. Как показали дальнейшие события, сохранявшаяся на первых порах инертность солдатской массы очень

³¹⁰ РГВИА. Ф. 366. Оп.1. Д.36. Л. 18.

³¹¹ Шибунин А.И. Сколько нами пройдено. М., 1971. С. 8.

скоро стала сменяться своей противоположностью благодаря внедрению в сознание армейских низов установок социалистической идеологии.

Рассматривая социальное взаимодействие офицерства и нижних чинов в контексте февральско-мартовских событий 1917 г., мы обнаруживаем, казалось бы, довольно противоречивую и мозаичную картину взаимоотношений этих социальных групп. И здесь становится очевидным, что её истолкование с помощью предельно общих концептов («революция», «смута»), а в равной мере и путем применения частных объяснительных конструкций, пригодных лишь для анализа локальных явлений, – не дает сколько-нибудь ясного решения проблемы. Думается, более или менее продуктивный вариант исследования могут обеспечить соответствующие концептуальные построения «среднего уровня». В данном случае речь идет о необходимости вернуться к анализу процесса смены парадигм социального взаимодействия двух больших групп армейского социума накануне 1917 г., который был развернут в предыдущих главах.

Как уже отмечалось, традиционную систему патерналистских отношений в русской армии и на флоте в этот период охватил глубокий кризис. Его следствием стал разрыв социальных связей и соответствующее разрушение традиционных поведенческих норм, существовавших в рамках патерналистской системы. Процесс этот набирал силу ещё до революции 1917 г. и во всей полноте наглядно проявился в момент Февральского революционного взрыва. Ускорение относительно постепенного распада патерналистских основ взаимоотношений офицерства и солдатских масс произошло за годы мировой войны. В это время в войсках, употребляя удачное определение Б.Н. Миронова, которое историк использовал применительно к низам городским и деревенским, продолжала интенсивно осуществляться «моральная амортизация традиционного менталитета»³¹² Хотя, конечно, далеко не везде эти процессы распространялись с одинаковой силой.

Тем не менее пример Петрограда, Кронштадта, Гельсингфорса, а также других пунктов расквартирования больших и малых гарнизонов, где не имело места, но вполне могло произойти массовое насилие над офицерством, продемонстрировал крайние формы разрыва социальных связей между офицерами и нижними чинами. Важно подчеркнуть, что, несмотря на незавершенность указанных процессов, они отнюдь не носили локального характера. Распад патерналистской системы отноше-

³¹² *Миронов Б.М. Указ. соч. С. 336.*

ний, которая некогда составляла основу социального взаимодействия в армии и на флоте, уже к началу 1917 г. набрал свою критическую массу во всероссийском масштабе. И если где-то на первых порах этот разрушительный процесс в развитии взаимоотношений двух социальных групп военных внешне себя почти не обнаруживал, то со временем, как показали дальнейшие события, он обещал заявить о себе в полную силу.

Какова же была ответная реакция большей части русского офицерства, которое практически неожиданно оказалось в положении обороняющейся стороны? Восприятие тех, кто самым непосредственным образом подвергся насилию, угрозам, оскорблениям и в полной мере испытал на себе последствия обвального падения дисциплины среди нижних чинов, представить несложно. Это горечь от унижения достоинства и попраiania офицерской чести, ощущение собственного бессилия перед лицом разбушевавшейся солдатской и матросской вольницы, это боль за погибших товарищей, боль за армию и вместе с тем недоумение и непонимание сущности происходящего. Это настоящее состояние шока, иногда приводившее людей на грань безумия, сильнейшее чувство обиды, которое только усиливалось, если офицер не мог найти объяснение происходившим событиям.

Несмотря на то, что российская пресса первоначально очень скупо освещала события в Кронштадте и Гельсингфорсе, они не прошли незамеченными для тех, кто находился за сотни и тысячи верст от Балтийского побережья. Некоторые офицеры получали соответствующую информацию из частных писем, из разговоров с окружающими людьми, где правда часто уживалась с домыслами и слухами. Слухи же акцентировали внимание на самых жутких подробностях случившегося; молва многократно преувеличивала масштаб трагедии и количество жертв.

Так, в уже упомянутом выше письме начальника Воздушной дивизии Балтийского моря капитана 1-го ранга Б.П. Дудорова, которое, кстати, адмирал Колчак давал для ознакомления другим офицерам, читаем: «На площади перед (Морским. – В.К.) собором, говорят, стояли ящики, в которые сваливались тела, и рассказывают, что, когда один ящик оказался неполон, кто-то крикнул: "Здесь ещё для двоих место есть, ловите кого-нибудь". Поймали какого-то проходившего прапорщика и, тут же убив, бросили в ящик»³¹³ Тот же Дудоров сообщал, что убитого адмирала Непенина «выбросили из гроба, оборвали георгиевский крест, ограбили, приставили к стене и вставили в рот трубку...»³¹⁴

³¹³ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 225.

³¹⁴ Там же. Л. 224.

В непосредственной связи с теми же событиями 28 марта 1917 г после беседы с приехавшими на фронт депутатами Государственной думы в дневнике командира 4-й Финляндской стрелковой дивизии генерала В.Н. Селивачева появилась запись: «Особенный ужас творится во флоте и главн[ым] образом в Кронштадте: там власть в руках матросов, которые перебили **до 1000 офицеров** (выделено мною. – В.К.)...»³¹⁵

С началом революции в сознании нижних чинов на какой-то момент образовался зазор между утратившими прежнюю роль традиционными образцами поведения и идеологизированными моделями социальной активности, которые очень скоро утвердятся под влиянием лидеров Советов, войсковых комитетов и прочих общественных организаций, возглавлявшихся социалистами. Продолжительность этого временного промежутка, понятно, не везде в России была одинаковой, и процесс внедрения соответствующих установок, конечно, во многом являлся индивидуальным. Однако всё же можно говорить о некоем переходном периоде с присущими ему общими чертами, которые самым непосредственным образом сказывались на взаимоотношениях солдатских масс с офицерством.

Следом за отречением монарха наступает время, которое ставит перед солдатом множество трудных вопросов. Тогда сознание и поведение нижних чинов при всей воинственности и даже агрессивности, как ни странно, было охвачено также и определенной растерянностью, вызванной отсутствием всеобъемлющего представления о границах свобод, которые несла революция, что в свою очередь непосредственно касалось и нового устройства армейского быта, и новых норм поведения, которые соответствовали бы масштабу свершившегося переворота.

Солдат тревожили опасения за необратимость наступающих перемен, а в конечном счете – за собственные судьбы. Несмотря на явные устремления к активному действию, на твердое намерение выразить собственное видение того, что происходит в стране и в армии, сознание «серого героя» мечется в поиске, цепляясь то за одну, то за другую проблему, которая сегодня может представляться главной, а завтра её уже заслоняют иные злобы дня. Налицо оказывается готовность воспринять новую, сколько-нибудь устойчивую систему ценностей. Пока же этого не произошло, настроения и поведение солдатской массы крайне изменчивы: видимая инертность мгновенно оборачивается неукротимой решительностью и, наоборот, безудержная энергия, ищущая своего при-

³¹⁵ Из дневника ген. В.Н. Селивачева // Красный архив. 1925. Т 2(9). С. 129.

менения, нередко плавно перетекает в просительные тона солдатских писем, направляемых во власть.

Всё это вызывало к жизни процессы, именовавшиеся одними – «разложением армии», другими – «углублением революции» в войсках. Означенные процессы достаточно хорошо описаны в исторической литературе, и мы лишь проиллюстрируем их выдержками из солдатских писем, направленных в Петроградский Совет в первые дни марта 1917 г., намеренно не касаясь политических требований и лозунгов, которые выдвигались под воздействием партийной агитации.

То, о чем солдаты ранее говорили только в узком кругу, теперь становится предметом публичного обсуждения. Яркий пример – отношение нижних чинов к офицерам с немецкими фамилиями. Так, солдат Голубев в письме, помеченном 10 марта 1917 г., обращается с просьбой: «Товарищи, уберите немцев с фронта, отстраните их от командования, дайте нам русских Начальников, русских душой, глубоко любящих свою родину и верящих в великую силу ея. Этим вы сделаете великое дело»³¹⁶.

Конечно, когда после первых баталий революции шпиономания и страсти вокруг вопроса о германском «засилье» в армии несколько улеглись, офицеры с немецкими фамилиями могли чувствовать себя в большей безопасности. И тем не менее напряженность в их отношениях с нижними чинами сохранялась. Поэтому весной 1917 г., как и с началом мировой войны, среди офицеров появились желающие сменить иностранные фамилии на русские. Впрочем, масштаб этого поветрия был не столь велик, как прежде, и коснулось оно, судя по всему, лишь младшего начальствующего состава. Так, в бумагах Военной комиссии Государственной думы сохранился документ, свидетельствующий о намерении штабс-капитана Кирхмана, прапорщиков Прейсферда и Вольфберга получить русские фамилии. Комиссия, не имевшая полномочий на подобные решения, 1 апреля 1917 переправила полученные ещё в марте рапорты и приложенные к ним метрические выписки в штаб Петроградского военного округа³¹⁷.

В письме делегата 119-го полка в Сызранском военном комитете Алексея Полянинова наглядно проявляются неподдельное чувство тревоги за устойчивость нового порядка и одновременно крайнее недоверие к своим командирам. Солдат с сомнением и надеждой обращается в Петроградский Совет: «... можно ли и нужно ли в условиях настоящего

³¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 237 Л. 7

³¹⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 40. Л. 5.

момента... в видах пресечения возможностей возврата к прошлому и для внутреннего успокоения солдат, всё ещё как бы не верящих совершившемуся свержению старого правительства, требовать создания маленького патронного склада в каждой роте, находящегося в ведении ротного комитета»³¹⁸

Отношения с офицерством обострялись и оттого, что нижние чины, рассматривая отдавание воинской чести и традиционные для армии ритуалы чинопочитания как нечто, унижающее достоинство солдат, стали открыто игнорировать прежние установления. В этой связи группа солдат Двинского гарнизона 7 марта направила в Петроградский Совет послание с просьбой кардинально разрешить наболевший вопрос: «...начальство Северного фронта, Двинского гарнизона до настоящего времени не отдает в приказах порядок отдания чести и титулования. Ввиду чего происходят частые столкновения ниж[них] чинов с офицерами, которые много хуже, чем раньше, придираются к отдаванию чести. А поэтому просим Вас, товарищи, по возможности скорей удалить почесть офицерам вне службы, ибо нам надоела эта история в прошедших годах, при старом режиме, а теперь мы, солдаты, живем в стране свободы и нам нужна свобода вне службы»³¹⁹.

«Свобода вне службы» – понятие, ранее неизвестное в русской армии и ставшее требованием миллионов после падения монархии, подразумевала и ещё одно нововведение – отмену вечерней поверки. Так, делегатское собрание солдат Новониколаевского гарнизона в телеграмме на имя военного министра и в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов от 12 марта ходатайствовало отменить поверку, формально препятствующую солдатам посещать собрания. Что в свою очередь, по утверждениям авторов послания, «создает напряженное положение в казармах»³²⁰. Правда, как сообщалось в той же телеграмме, отмена вечерней поверки в гарнизоне уже была осуществлена явочным порядком. Требовалась лишь официальная санкция высших военных властей для узаконения сложившейся практики.

Что означала, на взгляд офицеров-службистов, самочинная ликвидация поверки и её следствие – беспрепятственные отлучки солдат из казарм, раскрывают, к примеру, документы штаба Омского военного округа и Омского коалиционного комитета. Согласно источникам, недовольство офицеров вызывалось, во-первых, тем обстоятельством, что

³¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 237. Л. 2.

³¹⁹ Там же. Л. 1.

³²⁰ Там же. Д. 221. Л. 26.

под воздействием речей митинговых ораторов нижние чины начали требовать повышения жалования и отмены отдания чести, стали приносить в казарму массу непроверенных слухов, будораживших сознание всей солдатской массы. Во-вторых, отмена поверки губительно отражалась на качестве самой военной подготовки в запасных частях. «Помещения не вмещают всех желающих слушать; солдаты бродят по городу, попадают в притоны и к утру оказываются негодными для занятий», – констатировал один из докладчиков на заседании Коалиционного комитета 12 марта 1917 г.³²¹

Как же объясняли офицеры столь разительные, а для кого-то просто шокирующие перемены в поведении нижних чинов? Понятно, что для разных групп офицерства решение этого вопроса не могло быть одинаковым. Но, как правило, большинство довольствовалось самым общим и самым, казалось бы, простым ответом. В зависимости от политических симпатий и настроений того или иного офицера ответ заключался в одном слове – «революция», либо «бунт». Между тем мало кто пытался беспристрастно оценить те метаморфозы, которые происходили в сознании «молчаливого большинства» ещё задолго до событий 1917 г.

Как бы то ни было, но офицерам теперь пришлось, если не принять на вооружение новую, хотя бы на подсознательном уровне попытаться скорректировать прежнюю жизненную стратегию. Характер и особенности этого процесса отнюдь не целиком определялись переживаниями и размышлениями по поводу поведения нижних чинов в условиях Февральского революционного взрыва. Ведь последний, наряду с насилием и разложением дисциплины в армии, повлек за собой и падение монархии, и перемены во взаимоотношениях со штатской ответственностью, и трансформацию внутрикорпоративных связей офицерства. Всё это по-разному отражалось на жизненной позиции офицера, заставляя каждого так или иначе осуществить собственный выбор.

Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих депутатов, работу над которым возглавлял Соколов, хотя и не содержал прямых нападок на офицерство, но существенно ограничивал их начальственные прерогативы. В итоге авторитарный принцип построения армии был серьезно поколеблен, а статус офицера оказывался достаточно неопределенным. Содержание Приказа № 1, где говорилось о подчинении воинских частей Петроградскому Совету в политических выступлениях, о создании невиданных до сих пор солдатских комитетов, которые были призваны

³²¹ ГИАОО. Ф. 661. Оп. 1. Д. 10. Л. 11, Оп. 2. Д. 42. Л. 22.

заведовать бытовой стороной жизнедеятельности армейских структур, наконец, провозглашалось установление контроля этих комитетов над оружием, при всей, казалось бы, ограниченности заявленных нововведений, знаменовало начало коренного пересмотра принципов взаимодействия командного состава и нижних чинов.

Приказ подкреплял решимость солдатских масс избавиться от негодных командиров и в перспективе позволял распространять на армию принципы самоуправления, по своей природе абсолютно неприемлемые для армии как института крайне авторитарного. Даже там, где Приказ так и не был обнародован (например, в Омске), основные его положения всё же самым непосредственным образом отразились на практике социального взаимодействия офицерства и солдатских масс.

Хорошо известно, насколько негативно отреагировали на Приказ высшие начальники. Но и рядовое офицерство не осталось в стороне. Крайний вывод, который делало офицерство, не строившее иллюзий по поводу будущего, зафиксирован, к примеру, в дневнике современницы событий княгини Е.Н. Сайн-Витгенштейн, которая писала: «...еще в марте некоторые офицеры говорили, что после приказа № 1 война будет проиграна»³²²

Впрочем, подавляющее число офицеров, не испытавших тех унижений и насильственных действий, которые выпали на долю командного состава в «Балтийском треугольнике», первоначально лелеяло надежду на успокоение войск и возвращение их к привычным для военного времени занятиям. В изменившейся ситуации, соответствуя социальным ожиданиям и намерениям командиров, менялись их язык и поведение. Так, избранный собранием офицеров взамен арестованного бывшего начальника Томского гарнизона полковник Калина уже 6 марта 1917 г издал приказ, в котором практически утверждался коллегиальный способ управления войсками. Документ гласил: «Объявляю, что с 8 сего марта, согласно которому приказы по гарнизону будут выходить не иначе как со скрепою представителя от гг. офицеров при начальнике гарнизона прапорщика Сизикова и представителя от нижних чинов Яковлева»³²³. Спустя неделю тот же Калина в приказе по гарнизону увещевал подчиненных: «Приказываю именем Нового правительства прекратить все раздоры и старые счеты, вернуться к полному порядку и регулярным занятиям в частях... Офицеры, руководите солдатами, солдаты, слушай-

³²² Сайн-Витгенштейн Е.Н. Дневник. 1914–1918. Paris, 1986. С. 97

³²³ ГАТО. Ф. 416. Оп. 2. Д. 22. Л. 91.

тесь своих офицеров, заявляйте свои недовольства в комитеты, которые по совести разберут любой случай и вынесут своё решение»³²⁴

Общие тенденции, характеризующие попытки сгладить и исправить ситуацию, вызванную в войсках Февральским революционным взрывом, проявились, например, в поведении начальника 106-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Станкевича. 6 марта 1917 г. он отдал приказ, в котором присутствует лексика, ранее просто невозможная для подобных документов. Генерал уже не приказывает, а призывает. В официальном документе, как это прежде не практиковалось даже в обыденной речи, армейские низы именуются «братьями»: «Призываю всех гг офицеров и братьев нижних чинов **немедленно приступить к служебным обязанностям** (выделено мною. – В.К.) и с новыми силами дружной работой помочь Родине довести войну до победного конца и полного возрождения обновленной Великой России»³²⁵.

Приведем ещё один показательный текст, отображающий характер действий начальствующего состава армии по снижению напряженности в войсках и укреплению социальных связей между офицерами и солдатами. Это обращение генерал-майора Карпова к подчиненным, помеченное 24 марта 1917 г и озаглавленное «Воеводам и воинам 173-й пехотной дивизии». Документ, в частности, гласил: «Хотя слова *воевода* и *воин* ещё не вошли в употребление, но так как слова *офицер* и *солдат*, за время своего многолетнего употребления обросли всякими неясностями, то я не могу воспользоваться этими терминами... обращаюсь к вам: обсудите, достоин ли я занимать предоставленную мне должность и готовы ли вы повиноваться мне по самому глубокому и чистому убеждению»³²⁶

Все эти действия командиров и сама лексика их обращений свидетельствуют о попытках использовать прежнюю патерналистскую модель взаимоотношений офицерства и нижних чинов, правда, в гораздо более демократизированном варианте, чем прежде. Между тем не только события на Балтике, но и солдатская революция, свершившаяся «по-московски», со всей очевидностью продемонстрировали разрушение патерналистских оснований социального взаимодействия в армии и предвещали скорое углубление конфликта между офицерством и солдатскими массами.

³²⁴ ГАТО. Ф. 416. Оп. 2. Д. 22. Л. 102.

³²⁵ РГА ВМФ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 45.

³²⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Л. 62-62 об.

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В СОЗНАНИИ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКЕ ОФИЦЕРСТВА ВЕСНОЙ 1917 Г.

1. Отречение от императора

Отречение монарха как единовременный акт и отречение как факт жизни сознания офицерства в темпоральном отношении не тождественны и трудно сопоставимы. Для многих офицеров переживание этого феноменального по меркам российской действительности события, осознание его значимости для судеб страны, армии и отдельной личности растянулось на многие годы и даже десятилетия. Но нас, конечно, интересует именно начальный этап революционной эпохи.

Не подлежит сомнению, что реальный выбор, не просто определявший отношение к монарху, но и очерчивавший внятную линию поведения в контексте принесенной некогда присяги, основной массе русского офицерства пришлось сделать именно в февральско-мартовские дни 1917 г. Первыми перед выбором оказались офицеры, находившиеся в Петрограде и его окрестностях уже в самом начале восстания. Значительная часть офицерства реагировала на это событие в соответствии с созревшими в годы Первой мировой войны психологическими установками.

Одни до момента ареста, гибели или отказа от активных действий в силу невозможности сопротивления восставшим до конца оставались верны долгу присяги. Другим для принятия жизненно важного решения требовалось какое-то время, чтобы уяснить, имеет ли место локальный солдатский бунт или развернувшиеся события действительно означают рождение революции. Понятно, что некоторые офицеры погибли на своих постах, так и не успев распознать признаков перерастания бунта в массовое революционное выступление. Но выжидательный характер поведения тысяч офицеров, находившихся в столице 27–28 февраля, остается

ся фактом. Как пояснял чуть позже подобную логику поведения один из офицеров, оказавшихся в эпицентре столкновений восставших и правительственных сил: «...сдерживало отсутствие уверенности, что это действительно революция всего народа, а не беспорядок, созданный небольшою группою»³²⁷.

В февральско-мартовские дни 1917 г. по крайней мере для офицеров, находившихся в столице, ситуация выбора возникала неоднократно, отображая всякий раз новые обстоятельства и создавая предпосылки новых вариантов поведения. Уже волнения в Петрограде, ещё не переросшие в масштабное выступление с участием солдат могли определенным образом отразиться на поведении офицеров. Возможно, описанный в донесении секретного сотрудника охранки поступок неизвестного офицера как раз и являлся одним из свидетельств происходивших перемен. Агент сообщал: «Сегодня, 26-го в военной гостинице состоялся обед военных, на котором какой-то полковник в своей речи извинился за то, что он отступает от общего правила и **не провозглашает тоста за верховного вождя**, а провозглашает тост за армию»³²⁸.

Следующим после начала восстания поворотным пунктом в политическом самоопределении, а равно и в позиционировании себя по отношению к монарху и данной ему присяге стал уже упомянутый документ Военной комиссии Думы за подписью Родзянко от 28 февраля. Помимо прочего в обращении содержалось требование к офицерам, находившимся в Петрограде, «явиться 1 и 2 марта, от 10 час. утра до 6 час. вечера, в зал Армии и Флота для получения удостоверений на повсеместный пропуск и точной регистрации, для исполнения поручений Комиссии по организации солдат, примкнувших к представителям народа для охраны столицы»³²⁹.

Насколько сложным и драматичным стал этот эпизод для офицеров, встретивших революцию в Петрограде, дает представление дневник, автором которого был генерал-майор В.Л. Коллонтай (бывший муж известной революционерки А.М. Коллонтай. — В.К.). Он узнал о содержании приказа, находясь в Благовещенском офицерском лазарете. 1 марта Коллонтай, пораженный необычностью источника директивы, записал в дневнике: «Вот в этом приказе многое недоговорено — и сколько моло-

³²⁷ Каминский М. Революция и офицерская корпорация // Русский инвалид. 1917 17 марта.

³²⁸ Февральская революция и охранное отделение... С. 173.

³²⁹ Февральская революция 1917 года... С. 123.

дых офицеров, чуждых политике, прочитавши этот приказ, не будут знать, что теперь им делать. У каждого большое желание восстановить порядок, чтобы жизнь города вошла в нормальные рамки. А с другой стороны, сомнение, не будет ли это нарушением присяги?!»³³⁰. Далее, рассказывая о состоявшемся в лазарете собрании, где Коллонтай выступил как старший по чину, автор дневника наглядно демонстрирует кризисное состояние офицерской ментальности. Излагая своё понимание ситуации, он невольно проговаривается об итогах собственных размышлений и, вопреки установкам офицерской морали, заявляет о возможности свободного выбора: «Что касается нашего сочувствия текущим событиям, то такое не может быть коллективным, является вопросом совести каждого из нас и, я думаю, в этом отношении мы не можем стеснять один другого. Каждый волен поступать, как подсказывает ему совесть»³³¹

Для тех, кто, как минимум на первых порах, приветствовал революцию, но не был уверен в её победе, приказ Родзянко явился непростым испытанием. По воспоминаниям военного атташе Великобритании в России А. Нокса, помеченным 28 февраля (13 марта по Григорианскому календарю), бывший военный министр генерал А.А. Поливанов, откровенно радовавшийся вестям об отсутствии или затухании сопротивления революционным войскам, на вопрос, пойдет ли он сам на регистрацию по требованию Военной комиссии Думы, ответил уклончиво: «Возможно, пойду завтра». Из чего Нокс заключил, что Поливанов «ещё не был уверен в успехе революции и занимал выжидательную позицию (в буквальном переводе – «сидел на заборе». – В.К.)»³³²

Факт остается фактом: основная масса офицерства в момент смены власти выжидала исхода борьбы. Большинство же офицеров в силу своего местопребывания (фронт, отдаленная провинция) попросту было лишено возможности каким-либо образом повлиять на этот исход. Неожиданные известия об отречении императора и его брата, по существу, отсекали целый ряд возможных вариантов поведения офицеров, которые могли бы реализоваться, продлись противостояние сил революции и контрреволюции несколько дольше, чем это произошло в действительности. Так, Ф.В. Винберг вспоминал: «Пишущий эти строки, командовавший тогда полком под Ригой, удостоверяет, что 1-го марта, когда стали доходить сведения о смуте, он мог с ручательством повести в

³³⁰ ОР РГБ. Ф. 178. № 6768. Л. 24.

³³¹ Там же. Л. 74.

³³² Knox A. With Russian army. 1914–1917 L., 1921. V II. P. 565.

Петроград все эскадроны и команды своего полка, кроме одного эскадрона, бывшего под сомнением; но уже 2-го марта, когда пришла весть об отречении, настроения стали меняться... И много было таких полков, которые можно было смело двинуть на "красный Петроград"»³³³.

Кое-кто из офицеров подумывал о возможностях восстановления монарха на престоле вскоре после отречения. Например, согласно воспоминаниям генерала К.Г. Маннергейма, по прибытии на Румынский фронт из охваченной революцией столицы Петрограда автор встретился с командующим фронтом генералом В.В. Сахаровым. «Я рассказал ему о своих впечатлениях от событий в Петрограде и Москве, – пишет мемуарист, – и попробовал уговорить генерала возглавить сопротивление. Однако Сахаров считал, что время для таких действий ещё не настало»³³⁴.

Конечно же, решающими факторами для выбора определенной политической позиции здесь для многих стали возникновение Временного комитета Госдумы, а также приказ, подписанный председателем Думы Родзянко о явке офицеров в зал Собрания Армии и Флота, формально свидетельствующий о переходе значительных полномочий к этой ранее практически безвластной структуре.

Особым драматизмом в момент восстания отличались моральные и поведенческие коллизии высшего командного состава армии, прежде всего начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева. Поведение этой группы офицерства в момент отречения императора довольно подробно описано в исторической литературе. Для нас же важно обратить внимание читателя на следующие аспекты проблемы. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что за годы войны усилившаяся политизация сознания высшего командного состава русской армии способствовала размыванию комплекса норм и установок, который некогда автоматически обеспечивал «неприкосновенность» образа монарха в представлениях генералитета. Однако этого оказалось далеко не достаточно для каких-либо действий, противоречивших официальным и неофициальным стандартам поведения офицерства в отношении государя. Лишь возникновение критической ситуации, когда на карту был поставлен не только династический вопрос, но и исход войны, побудило высший генералитет к более или менее четкому выражению своей позиции.

В решающий момент все командующие фронтами, начиная от генерала Сахарова, назвавшего в своей телеграмме императору членов

³³³ Винберг Ф. Крестный путь. Мюнхен, 1922. Ч. 1. С. 134–135.

³³⁴ Маннергейм К.Г. Указ. соч. С. 76–77

Думы «разбойной кучкой людей», вплоть до командующего Северным фронтом генерала Рузского, который, по существу, оказал прямое давление на Николая II, убеждая его отказаться от престола, сошлись в одном: император должен отречься, дабы страна и армия могли уверенно продолжить борьбу с внешним врагом.

В этом действе не следует преувеличивать роль начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева, запросившего 2 марта из Ставки мнение командующих фронтами о возможности выхода из постигшего страну и династию кризиса. Раздававшиеся позднее в эмиграции обвинения Алексеева в прямой измене царю не имеют под собой никаких оснований. До последнего момента Алексей делал всё, чтобы ликвидировать нависшую над императором угрозу. Переживая за безопасность монарха, он даже неоднократно просил Николая не покидать Ставку, когда сведения о восстании в столице подтвердили серьезность создавшегося положения. Алексей беспрекословно исполнял приказы Верховного главнокомандующего, направленные на подавление революции, и «сдавал позиции» только после того, как сам Николай склонялся к тем или иным уступкам в переговорах с Временным комитетом Госдумы. Лишь нерешительность царя и половинчатость принимаемых мер реально поставили Алексева перед проблемой политического выбора. В конечном счете генерал предпочел отречение императора в пользу наследника и ответственное перед Думой министерство, как наименьшее из зол. Решение это, очевидно, далось нелегко, но оно позволяло надеяться на благоприятный для России исход войны и сохранение династии на престоле.

Как справедливо подчеркнул Г.З. Иоффе, «дофевральский критицизм многих генералов и офицеров в отношении Николая II и его кружения начал быстро таять уже в первые дни революции, когда им становилось ясно, что события приобретают совсем не тот характер, какой бы им хотелось»³³⁵ Позднее в интервью газете «Русское слово» М.В. Алексеев скажет: «Я хорошо знал и видел воочию произвол самодержавия. Слава Богу, что оно ушло, наконец, в область истории, но новое демократическое время ввело такой произвол, о котором не мечтало, вероятно, и самодержавие»³³⁶ Впрочем, это будет произнесено уже в сентябре 1917 г. Тогда Алексеев и другие генералы, ещё не так давно представлявшие высшее командование русской армии, оказались уже не в

³³⁵ Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987 С. 95.

³³⁶ Русское слово. 1917 20 сент

силах что-либо изменить. А 2 марта решение вопроса о власти волею судеб во многом зависело именно от них.

Для генералов вопрос этот имел, по существу, две стороны. Во-первых, из последних сообщений председателя Думы Родзянко командующие фронтами заключили, что дальнейшее противостояние восставших и императора чревато гибелью армии и неминуемым поражением в войне. Оттого генералы вынуждены были одобрить отречение монарха как средство, позволявшее выправить ситуацию. Второй аспект проблемы состоял в обосновании какого-либо варианта поведения относительно фигуры самого Николая II. В обращениях командующих фронтами и присоединившегося к ним начальника штаба Верховного главнокомандующего предложение об отречении формулировалось, конечно же, как нижайшая просьба или совет лиц, бесконечно преданных своему государю. И формально по этой причине ответственность за тот или иной вариант решения проблемы всей тяжестью ложилась на одного только императора. Однако генералы не могли не понимать, что именно они, а не кто-либо ещё в состоянии склонить монарха к отречению. Так оно и было в тот момент. Как справедливо заметил В.И. Старцев, «решающим для царя явились не настояния Родзянко, которыми он великолепно пренебрегал, а мнения командующих фронтами...»³³⁷

Это обстоятельство в определенной степени уравнивало или снижало в сознании высшего генералитета и откровенных сторонников самодержавия из числа прочих лиц значимость главного оправдательного мотива – сохранения боеспособности армии и доведения войны до победы. Именно эта двусмысленность в своё время стала причиной обвинений, посыпавшихся на головы генералов – прямых участников и свидетелей драмы отречения. Да и сам Николай II, судя по всему, расценивал их поступок как предательство. Не случайно в дневнике императора сразу же после состоявшегося подписания манифеста об отречении появится запись: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!»³³⁸

В какой-то мере поведение генералитета в его собственных глазах оправдывалось и другим фактором: предполагавшимся оставлением на престоле прежней династии во главе с официальным наследником, которому, как известно, армия присягала наряду с царствующим монар-

³³⁷ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 95.

³³⁸ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 625.

хом. Но надежды начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева, как и других генералов, на воцарение малолетнего наследника при регентстве великого князя Михаила очень скоро развеялись.

Смириться с утратой для некоторых высших офицеров оказалось невозможным. Как известно, одним из немногих видных военачальников, принципиально отвергавших возможность сохранения вооруженной силы страны без её Верховного вождя, был генерал от кавалерии граф Ф.А. Келлер, который командовал 3-м конным корпусом. В начале апреля 1917 г., уволенный с должности как откровенный монархист, свой уход из армии он осуществил в виде открытой демонстрации неприятия новой власти. По воспоминаниям П.М. Бермонт-Авалова, при прощании с подчиненными генерал построил части, выступил с прощальной речью, «приказал сыграть "Боже Царя Храни", после чего уехал в Харьков»³³⁹

В момент революционного взрыва для многих важно было как-то ослабить силу удара, нанесенного системе ценностей корпоративного сознания свершившимся падением монархии. Так, в первые дни после отречения Николая II отдельные офицеры продолжали видеть в нем своего государя, о чем свидетельствовало, например, известное письмо генерала В.И. Гурко, направленное царю с целью ободрить бывшего императора, вселить в него уверенность в будущем. В этом документе ещё сквозят иллюзии по поводу вероятности занятия престола царевичем Алексеем, а может быть, и возвращения на трон самого Николая. Употребляя термин «законное наследие» относительно Алексея и величая отрекшегося монарха «законным государем», Гурко, по сути дела, ставит под сомнение легитимность самого акта отречения и его следствий. Поведение же монарха по мысли генерала оправдывала «исключительность тех условий, при которых произошел государственный переворот в столице»³⁴⁰

Однако для иных монархистов поступок царя оказался внутренне абсолютно неприемлемым и даже подтолкнул к решению отдаться воле обстоятельств и «плыть по течению», подгребая всё дальше и дальше влево. «Разочарование в династии пришло не сразу. Трусливое отречение Николая II от престола было последней каплей, переполнившей чашу моего терпения», – вспоминал некогда ярый монархист, а впоследствии

³³⁹ Авалов П. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт: Гамбург, 1925. С. 481.

³⁴⁰ Русское слово. 1917. 21 сент.

«красный генерал» М.Д. Бонч-Бруевич³⁴¹. Действительно, с точки зрения системы традиционных ценностей царь не имел права отречься под угрозой силы, являясь как-никак помазанником Божиим.

В мемуарах офицера-артиллериста Э.Н. Гиацинтова обрисован другой вариант восприятия случившегося, более оптимистический по настроению, но крайне противоречивый по существу: «Через два дня пришел Манифест Государя Императора и манифест великого князя Михаила Александровича. Командир батареи, не будучи в силах читать эти манифесты солдатам сам, поручил это сделать мне. Прочтя оба манифеста перед строем, я от себя добавил, что 304 года тому назад первый царь из дома Романовых Михаил Федорович спас Россию, и теперь её спасет его правнук, тоже Михаил. Никаких сомнений в том, что Михаил Александрович будет просить Учредительное собрание отдать власть в его руки, у меня не было. Не только мы, но и солдаты наши в то время не могли себе представить Россию республикой»³⁴². Противоречия здесь заключались, во-первых, в том, что Гиацинтов, стремясь действовать и мыслить в рамках «канонических» норм, все же «закрывал глаза» на факт насильственного, вынужденного отречения. Во-вторых, он представлял себе Михаила в будущем как просящего прав на престол, что, безусловно, не соответствовало образу монарха, столетиями существовавшего в сознании офицерства.

Великое множество офицеров воспринимало отказ императора от престола не только как акт, перевернувший весь жизненный уклад корпорации, но и как личную драму. С особенной силой эти чувства охватили тех, кто *post factum* узнал о начавшейся революции и отречении монарха, и для кого оба эти события представлялись практически одномоментными. В сознании этой группы офицерства подавленность, острое сожаление, чувство трагической безысходности нередко сочетались с неизвестно кому адресованными вопросами: Как и почему вообще отречение стало возможным? Как Россия, её солдаты, её офицеры смогут существовать дальше без своего монарха?

Приведем несколько отрывков из мемуаров офицеров, характеризующих состояние офицеров в тот момент. Ротмистр Розеншильд-Пяулин вспоминал: «Прошел слух, что в Петрограде беспорядки. Через несколько дней – что Государь отрекся от престола. Это было столь неве-

³⁴¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1958. С. 7.

³⁴² Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 113.

оятно, что этому многие не верили. Но вот приказ о присяге Временному правительству. Мы были убиты»³⁴³

Ещё один фронтовой офицер, В.А. Кислицин, следующим образом описывал ситуацию: «Как громовой удар поразила всех эта весть. Боже! Какой это ужас! – думали все в полку. Это гибель России! Без Императора нет армии. Что будет дальше... Казалось, что люди, там, в далеком тылу, походили с ума. Полк мой находился в каком-то замешательстве. Никто ничего не мог понять. Офицеры были в полной панике»³⁴⁴

Подобные настроения эти охватывали не только кадровое офицерство, не только людей с немалым жизненным опытом, но и молодежь, которой ещё только предстояло получить офицерский чин. Так, по воспоминаниям меньшевика В.С. Войтинского, в Иркутске после парада войск, знаменовавшего торжество революции, в Комитет общественных организаций (местный аналог Коба. – В.К.) пришел юнкер из школы прапорщиков и заявил: «Я присягал моему государю и от присяги моей не отказываюсь»³⁴⁵.

Ощущение безысходности, утраты смысла существования в связи с падением монархии удавалось приглушить далеко не всем. Иногда это приводило к решению об отставке, а в крайнем варианте – к самоубийству. Как сообщает, например, историограф Кавалергардского полка В.Н. Звегинцов, начальник штаба Гвардейского кавалерийского корпуса генерал Винникен «не смог и не захотел пережить крушения всего того, что было для него святым, и предпочел уйти... совсем»³⁴⁶.

Ещё одной формой реагирования на наивысшую фазу кризиса самодержавия в тот самый момент, когда исход восстания не был очевиден, а монарх все ещё царствовал, стало признание частью столичного офицерства властных прерогатив Временного комитета Государственной думы.

В этой связи мы не можем обойти вниманием любопытный эпизод, породивший легенду об офицерах-революционерах гвардейского Преображенского полка. 1 апреля 1917 г. газета «Речь» поместила на своих страницах очерк «Преображенцы», который позднее был опублико-

³⁴³ Розеншильд-Паулин К.Н. Воспоминания // Изюмцы в боях за Россию: Воспоминания офицеров 11-го гусарского Изюмского генерала Дорохова полка. М., 1997 С. 78.

³⁴⁴ Кислицын В.А. Указ. соч. С. 41.

³⁴⁵ Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 35.

³⁴⁶ Звегинцов В.Н. Указ. соч. С. 39.

ван в виде отдельной брошюры. Автор очерка – журналист Иван Лукаш утверждал, что офицеры Преображенского запасного батальона, точнее те из них, кто представлял командование рот, квартировавших неподалеку от Зимнего дворца на Миллионной улице, 27 февраля выступили со своими солдатами на Дворцовую площадь и призывали другие гвардейские части «собраться на площади, чтобы оттуда, как организованной силе, предъявить требования народа правительству»³⁴⁷ Лукаш, не смущаясь, проводил прямую параллель между поведением офицеров-преображенцев и гвардейцев, вышедших на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г.

В свое время С.П. Мельгунов убедительно доказал безосновательность подобных сравнений. Действительно, на Дворцовой площади 27 февраля собрались некоторые части петроградского гарнизона, включая преображенцев, но это был лишь резерв, предназначенный для борьбы с антиправительственными выступлениями. Начальник отряда генерал Занкевич, сомневаясь в надежности некоторых частей, не считал возможным использовать их против восставших³⁴⁸. Таким образом, вечером того же дня преображенцы вновь оказались в своих казармах на Миллионной. Но здесь всё же произошло в какой-то мере знаковое событие, свидетельствовавшее не только о подвижках в отношении офицерства к происходящим событиям, но и о размывании прежней жесткой установки на беспрекословное подчинение монаршей воле. В ночь с 27 на 28 февраля от офицеров Преображенского полка по телефону было передано сообщение о том, что они «решили поддержать Государственную думу, с которой желали бы войти в сношения»³⁴⁹. Все это, конечно, не избавило офицеров-преображенцев от последующих арестов своими же солдатами и выборов приемлемого для нижних чинов полка командования, но сам по себе факт подобного обращения к оппозиционным властям оказался симптоматичным.

Вскоре, после того как Временный комитет Думы реально стал проявлять себя как орган власти, число офицеров, выразивших ему свою поддержку и, соответственно, порывавших с обязательствами перед монархом, стало неуклонно расти. Уже 28 февраля, демонстрируя готовность защищать революцию, к Таврическому дворцу начали прибывать части столичного гарнизона, нередко имея в своих рядах офицеров.

³⁴⁷ Речь. 1917 1 апр.

³⁴⁸ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года... С. 30–32.

³⁴⁹ Февральская революция 1917 года... С. 117.

1 марта в здание Армии и Флота на Литейном проспекте потянулись сотни офицеров. Там же на митинге была вынесена резолюция: «Офицеры, находящиеся в Петрограде, идя рука об руку с народом и собравшись в Собрании Армии и Флота по предложению Исполнительного комитета Государственной думы, признавая, что для победоносного окончания войны необходима скорейшая организация порядка и дружная работа в тылу, единогласно постановили: Признать власть Исполнительного комитета Государственной думы впредь до созыва Учредительного собрания»³⁵⁰. Следом внушительная делегация офицерства под красным флагом направилась в Таврический дворец и вручила принятую резолюцию вышедшему на крыльцо для приветствия Родзянко.

2 марта в адрес Временного комитета Думы поступило сообщение, свидетельствовавшее о продолжающемся переходе столичного офицерства в лагерь сторонников новой власти: «Офицеры города Петрограда, собравшиеся в зале Армии и Флота 2 марта в количестве более двух тысяч человек, присоединяются к резолюции, вынесенной в собрании около тысячи пятисот офицеров 1 марта». Офицеры, как и днем ранее, постановили «признать власть Временного исполнительного комитет Государственной думы в управлении государством Российским впредь до созыва Учредительного собрания»³⁵¹. Апелляция к воле Учредительного собрания еще до отречения Николая II не оставляла сомнений в том, что довольно значительное число офицеров Петрограда и окрестностей перешагнуло рубеж, отделявший недовольство монархом на уровне размышлений и переживаний, от акта прямого нарушения присяги.

Однако в самом радикальном варианте эта позиция реализовалась в наиболее острый момент борьбы с правительственными силами, когда ещё никто не мог определенно предсказать, каким будет исход борьбы. К примеру, небольшая группа офицеров (главным образом из числа приезжих) 27 февраля оказалась в Таврическом дворце. Частью эти офицеры вошли в состав революционного военного штаба, впоследствии преобразованного в Военную комиссию Временного комитета Государственной думы, частью – выполняли приказы этого штаба, расставляя по городу караулы, осуществляя разведку, пытаясь внести порядок в хаотические метания солдатских толп. Документы столичного Союза офицеров-республиканцев содержат указания на то, что в дни революции отдельные представители командного состава армии, при-

³⁵⁰ Петроградский Совет офицерских депутатов. № 1. Пг., 1917. С. 2.

³⁵¹ Февральская революция 1917 года... С. 138.

соединившись к выступлению солдат и горожан, организовывали «на улицах Петрограда правильные боевые действия», руководили разборкой железнодорожного полотна на подступах к городу³⁵². Наконец, десятки младших офицеров – «прапорщиков революции» – принимали участие в установлении новой власти в провинции, осуществляя аресты чинов царской администрации, жандармерии и полиции, смещение высшего военного командования округов и гарнизонов.

В конечном итоге не только особенности восприятия власти, а также личности Николая II, что сформировались у офицерства накануне падения монархии, но и небывалый масштаб, неожиданность и скоротечность февральско-мартовских революционных событий, разразившихся во время мировой войны, обусловили всё разнообразие, а порой и парадоксальность поведения офицерства в отношении монарха и института монархии. Ситуацию усугубило и другое обстоятельство, на которое обратил внимание П.Н. Врангель: «Надо сказать, что в эти решительные минуты не было ничего сделано со стороны старших руководителей (высшего генералитета. – В.К.) для разъяснения армии происшедшего. Никаких общих руководящих указаний, никакой попытки овладеть сверху психологией армии не было сделано. На этой почве неизбежно должен был произойти целый ряд недоразумений. Разноречивые, подчас совершенно бессмысленные толкования отречений Государя и Великого Князя (так один из командиров пехотных полков объяснил своим солдатам, что «Государь сошел с ума») ещё более спутали и затемнили в понятии войск положение»³⁵³.

Возникшая после переворота ситуация требовала быстрого самоопределения офицера в новой политической ситуации, скорейшего приспособления к изменившимся условиям жизни страны и армии. Психологически это давалось нелегко. И в сознании многих офицеров осуществлялся интенсивный поиск аргументов, позволявших обрести хотя бы видимость душевного равновесия. Важнейшими доводами в пользу принятия новых реалий и своего рода самооправдания не только у генералитета, но и у рядового офицерства являлись представления о необходимости избежать острого и широкомасштабного гражданского противостояния, а потому и поражения России в мировой войне. Так, морской офицер С.А. Изенбек, находившийся во время Февральского восстания в

³⁵² ГАРФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

³⁵³ Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. I С. 26.

Англии, записывал в дневнике: «3 марта. Сегодня меня разбудил старший штурман известием, что в России революция и Император отказался от трона... 8 марта. Пять дней я не писал дневник, голова кругом шла, опасения бессмысленной резни и повторения 6-го года (речь идет о восстаниях на флоте в 1906 г – В.К.), а следовательно, победы немцев чередовались с надеждами на удачу движения, которое является последним средством спасти Россию»³⁵⁴

Другой русский офицер, А.А. Игнатъев, находившийся в момент революционных событий во Франции, пребывал в мучительных раздумьях, перебирая доводы «за» и «против» принятия новой власти и служения стране, лишившейся своего монарха. Главным аргументом в пользу перехода на сторону революции военного атташе и представителя русской армии при французской главной квартире, по его словам, стал результат интерпретации проблемы «монарх и присяга». Решая эту проблему, он экстраполировал образец поведения офицера, принявшего священную клятву, на поведение самого императора.

«Но сам-то царь, – мысленно вопрошал Игнатъев, – кто он теперь для меня? Мне предстоит отказаться только от него, а он ведь отказался от России. Он нарушил клятву, данную в моем присутствии под древними сводами Успенского собора при короновании.

Николай II своим отречением сам освобождает меня от данной ему присяги, и какой скверный пример подает он всем нам, военным! Как бы мы судили солдата, покинувшего строй, да ещё в бою? И что же мы можем думать о «первом солдате» Российской империи, главнокомандующем всеми сухопутными и морскими силами, покидающем в разгар войны свой пост, не помышляя даже о том, что станет с его армией»^{355?}

Уже к концу первых двух-трех недель марта 1917 г. закрепление в сознании офицера тех или иных оценок переворота, как и возникновение в этой связи новых представлений об окружающей социально-политической действительности, послужило следующей базисной предпосылкой, которая в сочетании или борьбе с прежними установками и ценностями обуславливала новую линию поведения офицера в рамках армейского социума и за его пределами.

В этом отношении показательны признания адмирала А.В. Колчака, сделанные на допросе в Иркутске в январе 1920 г. Колчак точно

³⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. 755. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

³⁵⁵ Игнатъев А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 283.

так же, как и А.А. Игнатьев, ссылаясь на решение монарха, которое, казалось бы, уже не связывало офицерство долгом присяги. Вместе с тем в рассматриваемом документе содержится и другая важная информация, дающая ключ к пониманию дальнейших действий офицерства, по существу отрекшегося от своего государя. «Я считаю, – говорил Колчак, – что раз император отрекся, то этим самым он освобождает от всех обязательств, которые существовали по отношению к нему, и когда последовало отречение Михаила Александровича, то тогда было ясно, что с монархией покончено. Я считал необходимым поддерживать Временное правительство совершенно независимо от того, какое оно было, так как было время войны, нужно было, чтобы власть существовала, и как военный, я считал нужным поддерживать её всеми силами»³⁵⁶.

Действительно, после февральско-мартовских событий 1917 г. А.В. Колчак не перестал быть монархистом, но это не означало для него отказ от своего долга служения России на своем посту. Раскрывая существо момента, С.П. Мельгунов справедливо подчеркивал: «Историк никогда не имеет права забывать, что Февральская революция (катастрофа в представлении одних и великое обновление страны в представлении других) совпала с тяжелой годиной войны, когда патриотическое чувство, независимо от оценки правительственных деятелей прежней власти и личности монарха, заставляло искать примирения с тем, что стихийно произошло, что органически для многих по внутреннему ощущению было ненавистно»³⁵⁷.

2. Временное правительство, политические партии и офицерство: корпорация под ударом

С момента падения монархии процесс политизации сознания российского офицерства, набравший силу ещё в предшествующий период мировой войны, необычайно ускорился. Теперь офицер убедился в том, что его судьба практически всецело будет зависеть от того, в каком обличье явится новая власть, насколько она будет сильна и какую позицию займет по отношению к офицерству.

Как показали февральско-мартовские события в Петрограде, заметную озабоченность положением офицерства уже тогда проявили чле-

³⁵⁶ Допрос Колчака... С. 105.

³⁵⁷ Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения. Нью-Йорк, 1991. С. 39.

ны Временного комитета Госдумы. Правда, озабоченность эта первоначально не шла дальше попыток элементарного восстановления дисциплины в революционном гарнизоне столицы. С утра 28 февраля думские депутаты неоднократно выступали перед воинскими частями, стремясь наладить там организацию и порядок и одновременно привлечь на сторону революции командный состав. По свидетельствам современников, наибольшую активность в деле агитации среди военных проявлял в первые дни революции М.В. Родзянко. Как иронически характеризовал в своих мемуарах деятельность думского лидера Н.Н. Суханов (Гиммер), «ничего более полезного в эти дни этот "простой русский человек" и не мог сделать, и его действительно руководящие друзья отвели ему эту функцию вполне основательно...»³⁵⁸.

Очень скоро возник целый ритуал проведения подобных мероприятий. «Какое-нибудь войсковое соединение, например Семеновский гвардейский полк, – вспоминал А.Ф. Керенский, – прибывал в Думу, в состоянии крайнего возбуждения заполнял Екатерининский зал и становился строем в центре. Выходил Родзянко и обращался к ним с речью, призывая оказывать доверие власти, сохранить дисциплину и т. д. Его речь неизменно тонула в шквале восторженных криков и аплодисментов. Затем с ответным словом выступал командир части, что вызывало ещё большее ликование. Как правило, солдаты просили, чтобы перед ними выступил ещё кто-нибудь – Милюков, Чхеидзе или я ... Прибытие этих подразделений, включая сенсационное появление казачьего отряда из личной охраны царя, значительно укрепило положение новой власти в Таврическом дворце»³⁵⁹.

По большому счету проблема восстановления доверия к командирам и прекращения насилия над офицерством в первые дни революции решалась попутно с достижением главной цели Временного комитета Госдумы – утверждения своей власти и обеспечения ей массовой поддержки. Но и после создания Временного правительства главным тезисом агитационно-пропагандистской деятельности правых являлся призыв к единению солдат и офицеров во имя достижения победы над врагом. Формы этой агитации были различными: выступления на митингах, статьи в периодической печати, издание брошюр соответствующего содержания. Как всегда, неординарно действовал лидер националистического крыла правых И.С. Пуришкевич. В первой половине марта

³⁵⁸ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 107.

³⁵⁹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1996. С. 187.

1917 г. он написал стихотворение «В ногу, солдаты, идите», в котором отстаивал, по сути дела, прежние патерналистские основы социального взаимодействия верхов и низов армии:

Чуется в облике сером
Верный Отчизне слуга.
В дружной семье с офицером
Вам ли страшиться врага.

Раз, два.

Братцы, долой тревогу,
Слава нас ждет, погоди.
Только не стадом, а в ногу
И с офицером иди.

Раз, два³⁶⁰.

Падение монархии в России породило острую проблему кадровых перемен среди командного состава русской армии. Конечный результат её решения зависел от того, как сложится равнодействующая усилий социальных и политических структур, заинтересованных в том или ином варианте внутриармейских преобразований. В ходе развернувшейся борьбы по «офицерскому» вопросу свои взгляды отстаивали, с одной стороны, либералы, использовавшие помимо прочего рычаги официальной власти во Временном правительстве, с другой – социалисты, опиравшиеся на Советы и войсковые комитеты различного уровня. Важным фактором, обуславливавшим процесс кадровых перемен в армии, конечно же, являлись настроения и действия солдатских масс. Свой, пусть и достаточно ограниченный вклад в разрешение проблемы внесло и офицерство.

Переход гражданской власти на местах к новым управленческим органам (комитетам общественной безопасности), часто находившимся, как, впрочем, и само Временное правительство, в определенной зависимости от позиций Советов, предопределил быстрое смещение со своих постов командной верхушки тыловых и даже прифронтовых округов и гарнизонов. Испытывая давление нижних чинов и так называемой революционно-демократической общественности, временные коалиционные властные структуры практически везде соглашались на требования об арестах и смене высшего армейского начальства. Они же предлагали собственных кандидатов на ответственные посты либо утвер-

³⁶⁰ Цит по: Ермак (Тюмень). 1917. 16 марта.

ждали результаты выборов командиров, осуществлявшихся нередко офицерами соответствующих гарнизонов.

Объясняя мотивы своих действий по смещению армейских начальников Временному правительству и либеральной общественности, представители КОБов, как правило, заявляли об опасности кровопролитных эксцессов в случае непринятия этих мер. Что же касается армейских низов и социалистов, ратовавших за скорейшее наказание «верных слуг самодержавия», то, апеллируя к ним, новая власть на местах чаще интерпретировала подобные шаги как революционную целесообразность, зримое проявление ликвидации «старого порядка», осуществление справедливого возмездия в отношении бывших царских приспешников.

«Обвальный» и массовый характер арестов высших армейских начальников в тылу и стремительные выдвигания на освободившиеся посты других офицеров ставили в трудное положение военного министра А.И. Гучкова. Он вынужден был едва ли не автоматически, без серьезного рассмотрения каждого конкретного случая соглашаться с новыми назначениями в первые недели весны 1917 г. Но поддержание боеспособности русской армии и необходимость стабилизации взаимоотношений офицерства с солдатскими массами требовали выработки принципиальной позиции по проблеме кадровых изменений в командном составе. Тем более что уже в начале марта 1917 г. многие гарнизоны захлестнула волна стихийных выборов новых и изгнания прежних командиров запасных полков, дружин, команд, иных воинских частей и подразделений. Кроме того, теперь под вопросом оказывалась судьба любого офицера, чье поведение так или иначе не устраивало его подчиненных.

Судя по действиям военного министра, одной из основных установок при решении этой чрезвычайно сложной и болезненной проблемы являлось стремление не допустить утверждения принципа выборности командиров и смещения офицеров со своих постов по инициативе снизу. Как известно, уже в момент переговоров Временного комитета Госдумы и Петроградского Совета о формировании Временного правительства либералы отвергли требование социалистов о выборности командного состава. В дальнейшем, закрыв глаза на первые, несанкционированные Военным министерством перестановки, А.И. Гучков прилагал все усилия, чтобы идея о выборах командиров и бесконтрольное отращивание офицерства от должностей не стали правилом армейской жизни революционной России.

Вместе с тем военный и морской министр отнюдь не отказывался от идеи перемен в командном составе армии. В основу кадровой поли-

тики А.И. Гучкова легли две главные установки. Во-первых, министр стремился омолодить высшее военное руководство, улучшить его профессиональные качества, избавляясь от лиц, зарекомендовавших себя непригодными для исполнения своих обязанностей по ряду причин: отсутствие необходимой квалификации, карьера по протекции, крайний консерватизм политических взглядов. Такая деятельность, по сути, являлась продолжением усилий, которые А.И. Гучков предпринимал в течение многих лет работы в Государственной думе. Во-вторых, подбирая на ключевые командные и военно-административные посты людей, как казалось министру, достаточно компетентных и авторитетных, Гучков рассчитывал, что удастся восстановить порядок и дисциплину во вверенных им частях и учреждениях. Затем предполагалось использовать верные Временному правительству формирования в борьбе с Петроградским Советом и всеми, кто, по мнению А.И. Гучкова, способствовал развалу армии и ставил под угрозу победу России и её союзников в мировой войне.

Первая задача оказалась не слишком сложной. Многих высших военных начальников А.И. Гучков знал лично или имел достаточно информации для принятия соответствующего решения об их дальнейшей судьбе. Что касается звена корпусных и дивизионных командиров, то со слов лиц, которым А.И. Гучков более или менее доверял, были составлены анкеты, последняя графа которых содержала один из трех вариантов окончательного вердикта. «достоин выдвижения», «может остаться», «подлежит изгнанию»³⁶¹ В итоге, согласно данным А.Г. Кавтарадзе, к концу пребывания А.И. Гучкова на министерском посту с его санкции должностей лишились примерно 60 % высших офицеров, среди которых оказалось 8 генералов, командовавших фронтами и армиями, 35 из 68 командиров корпусов и 75 из 240 начальников дивизий³⁶² Кроме того, благодаря стараниям военного и морского министра, свои посты оставил целый ряд начальников главных управлений Военного министерства, членов Военного совета и Александровского комитета о раненых³⁶³

Однако все мероприятия, связанные с перестановками в командном составе, утрачивали своё значение в перспективе дальнейшего революционизирования армейских низов, сопровождавшегося резким падением дисциплины и боеспособности воинских частей. Уже в первые недели деятельности А.И. Гучкова на министерском посту выяснилось,

³⁶¹ Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 54.

³⁶² Кавтарадзе А.Г. Июньское наступление русской армии в 1917 г // Военно-исторический журнал. 1967 № 5. С. 113.

³⁶³ Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 121.

что обеспечение боеспособности русской армии зависит не только и не столько от перемен в её командном составе. Демократическая общественность, а под её влиянием солдатские массы и часть офицерства требовали масштабных реформ в вооруженных силах страны. Причем требования эти затрагивали как частные стороны военного быта, так и общие принципы взаимоотношений в войсках, проблему гражданских прав военнослужащих, вопрос о политической деятельности в армии. Но как раз здесь политика военного министра оказалась непоследовательной и неэффективной.

В первую очередь позиции Временного правительства ослаблялись отсутствием продуманной линии поведения и достаточно активных действий по вопросу о двоевластии в войсках. Быстрое распространение Приказа № 1 на фронте и в тылу, конечно же, беспокоило правительство и военного министра, но отнюдь не вызвало своевременной и внятной реакции с их стороны. Между тем офицерство, столкнувшееся с последствиями нерасторопности официальных властей, оказалось в крайне затруднительном положении. Первоначально появление Приказа вызывало просто недоумение. Так, 2 марта управляющий делами Академии Генерального штаба полковник А.И. Андогский, пытаясь добиться от представителей новых властей вразумительного ответа, писал: «Какие меры принимаются для того, чтобы одновременно с приказами Временного правительства, обязательными для всех, – не появлялись и не распространялись приказы отдельных лиц и организаций, не являющихся Временным правительством? Прошу заверения письменного от депутата Караулова, что это за приказ № 1 по гарнизону...»³⁶⁴

Чуть позже недоумение в сознании командного состава армии сменились откровенно тревожными настроениями. Например, главнокомандующий армиями Северного фронта В.Н. Рузский сообщал генералу М.В. Алексееву о том, что Приказ № 1 порождает «внутреннюю рознь между офицерами и нижними чинами». Рузский считал крайне важным «беззамедлительное разрешение и точное установление особым приказом взаимоотношений офицеров и нижних чинов»³⁶⁵.

Крайнее беспокойство результатами «правотворчества» Петроградского Совета высказали и лидеры правительственной партии – партии кадетов. Их реакция нашла отражение в Постановлении ЦК партии

³⁶⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 56. Л. 2.

³⁶⁵ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982. С. 19.

от 4 марта 1917 г., где о Приказе № 1 говорилось как о документе, «призывающем к неповиновению офицерам и вносящем опасное разложение в воинских частях»³⁶⁶.

Временное правительство и непосредственно военный министр, конечно же, не могли игнорировать возникшую проблему и пытались решать её в первую очередь с позиций восстановления порядка и сохранения дисциплины в армии. Осознание разрушительности Приказа № 1 для армейских устоев привело к появлению Приказа № 114 по военному ведомству, который был подписан А.И. Гучковым 5 марта. Как известно, гучковский приказ во многом повторял смысл положений Приказа № 1 в части ликвидации ограничений гражданских прав военных, и прежде всего нижних чинов. Его обнародование не внесло, однако, существенных изменений в стремительный процесс разрушения авторитарных принципов функционирования армейского социума.

Не остались равнодушными к возникшей проблеме и лидеры Петроградского Совета. Конечно, среди социалистов, оказавшихся в начальный момент революции в центре политической жизни столицы, не было единства мнений по «офицерскому» вопросу. Несомненно, умеренные лидеры так называемой «революционной демократии» были более осторожны в своих выступлениях, касавшихся положения командного состава и оценки лояльности последнего новой власти. Очевидно, они также улавливали пагубность слишком радикальной демократизации армии, чреватой острым разладом между солдатской массой и её командирами. Эта позиция и нашла отражение в обнародовании Приказа № 2 Исполкома Петроградского Совета. Хотя этот приказ, по сути дела, подтверждал основные пункты Приказа № 1, руководство Совета подчеркивало, что относится он только к Петроградскому гарнизону. Впрочем, Приказ № 2 (датированный 5 марта, а фактически выпущенный 6 марта 1917 г.), по справедливому замечанию В.И. Старцева, подобно своему предшественнику был истолкован солдатами-фронтовиками «как прямое руководство к выборам комитетов и слову старой дисциплины»³⁶⁷.

Следующее распоряжение А.И. Гучкова – «О назначении Комиссии для переработки законоположений и уставов в соответствии с но-

³⁶⁶ Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. Т. 3. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М., 1998. С. 355.

³⁶⁷ Старцев В.И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 г. М., 1978. С. 69.

выми правовыми нормами», отданное Приказом по военному ведомству № 115 от 6 марта 1917 г., ещё более поражает своей беспомощностью. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что среди важнейших и идущих в списке предполагаемых мероприятий в рамках «немедленного пересмотра всех законоположений, определивших донныне служебный и бытовой порядок жизни армии», под первым номером значилось следующее: «Установление порядка достижения в армии первого офицерского чина и унтер-офицерского звания; пополнение чиновниками». Лишь под пунктами 3, 4 и 5 формулировались наиболее злободневные проблемы армейской действительности: «Согласование внутреннего порядка в войсковых частях с новыми правовыми нормами; установление гражданских прав военнослужащих всех категорий; разработка предложений о мерах к улучшению служебного и материального положения всех военнослужащих»³⁶⁸

В итоге ситуация надолго замерла в одной точке. В записке, направленной высшему командованию, офицер 13-й полевой тяжелой артиллерийской бригады полковник Чернявский довольно метко охарактеризовал это состояние: «Власть выпала из рук начальства и в настоящее время лежит где-то между ним и солдатскими организациями»³⁶⁹.

Уже в марте 1917 г. офицерство стало резко выступать против складывавшейся в стране и в войсках системы двоевластия. Так, Петроградское телеграфное агентство передало обращение, принятое 16 марта объединенным комитетом солдат и офицеров Минска под председательством полковника Тупольского. Обращение, адресованное военному министру, а также Советам Петрограда и Москвы, в частности, гласило: «Не создавайте двоевластия, опасного для страны и губительного для фронта. Нам, находящимся на фронте, ясна в своей ужасной реальности вся опасность создающегося двоевластия... Мы ждем от вас снарядов, хлеба и снова снарядов»³⁷⁰.

Возвращаясь к замыслам военного министра, отметим, что исполнение второй, в тот момент, пожалуй, важнейшей части гучковского плана, натолкнулось на непреодолимые препятствия. Об этом свидетельствуют, по крайней мере, два ярких примера. Назначение генерала Л.Г. Корнилова главнокомандующим войсками Петроградского военно-

³⁶⁸ Сборник указов и постановлений Временного правительства. 1917. Вып. 1. С. 319.

³⁶⁹ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

³⁷⁰ Речь. 1917 17 марта.

го округа, предполагавшее сколачивание в столичном гарнизоне ударной силы для борьбы за укрепление власти и влияния Временного правительства, отнюдь не привело к искомому результату. По объективным причинам Л.Г. Корнилов, как ни пытался, не смог справиться с возложенной на него миссией.

Откровенную неудачу потерпел и план «похоронить» в бюрократической волоките рожденную в недрах Петроградского Совета «Декларацию прав солдата». Предварительное обсуждение соответствующих проектов в комиссии генерала А.А. Поливанова, которому А.И. Гучковым отводилась роль человека, способного приостановить натиск сторонников кардинальной демократизации армии, привело к обратному результату Поливанов, как и его преемник на посту председателя комиссии генерал В.Ф. Новицкий, не смог противостоять требованиям Совета. По словам самого Новицкого в передаче генерала Д.Г. Щербачева, завершающий этап деятельности комиссии (конец апреля 1917 г.) характеризовался тем, что она «умирает» и «принимает только решения вредные и развращающие армию»³⁷¹ В конечном счете члены комиссии одобрили текст «Декларации», которая способствовала ликвидации авторитарных основ функционирования русской армии.

Таким образом, все усилия военного и морского министра в сфере кадровой политики сводились на нет из-за невозможности переналадить механизм, обеспечивавший боеспособность армии и флота. В свою очередь масштабные кадровые перестановки, не подкрепленные восстановлением дисциплины и порядка, только усложняли ситуацию. Во-первых, в сознании представителей так называемой «революционной демократии» создавалось впечатление уступчивости, если не откровенной слабости официальной власти. Во-вторых, смещения и новые назначения армейских начальников, инициированные А.И. Гучковым, углубляли раскол в рядах офицерской корпорации как минимум по линии, разделявшей сторонников и противников революционного реформирования армии.

Смена военных министров, произошедшая в результате образования первого коалиционного Временного правительства в начале мая 1917 г., не привела к серьезным изменениям в положении офицерства. Керенский с его импульсивностью и отсутствием адекватных представлений об основах армейской жизни, придерживался наивного убеждения штатского человека о действенности расчетов на революционную сознательность войск.

³⁷¹ РГВА. Ф. 40239. Оп. 1. Д. 1. Л. 135.

В письме от 6 мая, адресованном бывшему офицеру – активному участнику революционных событий 1905 г в Красноярске А.И. Козьмину, которого он назначил помощником командующего Петроградским военным округом, Керенский достаточно откровенно, но не без свойственной ему рисовки излагал своё кредо. «На мне, как на первом Военном и Морском министре-социалисте, – писал Керенский, – лежит обязанность создать демократическую армию, твердую своей дисциплиной и спаянную революционной мыслью – вести человечество по пути свободы к общей цели демократии, как нашей, так и союзной: миру всего мира и созданию жизни на основах труда и справедливости. Демократическая армия должна добиться этих целей путем самых решительных действий, которые только и могут привести к быстрому достижению идеалов демократии и народных стремлений. Для создания такой армии особенно важно установить правильные отношения между командным и солдатским составом – отношения, полные взаимного доверия и понимания, легшие в основу новой дисциплины, без которой немислимо существование армии»³⁷²

Помимо Временного правительства и его Военного министерства другой силой, которая весной 1917 г. определяла умонастроения офицерства, влияла на статус, спектр прав и возможностей офицера в его профессиональной и общественной жизни, на восприятие офицерством произошедших в стране событий, на их оценку с точки зрения последствий революционного взрыва для состояния армии и собственного положения офицера, являлись политические партии России. А важнейшим средством отражения взглядов и мнений российских политиков об офицерстве являлась периодическая печать.

Российские либералы, опасаясь разрастания конфликта между командным составом и армейскими низами, судя по всему, намеренно не обнародовали в деталях факты расправ над офицерами в февральско-мартовскую страду 1917 г. Более того, согласно данным В.А. Журавлева, среди публикаций кадетской «Речи» по военной тематике, где «офицерский вопрос» занимал ключевое место, в период так называемого «двоевластия» на март приходилось лишь 21,7 % всех материалов, на апрель – 23 %, на май – 19 %, остальное – на июнь – начало июля 1917 г.³⁷³

Впрочем, совсем оставить без комментариев эксцессы первых дней революции было невозможно. Кадетская «Речь», намеренно не вдава-

³⁷² РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

³⁷³ Журавлев В.А. Периодическая печать о российском офицерстве 1917 г: нерешенные проблемы и трагические последствия // Клио. 1999. № 1. С. 60–61.

ясь в детали кровавых событий на Балтике, стремилась представить офицерство как социальную группу, без колебаний примкнувшую к революции. В сообщении газеты от 7 марта говорилось: «Вечером 3-го марта на судах Балтийского флота произошли крупные волнения, которые носили неорганизованный характер и вызваны были, по-видимому, тем, что флот не отдавал ещё себе отчета в сущности великих событий, происходящих в стране... Команда не ясно понимала, что весь офицерский состав, давно уже питавший чувства негодования на преступное поведение старого правительства, восторженно становится на сторону народа и самым решительным образом стремится к осуществлению нового строя»³⁷⁴.

Стремясь всячески поддержать офицерство, сохранить его высокий статус и права начальника, «Речь» помещала на своих страницах материалы соответствующего содержания. Так, 12 марта газета опубликовала статью профессора В. Плетнева «Воинская дисциплина», в которой со ссылками на исторические примеры, начиная от Древнего Рима вплоть до Великой французской революции, доказывалась необходимость сохранения в армии веками накопленного опыта. Касаясь современной ситуации в войсках, автор подчеркивал: «Офицеры, утвержденные новым правительством, должны иметь полный авторитет, ибо только в единой солидарности и взаимном уважении лежит залог внутреннего развита и внешней свободы»³⁷⁵.

В условиях «медового месяца» революции в либерально-буржуазной «Речи» могли появляться публикации по армейским проблемам, содержание которых мало чем отличалось от подобных материалов газет социалистического толка. В частности, 17 марта «Речь» напечатала заметку «Уничтожьте рабство денщиков» Л. Василевского, который, по сути дела, ратовал за скорейшую ликвидацию патерналистской системы отношений в армии и построение последних на демократических основаниях. Требуя скорее покончить с институтом денщиков, как наиболее нетерпимым проявлением прежней модели социального взаимодействия офицерства и солдатских масс, автор заодно высказался и по поводу нового статуса офицер. Автор покритиковал отдельные правила армейского этикета, которые якобы противоречили задаче демократизации, а потому подлежали отмене. «Признано, наконец, – отмечал Л. Василевский, – что офицер не барин и солдат – не слуга, что оба они граждане и офицер только специалист военного дела, не более. И крепкая

³⁷⁴ Речь. 1917 7 марта.

³⁷⁵ Там же. 12 марта.

дисциплина, спаивающая его и солдата, охватывает только и исключительно отношения по службе. Но если так, то необходимо сделать из этих признаний логический вывод. Надо, значит, отменить и обязательное отдание вне службы чести, и обязательность военной формы вне службы, и многое другое»³⁷⁶.

Победа революции, обеспеченная активным участием нижних чинов в восстании, выдвигала на повестку дня вопрос об удовлетворении требований солдат, стремившихся, с одной стороны, получить гарантии безопасности по возвращении в казармы, с другой – изменить сами правила казарменного существования, ослабить зависимость нижнего чина от воли начальника, вкусить свою долю от плодов революции в виде ликвидации казавшихся им унижительными уставных норм и ограничений. И социалисты, прежде всего в лице социал-демократа Соколова, поспешили откликнуться на эти запросы.

Впрочем, некоторые социалисты в деле революционизирования армии пошли ещё дальше. Одним из первых партийных печатных воззваний, чье содержание касалось положения в войсках и было призвано сформировать у солдат определенное отношение к офицерству, стал документ, подготовленный социал-демократом К.К. Юрениным и эсером В.А. Александровичем. В ночь на 1 марта они обнародовали обращение «Товарищи солдаты!» соответственно от имени Петербургского межрайонного комитета РСДРП и Петербургского комитета социалистов-революционеров.

Агитационные требования этой прокламации шли гораздо дальше Приказа № 1. В частности, документ гласил:

«Для того чтобы вас не обманули дворяне и офицеры – эта романовская шайка, – возьмите власть в свои руки. Выбирайте сами взводных, ротных и полковых командиров, выбирайте ротные комитеты для заведования продовольствием. Все офицеры должны быть под контролем этих ротных комитетов.

Принимайте к себе только тех офицеров, которых вы знаете как друзей народа.

Подчиняйтесь только делегатам, посланным от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов!

Солдаты! Теперь, когда вы восстали и победили, к вам приходят вместе с друзьями также и бывшие враги – офицеры, которые называют себя вашими друзьями.

³⁷⁶ Там же. 1917 17 марта.

Солдаты! Лисий хвост нам страшнее волчьего зуба. Ваш верный друг и брат – только рабочие и крестьяне...»³⁷⁷.

Понятно, что подобные заявления не отражали настроений ни большинства Петроградского Совета, ни большей части находившихся в столице эсеровских деятелей. 2 марта это воззвание было осуждено и дезавуировано как Советом, так и Первой петроградской конференцией социалистов-революционеров. Откликнулась на упомянутое обращение и газета «Известия» – орган Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В заметке «Офицеры и солдаты», опубликованной 3 марта, осуждалось «странное озлобление против всех офицеров», говорилось о том, у авторов возвания под подозрение «огульно, без исключений» попали «даже офицеры, перешедшие на сторону народа, действительные наши друзья...». Газета выражала уверенность, «что сознательные товарищи солдаты не поддадутся на эти призывы и не пойдут за легкомысленными составителями листка»³⁷⁸.

Впрочем, уже через несколько дней, 8 марта 1917 г., «Известия» начали печатать серию статей, направленных на дискредитацию высшего командного состава русской армии. Особенно досталось начальнику штаба Верховного главнокомандующего (впоследствии – Верховному главнокомандующему) генералу М.В. Алексееву. В частности, жесткие предписания Алексеева, стремившегося не допустить разоружения охраны железных дорог в прифронтовых местностях, были истолкованы как действия явно контрреволюционного характера. «Дух кровавого царя живет в начальнике штаба Верховного главнокомандующего», – говорилось в статье официального органа Петроградского Совета³⁷⁹.

10 марта «Известия» печатают заметку, название которой – «Генералы-усмирители» – говорило само за себя. Поводом к написанию послужил приказ генерала Радко-Дмитриева о необходимости сохранения в армии чинопочитания и, в частности, отдания воинской чести³⁸⁰.

14 марта газета помещает статью «Генералы-реакционеры», где обыгрывается эпизод, связанный с ограничением деятельности Всероссийского земского союза на фронте, эпизод, который вообще относился к концу 1916 г. Упрекая генерала Алексеева в этом поступке, автор статьи

³⁷⁷ Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. Февраль–октябрь 1917 г. М., 2000. С. 20.

³⁷⁸ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917 3 марта.

³⁷⁹ Там же. 8 марта.

³⁸⁰ Там же. 10 марта.

риторически вопрошал: «Как это назвать, и может ли во главе нашей армии стоять лицо, которое для сохранения старого порядка готово было оставить войско без хлеба и снарядов?»³⁸¹. В дальнейшем подобные атаки на офицерство продолжились, причем не только на страницах «Известий», но и других левых печатных изданий.

Обвинительные материалы социалистической прессы по отношению к командному составу армии были восприняты многими офицерами как несправедливое и унижающее достоинство всей корпорации действо. «С первых же дней революции, — вспоминал с горечью генерал А.С. Лукомский, — левая печать обрушилась на них (офицеров. — В.К.), изображая их как извергов, насильников, врагов народа, наемников царской власти, опричников»³⁸². Помимо рождавшегося у офицеров сожаления и чувства обиды, эта кампания реанимировала в широких слоях общест-венности прежний стереотип офицерства, возникший задолго до 1917 г. и по преимуществу связанный с событиями революции 1905–1907 гг. Но если ранее этот стереотип существовал главным образом в сознании образованных слоев общества, то теперь он активно внедрялся и в сознание низов, дискредитируя командный состав армии в целом.

Кроме того, умеренное большинство в руководстве Петроградского Совета оказалось не в состоянии парализовать резкие антиофицерские выпады и предотвратить появление в печати угрожающих высказываний своих радикально настроенных коллег. Таковым, например, было выступление Ю.М. Стеклова на заседании Совета 14 марта. Согласно воспоминаниям Н.Н. Суханова, «Стеклов говорил о контрреволюции, о мятежных генералах в Ставке, о беспощадном суде над ними, привезенными в цепях, о том, что эти генералы объявляются вне закона и каждый может их убить раньше чем... и т. д.»³⁸³. Соответствующая публикация появилась и в газете «Известия», одним из редакторов которой и автором статей о «генералах-реакционерах» являлся сам Стеков. Социал-демократ В.С. Войтинский, прочитавший этот материал вместе с товарищами на пути из сибирской ссылки в Петроград, позднее писал. «...помню заметку в "Известиях", предлагавшую объявить вне закона "мятежных генералов", с тем, чтобы каждый честный гражданин не только имел право, но и был обязан при встрече убить любого из них. Эта грубая подделка под образцы Великой французской революции, и притом

³⁸¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917 14 марта.

³⁸² Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С. 156.

³⁸³ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. С. 267.

не под лучшие, а под худшие образцы её, произвела на нас тягостное впечатление»³⁸⁴.

Параллельно с обличением старого генералитета газета «Известия» обрушивалась и на систему российского военного законодательства. 18 марта в статье «Телеграмма генерала Драгомирова» острой критике подверглась позиция офицерства, стремившегося в своей деятельности хоть как-то опереться на «букву закона». На этот раз объектом критики стала телеграмма генерала А.М. Драгомирова из действующей армии. Генерал сообщал о волнениях в тыловых частях армии, вызванных обнаружением Приказа № 1, и о том, что стабилизировать положение удавалось лишь «путем величайшего самообладания и выдержки офицеров, находящихся в весьма тяжелом нравственном состоянии». Драгомиров предлагал выпустить «специальное воззвание к армии с разъяснением, что все ныне действующие уставы и законы должны сохранять полную силу до выхода новых положений на их замену»³⁸⁵.

Призывая к скорейшему преобразованию устоев армейской жизни, автор упомянутой статьи выражал крайнее недовольство высказыванием Драгомирова: «Ещё один генерал оказался совершенно неспособен понять, что теперь происходит... В этих "ныне действующих уставах и законах слишком много нелепого и варварского"...»³⁸⁶. Отсутствие точного указания на то, что же конкретно должно быть подвергнуто ликвидации либо изменению в существовавшем военном законодательстве, по большому счету ставило под сомнение весь набор правил и норм поведения в армейском социуме, позволяло подчиненным оспорить любое приказание начальников. Такая позиция, сплошь и рядом проявлявшаяся в революционной риторике левых агитаторов из числа штатских, оказывалась крайне опасной для сохранения боеспособности армии. Распространение призывов к скорейшему слову прежних принципов функционирования вооруженных сил при отсутствии четких представлений о должном объективно способствовало процессу разложения армии. Это в конечном итоге приводило к тому, что солдатские массы начали воспринимать даже элементарные требования воинской дисциплины как пережиток несправедливых порядков дореволюционной эпохи.

Несмотря на остроту проблемы, руководство социалистических партий весной 1917 г. не изъявляло намерения выработать четкую ли-

³⁸⁴ *Войтинский В.С.* Указ. соч. С. 40.

³⁸⁵ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917 года. 18 марта.

³⁸⁶ Там же.

нию по отношению к офицерству, определить его статус и права в условиях развивающегося революционного процесса. Частью эта работа отдавалась на откуп Военному министерству, частью – функционерам, активно работавшим в Советах рабочих и солдатских депутатов, а также социалистической прессе. В итоге «офицерский вопрос» рассматривался социалистами от случая к случаю и далеко не в полном объеме.

Более или менее четкое представление о будущем офицерского корпуса было изложено в большевистской «Правде» 10 марта 1917 г. Автор статьи «Революционная армия и офицерство» писал: «Теперь замечается повсеместное присоединение офицерства к революции, о чем особенно хлопочут буржуазные слои общества, дабы взять дальнейшее направление революции в свои руки. Ввиду этого задачей современно-го революционного момента является создание своего революционно-го офицерства. Рядовые, унтер-офицеры, фельдфебели и другие отличившиеся в революционной борьбе солдаты должны быть произведены в офицеры; все участвовавшие в восстании офицеры должны быть повышены и поставлены на ответственные посты; все подозрительные слуги старого порядка вроде генералов Сандецких (бывший командующий Казанским военным округом. – В.К.), тоже присоединившихся к революции, должны быть заменены верными революционными людьми: ответственные посты должны быть переданы революционному офицерству»³⁸⁷.

Впрочем, эта точка зрения оказалась не вполне соответствующей общему настрою и видению ситуации высших партийных кругов после возвращения большевистского вождя из эмиграции. Для В.И. Ленина и его соратников, определявших общепартийный политический курс весной 1917 г., проблема реформирования армии, её демократизации и «офицерский вопрос» как одна из составляющих данной проблемы оказывались абсолютно неактуальными. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы Седьмой Всероссийской конференции РСДРП(б), проходившей с 24 по 29 апреля 1917 г. На форуме преобразования в русской армии отдельно не обсуждались, об офицерстве же говорилось крайне редко, да и то в контексте обличения сил, враждебных революционному движению. Так, например, текст резолюции «Об отношении к Временному правительству» содержал обвинения власти в том, что она «организует верхи командного состава армии против солдат»³⁸⁸ Един-

³⁸⁷ Правда. 1917. 10 марта.

³⁸⁸ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большеви-ков). Протоколы. М., 1958. С. 214.

ственным же практическим лозунгом, адресовавшимся в первую очередь фронтовикам, стал лозунг братания.

Эта позиция партийных верхов и солидарных с ними прочих делегатов конференции была легко объяснима. Говоря о начале второго этапа революции, который означал борьбу за переход власти в руки пролетариата, большевики уже предрешали будущее армии – замену её всеобщим вооружением народа. Перспектива реализации старого социалистического лозунга, который ориентировал на слом армии, служившей опорой эксплуататорскому строю, как тогда казалось большевикам, делала бессмысленной всякие реформы в войсках, включая демократизацию армии и, соответственно, решение «офицерского вопроса». В одном из документов партии, обнародованном уже летом 1917 г., подчеркивалось: «Демократизация армии не может быть достигнута... при сохранении и с помощью тех принципов, которые лежат в основе всех существующих армий вообще»³⁸⁹

Таким образом, большевистские функционеры и агитаторы, осуществлявшие свою деятельность в войсках, вплоть до второй половины июня 1917 г., не имели сколько-нибудь четкой, официально утвержденной программы по поводу конкретных действий в процессе реформирования армии и флота. Лишь Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), проходившая с 16 по 23 июня, представила достаточно определенную систему практических установок в отношении армии. Это вовсе не означало, что до этого момента деятельность в военной среде для партии имела второстепенное значение. Просто такая работа отдавалась на откуп её представителям в Советах и войсковых комитетах, а также многочисленным военным организациям большевиков, которые действовали довольно независимо как по отношению к центральным органам партии, так и по отношению к местным партийным комитетам. В частности, один из докладчиков на Апрельской конференции РСДРП(б) признавал, что Московская «военная организация автономна... самостоятельность организации вытекает из своеобразия выступлений солдатских масс»³⁹⁰.

Кроме того, весной 1917 г. армейские активисты из числа большевиков, конечно же, имели в своем арсенале ряд самых общих положений

³⁸⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы: Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959. С. 99.

³⁹⁰ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы... С. 155.

ний, которыми и руководствовались. Заключались эти установки в отстаивании требований выборности командного состава, предоставления солдатским массам максимальных прав участия в общественно-политической жизни страны и во внутренней жизни воинских частей. Одновременно партийцы всячески способствовали росту антивоенных и антиправительственных настроений. Со временем эффективность этой работы, благодаря пропаганде ленинских лозунгов передачи всей власти Советам и массовых братаний на фронте, существенно усилилась.

Не лучшим образом в отношении формирования четких практических установок применительно к процессу преобразований в армии обстояли дела и у меньшевиков. Ориентируясь на общую с большевиками программу РСДРП, положения которой в отношении армии одинаково принимались всеми социал-демократами, меньшевики не спешили выставлять на первый план лозунг замены армии всеобщим вооружением народа и превращением её в систему милиционных образований. Меньшевистские лидеры не были едины в оценке и интерпретации политики, касавшейся армии. Оборонческое большинство настаивало на укреплении вооруженной силы России, правда, на новых, демократических основаниях. В то же время и меньшевики-интернационалисты, как подчеркивает С.В. Тютюкин, «отнюдь не призывали к дезорганизации армии, бегству из окопов, братанию с солдатами противника и т. д.»³⁹¹. Но упор на необходимость интенсивной борьбы за демократический мир, реализуемый посредством агитации и пропаганды в войсках, создавал впечатление, что иные проблемы, связанные с армией, меньшевиков-интернационалистов не очень-то и интересовали.

Что же касается партии эсеров, которая весной 1917 г. являлась крупнейшей российской социалистической партией, то и она не выработала сколько-нибудь определенного взгляда на место и роль офицерства в демократизирующейся армии, а равно и на проблему взаимоотношений командного состава и солдатских масс. Официальные документы общепартийных форумов не зафиксировали единой позиции по этому вопросу. Усилия отдельных заинтересованных лиц привлечь внимание широкой партийной аудитории к насущным запросам армейской действительности, в том числе и к положению офицерства, особого успеха не имели.

Показательна в этом отношении попытка одного из ветеранов революционной работы в войсках прапорщика В.Л. Утгофа внести на рассмотрение III съезда партии эсеров, проходившего с 25 мая по 4 июня

³⁹¹ Тютюкин С.В. Меньшевизм: Страницы истории. М., 2002. С. 352.

1917 г., пункт о военных преобразованиях. Обращаясь к делегатам, он подчеркивал парадоксальность сложившейся ситуации: «Нам в Советах приходится иметь дело с вопросами, касающимися реорганизации армии. Сейчас фактически происходит перестройка постоянной армии, её реорганизация. Мы по данному вопросу никакого партийного ответа не имеем, а между тем наша работа в огромной степени зиждется на работе среди военных... Я хочу сказать, товарищи, что фактически законодательство в этой области происходит. Товарищ Керенский, будучи социалистом-революционером, не имеет в этом отношении никаких определенных указаний, и всякий законодательствует, как ему Бог на душу положит»³⁹². Делегаты съезда согласились включить в повестку заседаний вопрос о «демократической организации армии» после того, как он будет подвергнут предварительному обсуждению в одной из секций. Секционная же работа протекала вяло, а съезд более к этой теме специально не возвращался и соответствующей резолюции не вынес. Отношение большинства делегатов к практическим аспектам армейской политики было наглядно продемонстрировано в ходе выборов Центрального комитета ПСР: кандидатуру социалистического военного министра А. Ф. Керенского они забаллотировали!..

В результате судьба армии и офицерства в значительной степени зависела от того, какую позицию займут Советы. В Советах же войсковые функционеры из числа социалистов испытывали зачастую серьезное давление солдатской массы, уставшей от войны и требовавшей радикального изменения армейских устоев. Между тем, по справедливому замечанию С. А. Солнцева, «офицерский корпус, особенно его высшее звено, в силу самой своей профессии не мог не быть консервативным в вопросах реформирования армии и, естественно, считал проводившуюся демократизацию, по крайней мере в условиях войны, недопустимой»³⁹³. Таким образом, весной 1917 г. деятельность Временного правительства и политическая практика крупнейших российских партий создавали для командного состава вооруженных сил страны больше проблем, нежели реально содействовали решению вопросов о том, как обеспечить офицеру возможность полноценно исполнять свой служебный долг, как не допустить утраты боеспособности армии, а следовательно, и поражения России в мировой войне.

³⁹² Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1 ... С. 157–158.

³⁹³ Солнцева С. А. 1917: кадровая политика революции в российской армии // Отечественная история. 2004. № 3. С. 104.

ОФИЦЕРСТВО В ПОИСКАХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ВЕСНА – НАЧАЛО ОСЕНИ 1917 Г.)

1. «Левый» марш офицерства

Март 1917 г. – это время, когда ситуация потребовала от офицерства как минимум – формального декларирования своих политических взглядов (хотя бы в форме высказываний и заявлений), как максимум – активного участия в процессах преобразования общества «на новых началах». Последнее наиболее эффективно реализовывалось путем «хождения во власть», когда, например, посты уездных комиссаров Временного правительства и иные официальные управленческие должности замещались офицерами. Другой вариант политической карьеры офицера мог реализоваться посредством работы в какой-либо общественной организации. Вслед за свержением самодержавия в России развернулся мощный процесс создания политических организаций, общественных и профессиональных объединений. Не остался в стороне от этого движения и командный состав русской армии.

Самым распространенным способом приобщения к политической жизни в первые недели революции стало участие офицерства в образовании и деятельности комитетов общественной безопасности, объединенных Советов рабочих и солдатских и Советов солдатских (военных) депутатов. Однако в этих структурах офицерство чаще всего вынуждено было подчиняться общим правилам политической борьбы и испытывать доминирующее влияние либо со стороны штатских общественных деятелей, либо со стороны преобладавшей в самостоятельных Советах военных депутатов солдатской массы и её партийных руководителей. Лишь создание собственно офицерских организаций – союзов, советов, клубов позволяло командному составу претендовать на более или менее полноценное выражение интересов всей корпорации или определенной её части.

Одной из первых таких организаций стал Петроградский союз офицеров-республиканцев Народной армии. Это было наиболее левое по своей политической ориентации офицерское объединение. Союз возглавили лица, принявшие непосредственное участие в революционной борьбе в момент Февральского восстания – «офицеры 27 февраля». Так, члены президиума Союза – военный чиновник, статский советник Масловский (Мстиславский), офицеры Филипповский, Лощинский, Скобейко – являлись членами Военной комиссии первого состава, работавшей в Таврическом дворце 27–28 февраля 1917 г. Некоторые руководители организации ещё до революции вступили в ряды эсеров и социал-демократов.

5 марта на общем собрании были утверждены основные положения устава, согласно которому членами Союза могли стать офицеры, военные врачи и военные чиновники, разделяющие социалистические идеалы. Целью являлось установление в России демократической республики. Члены организации обязывались охранять добытые революционным народом свободы, бороться за переустройство армии на демократических началах, пропагандировать в войсках республиканские идеи. В качестве первоочередных мер по реализации декларируемых задач выдвигались: создание Народной гвардии, примирительных камер для разрешения конфликтов в воинских частях, издательская деятельность. Любопытно, что в случае прекращения работы Союза его имущество предполагалось передать Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов³⁹⁴

6 марта на заседании президиума Союза присутствовал военный комендант Петрограда полковник Б.А. Энгельгардт. Из отрывочных записей протокола заседания ясно, что Энгельгардт не одобрял резкий левый крен только что созданного объединения офицеров. Судя по всему, он отстаивал идею осуществления политических программ через представителей тех или иных партий и не приветствовал создания самостоятельной офицерской организации, стоящей на особой политической платформе: «Будет ли республика или Конституция (конституционная монархия. – В.К.) – безразлично, необходима связь (единство армии и офицерства. – В.К.)...»³⁹⁵.

7 марта были распределены обязанности членов президиума Союза. Председателем президиума был избран эсер, старший лейтенант В.Н. Филипповский. На него же возлагалось представительство при Испол-

³⁹⁴ Народная армия. 1917 7 марта; Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917 8 марта.

³⁹⁵ ГАРФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

нительном комитете Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Представителем в Военной комиссии Временного комитета Государственной думы стал большевик, подпоручик А.И. Тарасов-Родионов. Эсера С.Д. Масловского назначили редактором печатного органа Союза – газеты «Народная армия». Первый её номер вышел уже 7 марта. Штаб-квартира организации располагалась в Таврическом дворце (комната 42), в том же здании, где с момента образования 27 февраля находилась резиденция Петросовета.

9 марта через свою газету Союз обратился с воззванием к офицерам, разделявшим республиканскую платформу и идеи демократизации армии. «Контрреволюционная пропаганда начинает уже понемногу проникать в разные слои общества, – говорилось в воззвании; она пытается проложить себе путь и в армию – главный оплот нашей свободы, сея раздор между солдатами и офицерами, нашептывая ложные обвинения против общественных деятелей, ныне стоящих во главе (революционного. – В.К.) движения... Лучшее средство к тому, чтобы уничтожить последние пережитки Старого строя, смятенного мощным порывом народным в незабвенные февральские дни, заключается в широком распространении и закреплении идей, которыми вдохновляется в общественной работе Союз. Примкнуть к этой работе, стать в ряды борцов Слова, разъясняющих и распространяющих эти идеи, призывает Вас, товарищи, офицерский республиканский Союз»³⁹⁶.

Впрочем, не только слово, но и реальные дела могут быть записаны в актив Союза офицеров-республиканцев. Так, опасаясь бегства Николая II и его семьи за границу, Петроградский Совет поручил двум членам Союза Масловскому и Тарасову-Родионову возглавить отряд, на который возлагалась миссия ареста бывшего императора в Царском селе и препровождения его в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Правда, 9 марта, когда отряд прибыл к месту назначения, охрана Александровского дворца, в котором содержались Романовы, сумела убедить посланцев Петросовета в обоснованности опасений по поводу надежности содержания уже арестованных по приказанию Временного правительства членов царской семьи. В итоге дополнительных мер не потребовалось³⁹⁷.

Столичный Союз офицеров-республиканцев не ограничился деятельностью в пределах Петрограда. Он приступил к формированию своих

³⁹⁶ Народная армия. 1917 9 марта.

³⁹⁷ Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма... С. 97–98.

отделов в Ревеле, Выборге, Невеле, Харькове, Старой Руссе, Режицах, Аккермане и других городах³⁹⁸ Следуя примеру Петроградского Союза, офицерство создало целый ряд подобных организаций в провинции. Союзы и клубы офицеров-республиканцев возникли в Москве, Кронштадте, Свеаборге, на о. Даго, в Торопце, Перьми, Кавминводах и других населенных пунктах. Лозунги и программные установки Петроградского Союза офицеров-республиканцев, провозгласившего своей целью установление республики в России и проведение в армии демократических реформ, находили отклик не только в центре, но и на восточной окраине России. Так, в Омске в середине марта 1917 . Союз приветствовали офицеры 27 Сибирского стрелкового запасного полка и 104 ополченской конной сотни; с заявлением о присоединении к Союзу от имени офицеров, врачей и чиновников управления 3-й Сибирской стрелковой запасной бригады выступил её начальник полковник Левдиков³⁹⁹ 26 марта решение об образовании Союза офицеров-республиканцев приняла группа офицеров Владивостокского гарнизона⁴⁰⁰ 15 апреля была принята политическая платформа, а 23 апреля утвержден устав Союза офицеров-республиканцев Иркутского гарнизона Как подчеркивалось в печатном органе Иркутского Совета военных депутатов «Свободная армия», местный республиканский союз офицеров, военных врачей и чиновников был организован «по примеру Союза Петроградского»⁴⁰¹

Петроградский Союз не только стремился к установлению связей с родственными структурами – союзами и клубами офицеров-республиканцев на местах, но и пытался выступить в качестве общего центра, по мере возможности превращая разрозненные организации на местах в свои отделы. Так, 11 марта, приветствуя Московский клуб офицеров-республиканцев, петроградцы предложили членам этого объединения «тем или иным способом слиться с Союзом»⁴⁰². Руководство Союза разрабатывало инструкции, обращалось к демократически настроенному офицерству с информационными и циркулярными письмами. Одно из таких писем, содержавших просьбу считать излагаемую информацию секретной, было разослано во второй половине марта.

Документ наглядно отразил тревогу офицеров-социалистов по поводу, как им казалось тогда, начавшегося контрнаступления буржуа-

³⁹⁸ Народная армия. 1917 22 марта.

³⁹⁹ Известия Омского Совета рабочих и военных депутатов. 1917 15 марта.

⁴⁰⁰ Далекая окраина (Владивосток). 1917. 28 марта.

⁴⁰¹ Свободная армия (Иркутск). 1917 № 6. С. 23.

⁴⁰² ГАРФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 1. Л. 11об.

зии. «Пользуясь неосведомленностью провинции, — говорилось в письме, — члены Временного правительства, члены Временного комитета и те группы буржуазии, на которые они опираются, стремятся подорвать авторитет Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов... Две недели назад адъютант Военного министра полковник Плетнев был уличен в том, что объезжал казармы и настраивал солдат против рабочих и Исполнительного комитета... Две-три недели назад Гучков приказал освободить и даже назначить собиравшегося в Военный совет арестованного в Казани знаменитого усмирителя Сандецкого... Если дальнейшая совместная работа с Временным правительством сделается невозможной вследствие нарушения им договора, Исполнительный комитет и наш Союз оповестят Вас об этом и твердо надеются, что организованные Вами силы выступят на защиту народных интересов»⁴⁰³

Политическая платформа Петроградского Союза, оставаясь в основных чертах той же, что и в момент его образования, к середине марта 1917 г. была дополнена рядом существенных положений. Прежде всего, Союз принципиально заявлял о намерении тесно сотрудничать с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Обсуждать вопрос о войне президиум Союза первоначально не считал целесообразным. Руководство Союза объясняло такую позицию тем, что «разногласия в отношении к войне развиваются в обществе на теоретических основах, на практике же все общественные силы, независимо от их политических убеждений, принимают то или иное участие в войне»⁴⁰⁴ Впрочем, общее собрание членов организации 27 марта приняло резолюцию иного характера. В документе говорилось, что начатая ради захвата чужих территорий война «может быть закончена лишь общим миром» при отказе от аннексий и на условиях свободного самоопределения народов. Что касается Временного правительства, то Союз брал обязательство оказывать правительству поддержку, «поскольку оно будет выполнять опубликованную им по соглашению с Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов 2-го марта... политическую программу»⁴⁰⁵.

Петроградский Союз офицеров-республиканцев помимо агитационной и политико-просветительской деятельности предпринимал шаги к созданию так называемой «Народной гвардии», которая должна была стать военной опорой социалистов в борьбе с контрреволюцией. Прав-

⁴⁰³ ГАРФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–15.

⁴⁰⁴ Там же. Д. 1. Л. 5.

⁴⁰⁵ Там же. Д. 3. Л. 5.

да, в документах Союза это не высказывалось откровенно: речь шла о «защите интересов трудовых масс». Народную гвардию предполагалось сформировать из запасных полков Петроградского гарнизона во главе с офицерами, принявшими непосредственное участие в Февральском восстании⁴⁰⁶. Однако этот проект так и остался нереализованным. Не увенчалась успехом и идея преобразования Военной комиссии путем усиления её за счет представителей Союза и Петросовета. Военная комиссия, несмотря на формальное включение в неё ещё в первые дни революции всего состава исполкома Петросовета, очень скоро превратилась в структуру, подконтрольную официальной власти. Петроградский Союз офицеров-республиканцев, стремясь максимально распространить своё влияние на решение общеполитических и непосредственно армейских проблем, добивался включения своих представителей в различные государственные и общественные структуры революционной России. Так, трое членов Союза принимали участие во Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов, один представитель офицерской организации работал в Контактной комиссии Петросовета и Временного правительства, три человека представляли Союз в Комиссии по созыву Учредительного собрания. Члены Союза приняли непосредственное участие в разработке так называемой «Декларации прав солдата».

Структурными подразделениями Петроградского Союза, кроме его президиума, являлись комиссии, деятельность которых обеспечивала решение задач этой организации. 14 марта общее собрание членов Союза постановило учредить 12 комиссий: комиссию Народной армии и милиции, юридическую, финансовую, историческую, агитационную и другие⁴⁰⁷. Нам неизвестно, сколько из них было создано реально, но, судя по сохранившимся документам, более или менее эффективно работали агитационная и редакционная комиссии. Последняя, в частности, ведала изданием малоформатной газеты «Народная Армия». Основная тяжесть работы в Союзе ложилась на немногочисленную группу активистов – главным образом членов президиума, председателей комиссий, сотрудников редакции офицерского печатного органа. Всего таковых, по нашим оценкам, насчитывалось в марте–апреле около двух десятков человек.

Общее количество офицеров, военных чиновников и военных врачей, состоявших в Петроградском Союзе в указанный период, не поддаётся точной оценке. Сам Союз не обнародовал каких-либо сведений на

⁴⁰⁶ ГАРФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

⁴⁰⁷ Там же. Д. 3. Л. 29.

этот счет Однако известно, что его руководство было серьезно озабочено проблемой пополнения организации новыми силами. Так, уже 12 марта на заседании президиума был поднят вопрос «об облегчении условий вступления в Союз»⁴⁰⁸ Причины, порождавшие кадровый дефицит, были различными. Во-первых, это сама по себе малочисленность офицеров, придерживавшихся социалистических взглядов. Во-вторых, уже в марте 1917 г. у Союза появился серьезный конкурент – Петроградский Совет офицерских депутатов, который привлек в свои ряды значительную часть демократически настроенного офицерства столичного гарнизона и его окрестностей. Среди членов Союза даже возникла идея строить отношения с офицерским Советом на тех же принципах, на каких сложились взаимоотношения Петросовета и Временного правительства⁴⁰⁹. Наконец, сказывались и разногласия, возникавшие среди членов самого Союза в связи с их стремлением отстаивать политические установки тех партий, к которым они принадлежали.

В решении данной проблемы к середине апреля 1917 г. обозначились две тенденции. Первая заключалась в попытке опереться на провинциальные отделы и самостоятельные структуры офицеров-республиканцев, которые следовало объединить. С этой целью руководство Петроградского Союза готовилось созвать Всероссийский съезд, представлявший организации своих единомышленников. Так, на бланке информационного письма, сохранившегося в бумагах Союза и помеченного 11 апреля, помимо просьбы сообщить сведения о местных отделах сохранилось указание на «необходимость самой интенсивной работы» накануне предстоящего съезда⁴¹⁰. Действительно, созыв съезда мог увенчаться формированием масштабного политического объединения с центром в столице, а также способствовать оживлению деятельности офицеров-республиканцев.

Другая тенденция отражала мнение ряда членов Союза о необходимости его реорганизации. В частности, агитационная комиссия 16 апреля приняла следующее постановление: «Довести до сведения Президиума, что текущий момент требует от агитатора вполне определенной политической физиономии, для чего и необходимо принять нужные меры, учитывая, что выступление агитатора от лица Союза офицеров-республиканцев как органа, объединяющего даже только социалистические партии, невозможно, так как практического объединения социали-

⁴⁰⁸ ГАРФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

⁴⁰⁹ Народная армия. 1917 19 марта.

⁴¹⁰ ГАРФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.

стических партий нет. Считая, что соглашение между социалистическими партиями может быть достигнуто хотя бы в пределах более или менее узких рамок, комиссия предлагает Президиуму:

Организовать Союз офицеров-социалистов при санкции его всеми социалистическими партиями. Причем задачи Союза таковы:

1) Пропаганда социализма среди офицеров и солдат как в среде, имеющей определенное государственное значение.

2) Объединение партийных, внепартийных и сочувствующих социализму офицеров-социалистов на случай блока социалистических партий и общих выступлений этого блока.

3) Создание ядра офицеров-социалистов как кадровых лиц, имеющих специальное боевое образование и могущих быть использованными в революционные моменты как организованные боевые силы.

4) Допустить агитаторов работать как лиц, принадлежащих или сочувствующих той или другой социалистической партии, как то будет диктовать ему его внутреннее убеждение»⁴¹¹.

В конечном итоге идея реорганизации Союза офицеров-республиканцев возобладала. По всей вероятности, это стало результатом провала усилий руководства Союза по созыву Всероссийского съезда. Однако осуществленные преобразования качественным образом изменили прежний характер организации: из офицерской она превратилась в смешанное объединение военных чинов, разделявших социалистические убеждения.

25 апреля 1917 г. было созвано общее собрание Петроградского Союза, где и было принято решение о его дальнейшей судьбе. Как подчеркивало руководство организации, «состав группы (членов Союза. — В.К.) увеличивался довольно туго». Кроме того, налицо было «несоответствие наименования существу Союза и недостаточная широта программы», что собственно и предопределило замену «политического знамени (Союза — В.К.) на знамя социальное и расширение его программы»⁴¹². По существу же данные заявления означали признание кризиса в деятельности социалистического офицерского объединения. Выход был найден на пути преобразования Союза офицеров-республиканцев в Союз социалистов Народной Армии.

Новое объединение, однако, не сумело создать широкого фронта социалистов ни в русской армии, ни даже в пределах Петроградского

⁴¹¹ ГАРФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

⁴¹² Там же. Д. 3. Л. 33.

военного округа. Разногласия среди крупнейших социалистических течений России, включая отказ большевиков от объединения сил с так называемыми «мелкобуржуазными» партиями, а также раскол на обонцев и интернационалистов среди эсеров и меньшевиков по большому счету резко сужали возможности решения задач, выдвинутых новой военно-политической организацией. Можно с уверенностью сказать, что с мая 1917 г., если не раньше, движение офицеров-республиканцев, несмотря на продолжавшуюся работу нескольких провинциальных союзов, утратило тот вес и значение, которые оно имело в первые полтора-два месяца после падения монархии в России. Об этом, в частности, свидетельствует и отход целого ряда видных функционеров Петроградского Союза (В.Н. Филипповский, С.Д. Масловский, А.И. Тарасов-Родионов и др.) от активной деятельности в рядах преобразованной организации.

Другим типом левых офицерских организаций стали Советы офицерских депутатов. Весной 1917 г. процесс создания этих объединений охватил территории нескольких военных округов. Как и союзы офицеров-республиканцев, Советы офицерских депутатов активно включились в политическую борьбу, отстаивая проведение революционных преобразований и реформ в армии. Что же касается общего спектра вопросов общественно-политической жизни страны, то эти организации, как правило, ориентировались на лозунги и политические установки Петроградского и провинциальных Советов рабочих и солдатских депутатов.

Первым по времени образования подобным офицерским объединением стал Петроградский Совет офицерских депутатов. Если в истории Союза офицеров-республиканцев точкой отсчета являлись события 27–28 февраля 1917 г., то начальными вехами в процессе образования Совета офицерских депутатов Петрограда и его окрестностей следует считать уже упоминавшиеся митинги офицеров 1 и 2 марта в здании Офицерского собрания Армии и Флота на Литейном проспекте. Эту довольно разнородную по своим взглядам группу офицерства объединяло в значительной степени стремление опереться на реально существующую власть и необходимость преодолеть отчужденность от солдатских масс, которые, как и городские низы, проявляли острую враждебность по отношению к командному составу в дни переворота. «Офицеры 2 марта», как они будут поименованы в первом выпуске бюллетеня Петроградского Совета офицерских депутатов, мучительно искали выход из сложившейся тупиковой ситуации: ««У всех... сознание, что какая-то неведомая сила отделила нас от солдат, с которыми многие... несколько дней тому назад делили горе и радость боевой страды, что

нам не верят, что нас почему-то считают оплотом старого режима, и поэтому мы совершенно незаслуженно в стороне от великого дела», – вот те горькие мысли, которыми (как сообщали авторы издания. – В.К.) делилось офицерство»⁴¹³

Уже ночью 2 марта был учрежден Временный комитет, на который возлагалась функция оповещения офицерства Петрограда о предстоящем общем собрании офицеров гвардии, армии и флота. Собрание открылось 3 марта на Литейном в присутствии двух членов Государственной думы. Офицеры избрали новый офицерский комитет в составе 21 человека. А тот в свою очередь избрал президиум во главе с генерал-майором Зайцевым. На следующий день, стремясь максимально объединить в рамках формирующейся общественной структуры большинство офицеров Петрограда, исполнительный комитет постановил: «Предложить всем строевым частям и всем учреждениям гарнизона города Петрограда и его окрестностей, учреждениям военного ведомства, а также Балтийскому флоту и Отдельному пограничному корпусу избрать своих представителей в офицерскую организацию; каждая воинская часть или учреждение избирает по одному представителю; части и учреждения, имеющие офицерский состав свыше 100 человек (неполные сотни считаются за полные), избирают по одному представителю на каждые 100 человек, но не свыше трех человек от части или учреждения»⁴¹⁴.

Идея образования организации, которая объединяла бы командный состав частей столичного гарнизона именно в форме Совета офицерских депутатов, возникла не сразу. Важной предпосылкой в данном случае явилась необходимость решения проблемы политической идентификации новой общественной структуры, которой уже на начальном этапе её существования пришлось взаимодействовать с представителями Совета рабочих и солдатских депутатов и Военной комиссии Временного комитета Госдумы. Так, 5 марта в Таврическом дворце под председательством Н.С. Чхеидзе состоялось обсуждение вопроса о Приказе № 1 с участием представителей названных организаций. Причем один из депутатов Петросовета заявил о желательности работы с офицерами только тогда, «когда они... будут иметь определенное лицо». Член Временного комитета столичного офицерского объединения штабс-капитан Вржосек высказался в том духе, что офицерство организуется, стремясь к совместной товарищеской работе с солдатами. Но поскольку нет воз-

⁴¹³ Петроградский Совет офицерских депутатов. № 1... С. 3.

⁴¹⁴ Русский инвалид. 1917 7 марта.

возможности «войти непосредственно в Совет солдатских депутатов... следует создать организацию офицерства по тому же принципу, т. е. создать Совет офицерских депутатов из выборных от всех частей Петроградского гарнизона»⁴¹⁵

Ещё до намеченного на 9 марта общего собрания часть избранных офицерами депутатов 6 марта устроили заседание в Таврическом дворце. Проводилось оно под председательством подполковника Генерального штаба Гущина, который вскоре и займет лидирующее положение в Петроградском Совете офицерских депутатов. Были выслушаны прибывшие с фронта офицеры. Они с тревогой говорили о негативном влиянии на действующую армию Приказа № 1. Не отрицая в целом значения этого документа, собравшиеся настаивали на необходимости борьбы с последствиями непонимания и неверной интерпретации Приказа⁴¹⁶

Спустя три дня организация «офицеров 2 марта» окончательно конституировалась в форме Совета. В работе собрания участвовал 231 депутат от столичного офицерства. (К середине апреля 1917 г. эта цифра возросла до 314 человек)⁴¹⁷. Сюда же прибыл и ряд приглашенных политических деятелей: генерал Л.Г. Корнилов, члены Госдумы полковник Энгельгардт, подъесаул Караулов и др. В ходе дискуссии о программе действий новой общественной структуры столкнулись две точки зрения. Значительная часть офицерства стремилась укреплять боеспособность армии и единение с солдатскими массами, придерживаясь принципа невмешательства в общеполитические вопросы. Другая позиция, отстаиваемая левым офицерством, заключалась в том, чтобы Совет обрел полноценную политическую платформу.

По свидетельству участника собрания А.И. Тарасова-Родионова, сторонники второй точки зрения сумели убедить большинство присутствующих, «что только политическая платформа⁴¹⁸ может достаточно объединить офицерство и сблизить его с солдатами». Итогом офицерского форума стала резолюция, в которой получили отражение не только лозунг необходимости взаимного доверия между офицерством, солдатами и всеми гражданами страны, но и вопросы о войне, об отношении к Временному правительству, к Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Резолюция, в частности, гласила: «Довести войну с

⁴¹⁵ Петроградский Совет офицерских депутатов. № 1... С. 5.

⁴¹⁶ Там же. С. 6.

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ ГАРФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

германским милитаризмом до победного конца и бороться с контрреволюцией, откуда бы она ни шла. Приветствовать единение, достигнутое Советом рабочих и солдатских депутатов с Временным правительством, поручив Временному комитету офицерских депутатов установить способы взаимной работы с Советом рабочих и солдатских депутатов. Довериться Временному правительству впредь до решения Учредительного собрания, созванного на основании всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов»⁴¹⁹

11 марта 1917 г. состоялось очередное общее собрание офицерского Совета. Оно ознаменовалось двумя важными событиями. Избранием Исполнительного комитета и первой попыткой Совета выступить в защиту представителей офицерской корпорации. Исполнительный комитет был сформирован из офицеров армии, флота, различных управлений, штабов и иных воинских учреждений. Кроме того, в его состав, насчитывавший всего 30 человек, вошли три военных чиновника и два врача. Председателем Исполнительного комитета Совета был избран молодой подполковник А.И. Гуцин – один из многих офицеров, пытавшихся сделать стремительную политическую карьеру на волне революции.

В самом начале заседания Совета 11 марта слово было предоставлено подполковнику Узембло, который, рассказав о тяжелой ситуации в Кронштадте, заметил, что является единственным, избежавшим ареста из оставшихся в живых артиллерийских офицеров Кронштадтского гарнизона. Тут же Совет образовал комиссию из трех офицеров, поручив ей вступить в контакт с Временным правительством и Петросоветом для урегулирования болезненной проблемы. Ещё до окончания работы собрания один из членов этой комиссии, делегированный в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, сообщил о том, что в результате переговоров Петросоветом было принято постановление направить группу депутатов во главе с М.И. Скобелевым (меньшевик, член исполкома Совета. – В.К.) в Кронштадт «для урегулирования создавшегося там положения»⁴²⁰.

Помимо столичного офицерского Совета в России возникло ещё несколько подобных организаций. Быть или не быть офицерскому Совету в том или ином гарнизоне зависело от многих причин, в частности от позиций, которые занимали солдатские Советы, равно и политических настроений самого офицерства. Так, по сообщению Петроградского те-

⁴¹⁹ Русский инвалид. 1917 10 марта.

⁴²⁰ Петроградский Совет офицерских депутатов. № 1... С. 9.

леграфного агентства, 10 марта в Тифлисе состоялось собрание офицеров местного гарнизона. Заявляя о всемерной поддержке революции, нового правительства и лозунга «Война до победы», офицеры постановили: «Во имя указанного не создавать сепаратной офицерской организации, а слиться с существующим Советом солдатских депутатов»⁴²¹.

В некоторых случаях, проработав несколько недель или месяцев автономно, офицерские Советы объединялись в единую организацию с солдатскими Советами. Например, по данным И.А. Попова, в Западной Сибири из четырех офицерских Советов, созданных в Тюмени, Кургане, Барнауле и Томске, к концу апреля 1917 г. продолжил свою деятельность только один – Совет офицерских депутатов Томского гарнизона⁴²². Последний являлся одной из наиболее левых по своей политической направленности офицерских организаций и просуществовал до декабря 1917 г.

Возвращаясь к вопросу об общем политическом курсе Петроградского офицерского Совета в марте – апреле 1917 г., отметим, что в силу ряда причин он был довольно неустойчивым. В представлениях некоторых офицеров, разделявших социалистические убеждения, этот орган даже казался прибежищем офицерства, ориентированного на установки кадетской партии. Так, корреспондент печатного органа Совета офицерских депутатов Томского гарнизона, сравнивая деятельность Петроградского Союза офицеров-республиканцев и столичного офицерского Совета, подчеркивал: «Совет офицерских депутатов представляет собою организацию кадетского течения офицерской массы, меж тем как союз республиканцев-офицеров учреждение чисто революционно-демократическое»⁴²³. Правда, в другом, более позднем сообщении тот же автор, несколько изменив и конкретизировав свою оценку, писал: «Будучи кадетским с первых дней своего зарождения, он (офицерский Совет – В.К.) силой все возрастающей революции принужден был леветь, приближаясь *volens nolens* к платформе Совета солдатских и рабочих депутатов. Но ряд соображений удерживал его от полной поддержки платформы Совета солдатских и рабочих депутатов, заставляя его в лучшем случае лавировать более или менее удачно между революционной демократией и Временным правительством кадетского состава»⁴²⁴.

⁴²¹ Речь. 1917 11 марта.

⁴²² Попов И.А. Советы военных депутатов Западной Сибири (март 1917 – весна 1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 14–15.

⁴²³ Известия Совета офицерских депутатов Томского гарнизона. 1917 28 апр.

⁴²⁴ Гражданин-офицер (Томск). 1917. 25 мая.

Эти оценки современника, на наш взгляд, верны лишь отчасти, ибо здесь тяготение к правому флангу политического спектра российского социума со стороны Петроградского офицерского Совета оказалось явно преувеличенным. Характеризуя деятельность этой структуры в марте–апреле 1917 г., следует учитывать целый ряд обстоятельств. Конечно, при подавляющем преобладании в Совете беспартийных депутатов в первом составе его исполкома определенно обозначилось представительство правых политических течений. Например, заместителем председателя исполкома был избран член фракции кадетов в I Государственной думе полковник А.А. Свечин. Среди лиц, избранных в исполком, оказался и депутат IV Государственной думы, октябрист, полковник Б.А. Энгельгардт. Последний принял самое непосредственное участие в организации Совета и даже председательствовал на его общем собрании 9 марта 1917 г. Вместе с тем в исполком вошли и социалисты: в частности, бывший адвокат, социал-демократ штабс-капитан С.К. Вржосек, большевик, подпоручик А.И. Тарасов-Родионов. Впрочем, последний, как и представители правого политического спектра в Совете – полковники Свечин и Энгельгардт, через непродолжительное время отошел от участия в работе этой офицерской организации. Преобладание в Совете людей, традиционно аполитичных, а потому слабо разбиравшихся в тонкостях партийных программ и в особенностях складывающейся на политической арене расстановки сил, приводило к возникновению ряда противоречий при выработке общей линии поведения Совета.

Эти противоречия во многом обуславливались и противостоянием двух течений в самом Совете. Одни офицеры стремились превратить Совет в орган защиты интересов офицерства и одновременно в структуру, направляющую свои усилия на обеспечение боеспособности армии. Таким образом, Совет мыслился скорее как чисто профессиональная организация надпартийного характера. Подобного рода ориентация депутатов наглядно отразилась в ходе создания комиссий Совета 25 марта 1917 г. Из девяти образованных комиссий, помимо «нейтральных» – финансовой и хозяйственной, наибольшее число (четыре комиссии) составили структурные подразделения, отвечавшие потребностям профессионального характера. Так, в Совете появились примирительная комиссия («по разбору недоразумений между офицерами и солдатами»), комиссия по организации сношений с действующей армией, комиссия по делам военных заводов, военная («по внутреннему устройству войск») комиссия⁴²⁵

⁴²⁵ Петроградский Совет офицерских депутатов. № 1... С. 15.

Сторонники другого течения пытались в первую очередь определиться с ответами на вопросы, которые считались наиболее важными в общероссийских политических сферах. Эти люди, учитывая цели и характер деятельности как Петросовета, так и Временного правительства, желали превратить офицерский Совет в организацию политическую, которая могла бы взяться не только за решение проблем армии и офицерства, но и выступать в качестве самостоятельного субъекта «высокой» политики. Как показали дальнейшие события, указанное течение возобладавало в руководстве Совета, которое повело борьбу за тесное сближение, а при возможности и объединение с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.

Следует также принять во внимание и другой факт. В «медовый месяц» революции в общественном мнении граждан России довольно распространенным было представление о единстве всех политических сил, участвовавших в низвержении старого порядка. Это не могло не отразиться и на общей линии поведения Совета офицерских депутатов. Кроме того, и Временное правительство, и Петросовет лишь постепенно разворачивали и уточняли свои политические платформы. Причем на начальном этапе революции между обеими структурами осуществлялось своего рода распределение ролей, которое, как могло показаться, исключало возможность острых конфликтов. Так, В.И. Старцев в данной связи отмечал: «Совет осуществлял контролирующие функции по отношению к Временному правительству. Он сосредоточил своё внимание в основном на обеспечении своего реального права в распоряжении военной силой, а затем в определении целей внешней политики России. В вопросы, непосредственно относящиеся к внутренней политике правительства в узком смысле, Совет практически не вмешивался, передоверив их полностью соответствующим ведомствам правительства»⁴²⁶

В этих условиях руководство Совета офицерских депутатов не столько лавировало, сколько пыталось в своей деятельности примирить различные подходы к вопросам государственной политики, исходя из представления о важности сохранения единства всех революционных сил. Так, 20 марта на собрании офицерского Совета с участием представителей исполкома Петросовета, резюмируя итоги дискуссии об отношении к войне, председательствующий штабс-капитан Вржосек заявил, что «разница между лозунгами "Война до победы" и "Война за свобо-

⁴²⁶ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С. 126–127.

ду" лишь видимая»⁴²⁷ Эта же позиция обуславливала первоначальный отказ руководства Совета оперировать в своей риторике категориями, характерными для дискурса так называемой «революционной демократии», – категориями, отражавшими классовый подход к революционному процессу в России.

Активно участвуя в обсуждении «Декларации прав солдата», в работе комиссии генерала Поливанова, в иных мероприятиях, касавшихся преобразования различных сторон армейской и общеполитической действительности, Петроградский Совет офицерских депутатов, казалось, должен был обрести значительный политический вес, позволявший существенно влиять на исход тех или иных решений и изменений в военной сфере. Однако этого не произошло. Роль представителя интересов самых широких слоев российского офицерства Совету также оказалась не по плечу. Кроме того, становилась всё более очевидной неспособность Временного правительства вывести вооруженные силы России из состояния внутреннего кризиса. Всё это уже к середине апреля 1917 г побудило лидеров самой многочисленной офицерской организации Петрограда сделать ставку на более тесное сближение с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов и созвать под своей эгидой общероссийский офицерский съезд.

Сближение с Петросоветом выражалось не только в совместных заседаниях с представителями его солдатской секции и делегировании в её состав офицерских депутатов, но и в поддержке (с незначительными оговорками) идей манифеста «Ко всем народам мира», принятого Петросоветом ещё 14 марта. Вынося свои постановления, офицерская организация теперь больше рассчитывала на помощь Петроградского Совета, нежели на возможности Временного правительства. Так, 15 апреля, приняв резолюцию, осуждавшую политические шаги только что вернувшегося из эмиграции вождя большевиков, общее собрание офицеров поручило своему исполкому «войти в контакт с Советом рабочих и солдатских депутатов в целях обезвреживания деятельности Ленина и его приверженцев и для выяснения личности приехавших с ним»⁴²⁸.

Во второй половине апреля 1917 г., после того как офицерский Совет Петрограда дипломатично приветствовал мирное завершение Апрельского кризиса, изменяется язык и политическое содержание документов этой общественно-политической организации. В двух выпус-

⁴²⁷ Петроградский Совет офицерских депутатов. № 1... С. 14.

⁴²⁸ Русский инвалид. 1917 17 апр.

ках её бюллетеня, изданных в преддверии созываемого в столице офицерского съезда, эти перемены нашли наглядное отражение. Освещая важнейшие вехи деятельности Совета, излагая его скорректированное политическое кредо, лидеры организации приняли на вооружение распространённую среди социалистов концепцию резкого контраста в отношениях солдата и офицера до и после падения монархии в России: «Старый военный порядок, основанный на крепостническом начале, – говорилось в передовой статье первого бюллетеня Совета, – давал офицеру роль крепостника – хозяина по отношению к его подчиненным; вопрос о доверии подчиненных к своему начальнику не имел абсолютно никакого практического значения. Теперь создано иное положение. Для дружной совместной работы, основанной на новой, уже санкционированной жизнью идее солдата-гражданина, необходимо это доверие, определяющееся известной общностью взглядов на разрешение политических и социальных проблем»⁴²⁹.

Отталкиваясь от этой популярной в социалистических кругах социальной схемы, лидеры Петроградского офицерского Совета доказывали, что офицерство в массе своей разночинное и по доходам близкое к трудящемуся классу, согласно своим мировоззренческим установкам и политическим устремлениям также не должно отделять себя ни от лозунгов, ни от действий российского пролетариата и крестьянства. «Что представляет из себя заурядное офицерство? Разве это богачи? Разве это помещики? Разве это капиталисты-промышленники? Конечно нет!.. Офицерство можно было бы причислить к интеллигентной разночинной группе вообще, – заявляли руководители Совета... – этой интеллигентной офицерской группе и по своему социальному положению, и по требованию реальной работы рука об руку с трудовым народом, необходимо подойти к пролетарской группе рабочих, к мировоззрению трудящегося рабочего класса и трудового крестьянства»⁴³⁰.

Одним из важнейших следствий такой политической логики руководителей Петроградского Совета офицерских депутатов стала предложенная ими программа работы офицерского съезда, открытие которого было намечено на 8 мая 1917 г. Открывали программу пять пунктов, посвященных исключительно общеполитическим проблемам российской действительности. Первым был вопрос о деятельности Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, их взаи-

⁴²⁹ Петроградский Совет офицерских депутатов. № 1... С. III.

⁴³⁰ Там же. С. III–IV

моотношениях. Далее шли вопросы об Учредительном собрании, о войне, земельный и рабочий вопросы. Лишь последний, шестой пункт программы напрямую относился к проблемам армии и был сформулирован согласно нормам «революционно-демократического» дискурса – «реорганизация армии на демократических началах». По всем вопросам в качестве основных докладчиков были назначены члены исполкома Петроградского офицерского Совета, включая его председателя подполковника Гущина⁴³¹

Телеграммы с извещением о созыве Всероссийского офицерского съезда в столице были разосланы в Ставку, в штабы фронтов, армий, корпусов и дивизий действующей армии, а также в штабы военных округов. В извещении говорилось, что съезд созывается в «целях объединения чинов народной армии и флота». Более обстоятельно задачи съезда были обрисованы в статье члена исполкома офицерского Совета, военного чиновника В.Г. Левшица, помещенной во втором выпуске бюллетеня «Петроградский Совет офицерских депутатов». Автор пояснял: «Основная мысль, служившая причиной созыва Всероссийского съезда офицерских депутатов – это отсутствие, и в настоящее время, полного объединения офицеров и солдат, необходимо найти те общие идеалы, которые могли бы дать прочную спайку офицеров и солдат как одного братского целого, как единой воинской товарищеской семьи... У офицерства, как у работающего рука об руку с солдатом, должен быть **общий язык в политической жизни** (выделено мною. – В.К.), без этого мы берем на себя смелость утверждать, что у солдат не найдется того общего языка, того доверия к офицерству, которое только и могло бы создать в будущем тесное единение офицерства и солдат, крепкую, единым духом спаянную, непобедимую армию. И офицерство, будучи последовательным, должно дать на эти вопросы вполне определенный ответ»⁴³²

Функционер столичного офицерского Совета раскрыл и конечный смысл планируемого мероприятия. Важнейшей целью, согласно плану организаторов съезда, являлось создание общероссийской общественной структуры, которая получила бы полномочия действовать на политической арене страны от лица всего русского офицерства. «Только при условии отчетливости позиции, – подчеркивал Левшиц, – тот Центральный Совет всероссийского офицерства, в каковой, может быть, выльется Всероссийский съезд офицерских депутатов, сможет сплотить вокруг се-

⁴³¹ Там же. С. 22.

⁴³² Петроградский Совет офицерских депутатов. № 2. Пг., 1917. С. 2, 9.

бя офицерство, знающее, во что оно верит в настоящем и чего оно ждет от будущего»⁴³³.

Активизация деятельности столичного офицерского Совета отчасти была обусловлена сведениями о предстоящем созыве другого офицерского съезда, который инициировала в середине апреля 1917 г. группа офицеров Ставки. Было совершенно очевидно, что планируемый в Могилеве офицерский съезд может пройти под совершенно иными лозунгами, нежели те, что выдвигали питерцы. В этих условиях обнаруженная платформа и смысл намерений руководства офицерского Совета, так или иначе отвечавших духу «революционно-демократических» преобразований армии, нашли живой отклик в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

27 апреля 1917 г на страницах газеты «Известия» была опубликована резолюция бюро исполкома Петросовета, в которой говорилось: «Обсудив заявление Исполнительного комитета Совета офицерских депутатов армии и флота о созыве в Петрограде 8 мая Всероссийского съезда офицерских депутатов для тесного объединения революционного офицерства на политической платформе организованной революционной демократии, Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов считает таковой съезд и именно в Петрограде крайне желательным, своевременным и со своей стороны всячески поддерживает этот съезд и примет в работах его активное участие. Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, будучи хорошо знаком с деятельностью Петроградского Совета офицерских депутатов армии и флота, свидетельствует, что созываемый им съезд революционного офицерства ни в коем случае не может в чем-либо противоречить интересам объединенных солдат, офицеров и крестьян»⁴³⁴.

Вдохновленные перспективой такой основательной поддержки, лидеры столичной офицерской организации приложили максимум усилий для того, чтобы и контингент избранных депутатов соответствовал политической линии Петроградского Совета офицерских депутатов. Показательны установленные нормы делегирования депутатов на съезд. Здесь Совет стремился уравновесить присутствие на форуме представителей фронтового и тылового офицерства. Так, одна пехотная дивизия действующей армии должна была присылать на съезд двух офицеров, между тем как пехотные части, квартировавшие в тыловом военном

⁴³³ Петроградский Совет офицерских депутатов. № 2. Пг., 1917. С. 12.

⁴³⁴ Известия. 1917. 27 апр.

округе (запасные полки, дружины ополчения), в общей сумме получали возможность делегировать 10 человек. Мизерным было представительство от флотских офицеров: от Гельсингфорса – всего трое, два делегата от Кронштадта, два делегата от Ревеля и т. п.⁴³⁵

На местах в тылу также осуществлялся своего рода «отбор». Солдатская масса и её лидеры стремились не допустить на съезд избранных офицерами делегатов, если они вызывали подозрения в нелояльности «революционной демократии». Так, комитет 20 Сибирского стрелкового запасного полка наложил своё вето на решение офицеров части направить в качестве делегата Всероссийского офицерского съезда в Петрограде прапорщика Громова, выступавшего ранее за раздельное существование военного и рабочего Советов в Омске⁴³⁶.

Как известно, несмотря на все усилия организаторов, офицерский съезд в Петрограде не выполнил главной задачи – создания общероссийского объединения командного состава русской армии на основе политических установок, близких к платформе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Уже сама повестка дня, в которой общеполитические вопросы российской действительности оказались на первом месте, а проблемы состояния и реформирования армии – на последнем, вызвала неудовольствие части делегатов. Как показано в исследовании И.Н. Гребенкина, решения съезда содержали в себе глубокие противоречия⁴³⁷. Делегаты не смогли примирить политические установки «революционной демократии» с широко распространенными среди офицерства взглядами о губительности происходящего в войсках процесса демократизации, о необходимости доведения войны до победы и неприемлемости для армии состояния двоевластия в стране. Всё это вызвало глубокий раскол среди участников офицерского форума.

Откровенная неудача Петроградского съезда отразилась и на состоянии столичного офицерского Совета. В документах Совета сохранился бланк циркулярного письма к депутатам Совета, который свидетельствует о серьезном кризисе организации. Приведем некоторые строки этого документа: «Исполнительный комитет уведомляет Вас, уважае-

⁴³⁵ Петроградский Совет офицерских депутатов. № 1... С. 20–21.

⁴³⁶ Чижов И.Г. Омский гарнизон в период мирного развития революции // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1970. Вып. 5. С. 154.

⁴³⁷ Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции... С. 211–223.

мый товарищ, о несостоявшемся 14 сего июня за отсутствием кворума вторично назначенном общем собрании Совета, считает своим нравственным долгом указать на следующее: подобный абсентизм товарищей делегатов и безразличное их отношение к своему представительному органу, призванному стоять на страже профессиональных и общегражданских интересов офицерства и являющемуся единственным выразителем мнения петроградского офицерства, в настоящую ответственную минуту угрожает тем, что офицерство как активная культурно-общественная сила будет отодвинуто более живыми организациями в сторону, лишив себя возможности участвовать в строительстве новой русской государственности на началах, добытых революцией»⁴³⁸

Призывы к депутатам аккуратно посещать собрания Совета, очевидно, не возымели своего действия. Тогда руководство организации в целях пополнения её рядов и оживления работы в частях сделало ставку на увеличение в Совете представительства строевого офицерства. В информационном письме исполкома петроградским офицерам предлагалось доизбрать новых депутатов с тем расчетом, чтобы строевое офицерство среди новых делегатов составляло 5 %, а нестроевое – 2 % от списочного состава. Процесс довыборов, а затем и перевыборов офицерских депутатов, у которых истек срок шестимесячного пребывания в Совете, растянулся с августа до середины октября 1917 г. Обновленный состав организации должен был также сформировать и её новый исполнительный комитет⁴³⁹. Однако Октябрьское восстание в Петрограде перечеркнуло планы офицерских активистов.

Исход Петроградского офицерского съезда, судьбы столичного Совета офицерских депутатов, а равно и прочих демократических офицерских организаций свидетельствует, что «левый» марш офицерства в 1917 г. не удалось превратить в массовое движение. Спротивления офицерской ментальности, хотя и подорванного тотальным наступлением идеологии революционных партий, всё же хватило для того, чтобы командный состав русской армии по-прежнему продолжал придерживаться традиционных образцов мышления и поведения русского офицера.

⁴³⁸ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 10129. Л. 46.

⁴³⁹ Там же. Л. 47–48.

2. Тупики и коллизии шокированного сознания. от создания Союза офицеров армии и флота к Быховской программе

В отличие от офицеров, с надеждой смотревших в будущее и связывавших это будущее с решением острейших общегосударственных и армейских проблем на основе политических установок так называемой «революционной демократии», значительная часть офицерства весной 1917 г испытывала серьезнейший экзистенциальный кризис. Кризис этот был вызван многими причинами, а в сознании офицера, подавленного обрушившимися в одночасье бедами, практически не находилось приемлемых вариантов его разрешения.

Масштабную картину переживаний и мыслей офицеров, которые испытали настоящий шок от революции и её воздействия на жизнь военных, передает уникальный документ эпохи, произведение, ставшее результатом рефлексии офицерства по поводу целей войны, статуса командира, поведения солдатских масс, политики правительства и отношения общественности к офицерству весной 1917 г. «Молитва офицеров Русской армии» – одно из ценнейших эмоциональных отражений революционной действительности, стихотворный памятник, едва ли не в большей мере адресованный потомкам, нежели современникам. Почти забытое послание из 1917 г. спустя многие десятилетия занимает место в ряду документальных публикаций, его строки цитирует историк, использует в качестве эпиграфа писатель⁴⁴⁰. По сути дела, сегодня происходит именно то, что некогда рисовалось в воображении неизвестного автора «Молитвы»:

Промчится столетье – пройдут поколения,

Увидятся новые сны, –

И станут народы читать без волнения

Историю страшной войны⁴⁴¹

Вполне оправданной в свете сказанного представляется попытка использовать для реконструкции модели мышления и поведения той категории русских офицеров, которые уже весной 1917 г отчаялись найти выход из сложившейся ситуации, текст этого документа, дополнив

⁴⁴⁰ См.: Письма солдат и трудящихся в редакции московских и провинциальных газет (весна – лето 1917 года) // Река времен. Кн. 5. М., 1996; Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999; *Бабаян С. Господа офицеры.* М., 1994.

⁴⁴¹ Письма солдат ... С. 313.

его информацию данными других исторических источников. Но прежде чем перейти к оценке содержания «Молитвы», обратимся к обстоятельствам её возникновения, распространения и обнародования.

С достаточно большой долей уверенности можно утверждать, что первая публикация произведения была осуществлена московской общественно-политической и литературной газетой «Свобода». «Молитва офицеров в Русской Действующей Армии» – именно такой заголовок имел текст – появилась на страницах издания 17 июля 1917 г. Редакция поместила его среди подборки материалов о тяжелом положении офицерства, о кризисе взаимоотношений командного состава и солдатской массы.

Провал июньского наступления и последующее хаотическое бегство частей русской армии, а также июльские события в Петрограде тревожным эхом отозвались в широких кругах общественности. А 8 июля военным министром А.Ф. Керенским был подписан приказ Армии и Флоту № 28, где наряду с требованием восстановления твердой дисциплины в войсках отмечались заслуги офицеров, доблестно проявлявших себя на фронте. Все эти события вызвали целую волну откликов в правой прессе, где уже открыто говорилось о полном разложении дисциплины, о жестокостях и самосудах, обрушившихся на командный состав, об отчаянии офицеров, готовых, пренебрегая любой опасностью, сложить головы в боях, лишь бы прервать невыносимую череду унижений. Теперь-то и стало возможным появление «Молитвы» в печати, поскольку ранее не принято было слишком заострять внимание на проблемах социальных групп, оказавшихся в бедственном положении вследствие разгула революционной стихии.

Публикация стихотворения «Свободой» сопровождалась сообщением о безрезультатности прежних попыток неназванных заинтересованных лиц обнародовать его на страницах московских периодических изданий: «Ни одна из московских газет не решилась выступить с документом обиды и муки русского офицерства. «Свобода» печатает этот документ именно как документ, как крик насилуемого, как голос из некоего тюремного подземелья...»⁴⁴².

⁴⁴² Свобода. 1917. 17 июля. Данная информация косвенно подтверждается тем фактом, что текст произведения, правда, несколько отличающийся от варианта, помещенного в «Свободу», не позднее июля 1917 г. был направлен в московскую газету «Русское слово». Затем он оказался в коллекции Отдела пись-

Любопытна предыстория появления «Молитвы офицеров», причем почти одновременно с публикацией «Свободы», в одном из номеров другого, теперь уже провинциального издания. 12 июля столичная меньшевистская газета «День» поместила заметку профессора Е.В. Тарле «Памяти погибших». Весь пафос статьи историка был направлен на то, чтобы привлечь внимание общества к интеллигенции в офицерских мундирах, которая вопреки тяжелейшему кризису, поразившему армию, самоотверженно выполняла воинский долг «Страшные потери в офицерском составе констатируются единогласно и официальными сообщениями, и показаниями частного характера. Интеллигенция в юнкерских и офицерских мундирах, брошенная солдатами, погибает так же, как погибали её деды и отцы, не поддержанные народом... Люди, которые были преданы и проданы солдатами, шли под немецкие пушки, пытаясь спасти своею жизнью честь России, честь революции», – писал Е.В. Тарле о недавних событиях на русском фронте⁴⁴³

18 июля эта статья была перепечатана казанской либеральной газетой «Камско-Волжская речь». Прикрываясь авторитетом социалистического издания, редакция газеты пошла ещё дальше: читателю предлагалось мысленно вернуться на несколько месяцев назад и «вспомнить, в каком положении очутились они – преданные слуги отечества в то время, когда вся страна, весь народ чувствовали себя свободными гражданами»⁴⁴⁴ В качестве соответствующей исторической иллюстрации рядом со статьей Е.В. Тарле под заголовком «Стон наболевшей души окопного офицера» была помещена всё та же «Молитва», текст которой целиком приводится ниже по публикации в «Камско-Волжской речи».

Стон наболевшей души окопного офицера

Христос Всеблагий, Всесвятый, Бесконечный,

Услыши молитву мою,

Услыши меня, мой заступник Предвечный,

Пошли мне гибель в бою.

Смертельную пулю пошли мне навстречу,

Ведь благодать безмерна Твоя,

Низринь меня, Боже, в кровавую сечу,

Чтоб жизнь в ней прервалась моя...

менных источников Государственного исторического музея и, наконец, увидел свет в 1996 г на страницах альманаха «Река времен».

⁴⁴³ День. 1917. 12 июля.

⁴⁴⁴ Камско-Волжская речь. 1917. 18 июля.

На родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же восстал –
Он нам приготовил могильные дроги
И грязью нас всех закидал.
Три года кошмарных мы молча страдали,
Завет своей родины честно храня,
Мы денно и ночью в аду пребывали,
Мы с дьяволом бились и мы не считали
Часами рабочего дня.
Врагу преграждали мы путь не плакатом,
Не треском, не громом речей,
Мы залили землю в борьбе с супостатом
Потоками крови своей.
Всех подвигов, доблести всей офицера
Не смерить, не взвесить, не счесть,
Мы жизнью платили без меры, без торга
За землю, за славу, за честь.
Но что до безмерных страданий народу,
Коль злобу он хочет излить,
И нашей же кровью купивши свободу
Он нас же принялся казнить.
Солдат, и работник, и люди науки,
Правитель, писатель – все падали ниц,
Все жали несчастным кровавые руки,
Все славили наших убийц.
Товарищи наши, в боях погибая,
Молили нас лишь об одном:
Боритесь и верьте, что правда святая
В победе над подлым врагом...
А ныне на стогнах кричат Петрограда:
Не надо побед нам... Все бредни долой!
Лишь корму, да пойла, да зрелищ нам надо,
Лишь в праздных восторгах сокрыта отрада,
И мы их добудем любую ценою...
Постичь не желают народа витии,
Что лозунг их – рабства печать,
Что им же придется покорная шея
Пред наглым тевтоном покорно склонять,
Что граждане ныне свободной России

Сапог победителя станут лобзать...
Скорей же в окопы, друзья-офицеры,
Позора отчизны не будемте ждать,
И снова соратникам явим примеры,
Как могут за доблесть и честь умирать!..
За службу, за муки, за все без изъятия,
Наш русский народ заплатил нам стократ,
Спасибо, родные, спасибо, собратья,
Спасибо, столица, спасибо, Кронштадт!..
Глумясь, с офицера оружие снимали,
С плеча его рвали погон...
Эмблемы заслуг и мундир оплевали,
Его убивали, его оскорбляли,
За все вам, за все вам глубокий поклон...
В окопы! В окопы Товарищи-братья,
В объятия смерти скорей,
Она нам охотно раскроет объятия,
Нам место найдется у ней!..
Когда ж по окопам от края до края
Отбоя сигнал прозвучит,
Сойдась, уцелевших семья небольшая,
Последнее дело свершит
Тогда мы оружие свое боевое,
Награды, что взяли в бою,
Глубоко зароем под холодной землею⁴⁴⁵
На родину нашу нам нет уж дороги,
Народ наш на нас же восстал,
Для нас он воздвиг погребальные дроги
И грязью нас всех закидал!..
От злого народа, такого народа,
Ведь мы ничего не возьмем,
И холод, и голод, и жизни невзгоды
Над нами повиснут кругом.
Тогда, пережив бесконечные муки,
Мы с знамением светлым креста
Протянем к союзникам голые руки

⁴⁴⁵ Здесь явно недостает следующей строки. В других вариантах стихотворения далее значится: «И славу схороним / зароем свою».

«Подайте во имя Христа!
Вы сами ведь видели много примеров,
Как нас наш народ убивал,
Как рвал он погоны с своих офицеров
И как он их в грязь затоптал.
Забыть мы не можем мгновения эти,
Принять от него ничего не хотим,
Но с нами ведь гибнут и жены и дети,
Подайте из жалости к ним!»
Промчатся столетья, пройдут поколенья,
Увидятся новые сны –
И станут народы читать без волненья
Историю страшной войны.
И в ней сохранится так много примеров,
Как русский народ воевал
И как он своих же бойцов офицеров
Своей же рукой убивал.

Во второй половине 1917 г «Молитва офицеров русской армии» широко распространялась и в рукописях, и в печатном виде. Её текст, помимо упомянутых газет, неоднократно фигурировал в других изданиях, что было одним из свидетельств ощутимого сдвига и даже пересмотра позиции достаточно широких слоев русской общественности по отношению к судьбам офицерства. Например, в сентябрьской книжке «Бюллетеней литературы и жизни» (издатели В.А. Крандиевский и А.Н. Толстой) перепечатка «Молитвы» из газеты «Свобода» сопровождалась следующим предисловием: «Есть что-то исключительно жестокое, мучительно несправедливое в положении русского офицерства в пореволюционный период. Одинокие носители воинской и гражданской чести среди взбунтовавшихся темных солдатских масс, ненавидимые этими массами и как интеллигенты, и как живое напоминание о суровой военной дисциплине старого режима, несущие на себе всю тяжесть ответственности за эти темные дезорганизованные массы, которые уже перестали быть войском, офицеры героически умирают неуверенные даже, что их сразила пуля врага, а не предательский выстрел в спину своего же солдата. Только теперь широкое общественное внимание привлечено, наконец, незаслуженными нравственными страданиями этих скромных героев, этих мучеников долга, чести и любви к родине. В первые месяцы революции о них забыли»⁴⁴⁶

⁴⁴⁶ Бюллетени литературы и жизни. 1917 Кн. 1. С. 42.

На «безысходное положение» командного состава, цитируя фрагменты «Молитвы», указывал и генерал П.Д. Бурский в своей публицистической брошюре «Революция и офицеры»⁴⁴⁷. Брошюра эта была написана в период, когда многие, в том числе и её автор, возлагали особые надежды на деятельность Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова, который стремился вернуть офицерству его утраченные прерогативы, установить железный порядок в тылу и на фронте, обеспечить возможность продолжения Россией боевых действий. Таким образом, «Молитва», отразившая размах разрушительных процессов в армии и обществе, приводилась как дополнительный аргумент для подтверждения правоты сторонников жестких мер. Впрочем, она не осталась незамеченной и в лагере тех, кто отстаивал необходимость «углубления» революции. И здесь «Молитва офицеров» получала свою оценку, её текст пытались использовать в целях политической борьбы. Об этом свидетельствует сохранившийся среди документов Союза офицеров-республиканцев (с конца апреля 1917 г – Союз социалистов Народной Армии) машинописный экземпляр «Молитвы» с пометкой подпоручика Дрезена: «К представлению в агитационную комиссию Союза социалистов Народной Армии как показатель ретроградного настроения **большей части** (выделено мною. – В.К.) русского офицерства»⁴⁴⁸.

На вопрос об авторстве и дате появления на свет стихотворения, ставшего достаточно популярным среди офицеров русской армии, точного ответа не существует. В мемуарах А.Г. Шляпникова, где приведен один из вариантов «Молитвы», имеется указание на место и дату создания этого произведения: «Действующая армия. Апрель 1917 г.». Предваряя текст, автор воспоминаний подчеркивал: «Офицерство долгое вре-

⁴⁴⁷ Бурский П.Д. Революция и офицеры. М., 1917. С. 10–12.

⁴⁴⁸ ГАРФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.

Содержание «Молитвы» ещё долго оставалось актуальным, благодаря чему она обрела некоторую известность и за пределами России. По свидетельству пленного офицера А.А. Успенского, который также воспроизводит в своих воспоминаниях вариант «Молитвы», текст последней в начале 1918 г. был получен с почтой из России одним из узников германского лагеря Гнаденфрей. В сентябре 1918 г. товарищ последнего военного министра Временного правительства генерал В.А. Яхонтов, выступая на заседании Межпартийной лиги возрождения России в Нью-Йорке, иллюстрировал свои мысли о роли и судьбах русского офицерства в революционную эпоху ссылками на текст «Молитвы». Добавим, что экземпляры «Молитвы» попали и в собрание документов Русского загранично-го архива в Праге.

мя не могло приспособиться к создавшейся противоречивой обстановке и немалое количество из него впадало в отчаяние. Чрезвычайно ярко передано настроение офицерства того времени в стихотворении, ходившем по рукам в апреле – мае 1917 г.»⁴⁴⁹ Среди других источников, которые стали объектом нашего анализа, лишь ещё один содержит более или менее раннее свидетельство о времени, когда стихотворение уже распространялось в списках. Это экземпляр «Молитвы» из коллекции документов Первой мировой войны Российского государственного военно-исторического архива. Рукопись попала в Пражский архив, а позднее была передана в РГВИА. Мы не знаем, кому она принадлежала, но заканчивается документ следующей строкой: «Списано 25.V.1917 г. Кр.[епость] Выборг»⁴⁵⁰.

Если обратиться к содержанию «Молитвы», становится очевидным, что упоминаемые и вместе с тем самые значимые для автора/авторов события относятся в первую очередь к февральско-мартовским дням 1917 г. Место трагедии – Кронштадт и Петроград, хотя контекст «Молитвы» задает гораздо более широкий масштаб. Как бы то ни было, психологическая травма, нанесенная офицерству фактом истребления командного состава на балтийских базах русского флота и в столице, была усилена массой конфликтов, которые стали следствием обнародования приказа №1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Нараставшая напряженность между офицерством и нижними чинами скоро перекинулась из тыла в действующую армию, и уже в марте фронтовые части также начали постепенно разлагаться, а офицерство всё больше охватывали пессимистические настроения. Как подчеркивал в данной связи американский историк А.К. Уайлдмен, «неоднократные потрясения, исходившие из тыла, и неожиданное небрежение обычными формами воинской практики привело многих генералов и офицеров к заключению, что близок час крушения армии»⁴⁵¹.

Таким образом, апрель (возможно, конец марта) 1917 г – скорее всего и есть действительное время появления «Молитвы» на свет, поскольку на этот период приходится множество, как выражались тогда, «эксцессов», включая неподчинение солдат приказам начальника, своеволие войсковых комитетов, неотдание чести офицерам, выборы командного состава и случаи насилия над ним. Первый мощный всплеск

⁴⁴⁹ Шляпников А.Г Семнадцатый год. Кн. 3. М.; Л., 1927. С. 139.

⁴⁵⁰ РГВИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 135. Л. 3об.

⁴⁵¹ Wildman A.K. The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldier's Revolt (March – April 1917). Princeton, 1980. P. 234.

революционного насилия можно было объяснить и простить, но дальнейшая эскалация кризиса русской армии убеждала офицерство в том, что вряд ли жизнь войск когда-нибудь войдет в нормальную колею. Оттого думается, не только и не столько первые дни революции, сколько последующий ход событий послужил толчком к сочинению столь удручающего по духу произведения.

«Молитва» – документ, обязанный своим происхождением собственно офицерской среде. Кроме того, наличие нескольких вариантов текста свидетельствует об участии соавторов. Это обстоятельство было отмечено еще в 1917 г. редактором газеты «Свобода», писателем и литературным критиком Н.Я. Абрамовичем, который на страницах своей брошюры «Офицеры и солдаты в революционной армии» высказался по поводу происхождения «Молитвы». Последняя была сложена «по образцу и методу создания русского народного эпоса», – утверждал литератор. «Где-то, на каком-то участке фронта явилась, как плод индивидуального чувства и отношения, "Молитва русского офицера". Произведение это стало ходить по рукам и, так сказать, переслаиваться. В отдельных умах и сознаниях оно находило разнообразный отклик, в отдельных случаях считали нужным указать на те или иные факты, прибавить те или иные штрихи и мазки. Одно прибавлялось, другое убавлялось, и в результате вышло то, что "Молитва" имела несколько вариантов и ходила в нескольких списках»⁴⁵².

В нашем распоряжении имеется девять текстов «Молитвы», характеризующихся разной степенью полноты. Три из них не опубликованы и находятся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного военно-исторического архива. Все тексты хотя бы в мелких деталях отличаются друг от друга. Например, отдельные выражения менялись местами либо одно слово без особого ущерба для значения фразы замещалось другим. Правда, есть и более существенная разница. Так, можно выделить две группы близких по содержанию текстов, каждая из которых, благодаря присутствию специфических смысловых блоков, имеет своеобразное звучание, отображающее определенное различие в логических конструкциях «шокированного сознания» офицерства.

Но прежде рассмотрим то общее, что присуще произведению как единому целому, иными словами, его инвариант. В соответствии с кано-

⁴⁵² Абрамович Н.Я. Офицеры и солдаты в революционной армии. М., 1917 С. 6–7

нами жанра «Молитва» начинается призыванием: «Христос Всеблагий, Всесвятой, Бесконечный, услыши молитву мою». И следом, обращаясь к Богу, офицер просит низринуть его в кровавую битву, где можно встретить скорый конец, просит послать смертельную пулю, чтобы найти вечное успокоение души. Всё это изложено в двух первых четверостишиях, остальной же текст посвящен описанию картины страданий русских офицеров, доведенных до крайней степени отчаяния, что, собственно, и объясняет, почему на полях сражений они ищут избавления от мук в своей гибели.

Кто же виновен в бедах, обрушившихся на командный состав русской армии? По логике событий это должны быть люди, с которыми офицер соприкасается постоянно и на которых непосредственно лежит тяжесть ответственности за случившееся. Но из уст автора/авторов «Молитвы» не слышится обвинений в адрес солдата. Роковой силой и главным виновником всех несчастий оказывается народ. «Народ с нас погоны срывал», «народ наш на нас же восстал», – свидетельствует офицер; «злой народ», «убийца-народ», – так он рисует образ своего гонителя. Значит, и оскорбление офицерской чести, и убийство офицеров, по мысли создателя произведения, не могло быть совершено солдатом, солдатом в высоком и традиционном понимании этого слова. Злобный человек в серой шинели, каких тысячи и миллионы, не является и просто не может считаться солдатом, а олицетворяет разбушевавшуюся народную стихию. Точно так же и армия теперь воспринимается сознанием офицера как многоликая ожесточенная масса – вооруженный народ.

В «Молитве» мы не найдем описаний конкретных фактов насилия над офицерством. Здесь нет подробностей, нет дат, нет имен. В то же время коротко, но очень определенно говорится об объектах посягательства толпы. Всё это – важнейшие символы офицерского достоинства и чести:

Глумясь, с офицера оружие снимали,

С плеча его рвали погон.

Эмблемы заслуг и мундир оплевали,

Его убивали, его оскорбляли...

За все вам, за все вам глубокий поклон⁴⁵³.

Как известно, в более спокойные, чем война и революция, времена офицер, подвергшийся оскорблению действием, рукоприкладству, согласно нормам корпоративной морали, должен был оставить воинскую

⁴⁵³ Письма солдат... С.312.

службу. В дни Февральского революционного взрыва нападение на офицера, пусть он и оставался жив, было равнозначно бесчестию, которое так или иначе напоминало о старой традиции. Случаи же массовых покушений многократно усиливали в сознании офицерства психологический эффект от действий толпы. Широкий размах антиофицерских акций в глазах жертв обретал новое качество и воспринимался теперь не как личная месть или трагическая случайность, но как стремление к упразднению самого звания офицера, искоренению ценностей, носителем которых являлся командный состав армии и флота. Похоже, именно так истолковывал события неизвестный автор «Молитвы». Становится понятным, почему в «Молитве» география трагических событий первых дней революции очерчена лишь пунктами, где истребление офицеров имело не единичный, а массовый характер. Например, офицер-рассказчик с обидой и болью в душе восклицает: «Спасибо, столица... Спасибо, Кронштадт...». И в другом варианте «Молитвы» обозначение конкретных координат катастрофы подчинено всё тому же принципу: «Лишенный своих боевых офицеров, Балтийский бездействует флот». Действительно, как мы уже убедились, именно в рамках «Балтийского треугольника» убийство и прочие формы насилия над офицерством приняли в конце февраля – начале марта 1917 г беспрецедентный масштаб. Для многих офицеров Петроград, Кронштадт и Гельсингфорс стали символами неоправданной жестокости армейских низов и гражданского населения страны по отношению к офицерству. Последующее же длительное, до крайности суровое содержание десятков офицеров в кронштадтских тюрьмах (об этом время от времени говорилось в печати), как незаживающая рана, напоминало о насилии, пережитом офицерами в недалеком прошлом, порождало у них тревогу о будущем.

Произведение, ставшее плодом печальных размышлений неизвестного автора/авторов, призвано отобразить не только настроения, но и социальную позицию определенной части командного состава русской армии. Уже заглавия текстов, начинающиеся в большинстве словом «молитва», и, вероятно единственный в своем роде, заголовок «Стон наболевшей души окопного офицера» показывают, что произносимая здесь скорбная речь – не для широкой аудитории. Ведь молитва – это разговор только с Богом, стон же вообще не имеет адресата. Содержание стихотворения свидетельствует, что автор готов обращаться в поисках понимания и поддержки к своим соратникам-офицерам, но он отвергает диалог с обществом и властью. В момент, когда произведение явилось на свет, возможность такого диалога казалась автору навсегда утрачен-

ной. Не случайно, размышляя о том времени, когда окончится война, он изображает русского офицера просящим подавание у союзников.

Апелляция к союзникам в тексте «Молитвы» созвучна реальным мыслям и надеждам многих русских офицеров, рассчитывавших на возможность продолжить борьбу с врагом в рядах иностранных армий. Американский дипломат Дж. Рей писал в начале июня 1917 г из Одессы: «Каждый день офицеры заходят в консульство и предлагают услуги для службы в американских войсках. Если мы можем принимать их сообщения без оговорок, то положение в русской армии очень тяжелое»⁴⁵⁴.

Безрадостная картина будущего возникает потому, что общество забыло об офицере, возведя на пьедестал тех, кто его унижал и казнил. Это обстоятельство недвусмысленно подчеркивается в стихотворении там, где говорится о героях «медового месяца» революции. Несомненно, в «Молитве» присутствует намек на награждение Георгиевским крестом унтер-офицера Волынского полка Т. Е. Кирпичникова, поднявшего эту часть на восстание 27 февраля 1917 г. и одним из первых применившего оружие против своего командира:

Правительство, юные люди науки

И много сословий и лиц

Пожали убийцам кровавые руки,

Прославили наших убийц⁴⁵⁵.

Пусть власть и общественность отвернулись от офицера, а народ для него «воздвиг погребальные дроги», но остаются ещё понятия воинской чести и долга перед Россией. Оттого призыв «В окопы, в окопы, товарищи-братья, в объятия смерти скорей...» не означает проповеди элементарного самоубийства, а наполняется высоким смыслом, связанным с традиционными образцами офицерской морали. Примечательно, что в текстах «Молитвы» отсутствуют признаки приверженности автора какой-либо партийной ориентации. Это тоже свидетельство верности устойчивым нормам поведения, культивировавшимся в офицерской среде до революции. Вместе с тем в «Молитве» нет упоминаний о монархе и монархии: со временем отречение государя стало восприниматься не так остро, как в первые дни марта 1917 г. Самым животрепе-

⁴⁵⁴ Цит. по: *Листиков С.В.* США и революционная Россия в 1917 году: К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006. С. 127

⁴⁵⁵ *Шляпников А.Г.* Указ. соч. С. 140.

ущим для офицера теперь становится вопрос о достойном завершении войны. Здесь лозунг доведения войны до победы неразрывно связан с памятью о понесенных жертвах, с памятью о завещании погибавших товарищей. Далее в текстах обнаруживаются расхождения в логике отстаивания оборонческой позиции офицерства. Именно в тех строфах, где речь идет о проблеме войны и мира, заключается и основное отличие, соответствующее условному делению всех рассмотренных вариантов «Молитвы» на две группы, о котором говорилось выше.

Первая группа текстов, а в ней наиболее полным из известных нам вариантов является публикация А.Г. Шляпникова, содержит ясно различимые отголоски имперского мышления. Важными мотивами продолжения упорной борьбы с врагом здесь остаются завоевательные устремления. Лозунг доведения войны до победы тесно сопряжен с имперскими целями «чтоб область противника нашею стала, чтоб нам же открылись моря». Возможно, Россия и без императора по-прежнему видится офицеру империей, но кризис ценностей, вызванный революцией, приводит к символическому перемещению имперского центра. «Святая Москва наших дней» / «столица святая», где не было пролито крови офицеров, мысленно противопоставляется Петрограду, жаждущему покоя и золота, Петрограду, откуда исходят постыдные, по патриотическим представлениям автора, идеи мира.

Во второй группе текстов, одним из образцов которой является «Стон наболевшей души окопного офицера», великодержавные коннотации отсутствуют. Весь пафос авторских слов направлен просто на осуждение сторонников скорейшего заключения мира. Офицер, не жалея красок, рисует картину настроений, захлестнувших низы общества. «Лишь корму да пойла, да зрелищ нам надо, лишь в праздных восторгах сокрыта отрада», – такова в его понимании подоплека позиции «мир во что бы то ни стало». Вместе с тем отвергаются и идеологизированные обоснования быстрого достижения мира: «понять не желают народа витии, что лозунг их братства – печаль» / «лозунг их – рабства печать». Агитация против войны, предупреждает автор, закончится тем, «что граждане ныне свободной России сапог победителя станут лобзать».

Пройдет меньше года, и это мрачное предсказание станет действительностью. Но прежде чем будет подписан позорный для страны мир, тысячи офицеров в разное время испытают в душе те же чувства, что переполняли автора / авторов «Молитвы». Неуверенность в сегодняшнем дне и тревога за день завтрашний, ощущение безысходности и отсутствия выбора, месяц за месяцем, от одного поворотного пункта ре-

волюционного процесса к другому станут возникать и доминировать в сознании значительной части русского офицерства.

И всё же «Молитва» – это не просто трагическая исповедь офицера, рассказ о тяжелых испытаниях, выпавших на его долю. Она, что не менее важно, отображала стремление подтвердить незыблемость традиционных ценностей корпорации, отстоять представления о патриотизме, о достоинстве офицера, о символах воинской чести и боевого служения. Таким образом, культурные смыслы, получившие отражение в тексте произведения, – это по большому счету один из результатов процесса самоидентификации значительной части офицерства в условиях развертывания революции весной 1917 г. Всё это, несмотря на пессимизм, разочарование и обиды офицера, свидетельствует о возможности изменения его позиции ради того, чтобы сохранить корпорацию и её ценности в том качестве, которое в основном сформировалось ещё в дореволюционные времена.

Чувства, подобные тем, что испытывал автор «Молитвы», охватывали не только массу рядового офицерства, но и генералитет, включая высшее командование русской армии. Например, сам М.В. Алексеев в доверительном письме к генералу А.П. Скугаревскому признавался: «В наиболее тяжкие минуты, когда в один день получалось много телеграмм о беспорядках в полках, аресте начальников, изгнании прочных, хороших офицеров, об отказе идти на позиции, когда излагались заключения начальников, как вывод из наблюдений и настроений, что с такими войсками осуществление какой-либо оперативной задачи невыносимо... созревало желание уйти, сознать своё бессилие, передать дело в другие руки (выделено мною. – В.К.), которые, быть может, окажутся и более умелыми и более счастливыми»⁴⁵⁶.

Однако Верховный главнокомандующий продолжал действовать. В середине апреля 1917 г. небольшая группа офицеров Ставки получила его санкцию на проведение офицерского съезда в Могилеве и последующее образование профессиональной офицерской общественной организации. Это решение высшему военному руководству страны далось нелегко. Но иного выхода в Ставке уже не видели, поскольку армия весной 1917 г. стала частью общероссийской арены политической борьбы. Лишь после того, как процесс вовлечения войск в политику зашел слишком далеко, ограничение возможностей самоорганизации офицерства полностью утратило смысл.

⁴⁵⁶ Из дневника генерала М.В. Алексеева // Русский исторический архив. Сб. 1. Прага, 1929. С. 15.

Вместе с тем 12 апреля 1917 г. было принято Постановление Временного правительства «О собраниях и союзах», которое окончательно расставляло все точки над «i» в вопросе о создании самостоятельных общественных структур в стране. В частности, пункт 4 Постановления гласил: «Все без исключения российские граждане имеют право, без особого на то разрешения, образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам»⁴⁵⁷. Именно тогда Верховный главнокомандующий М.В. Алексеев и его начальник штаба А.И. Деникин вынуждены были согласиться на создание офицерского Союза, хотя генералам и не хотелось «вносить самим в офицерский корпус те начала коллективного самоуправления, которые были привиты армии извне, в виде советов, комитетов и съездов»⁴⁵⁸.

Как уже говорилось выше, первыми офицерскими организациями, возникшими в начале – середине марта 1917 г., были откровенно политизированные структуры, ориентировавшиеся в своей деятельности на установки и лозунги так называемой «революционной демократии». Но среди офицерства существовало и другое течение, которое оформилось в виде объединений внепартийного характера и выступало прежде всего в защиту профессиональных интересов командного состава. В некоторых случаях важным рубежом при создании ряда офицерских организаций являлись решения групп офицеров, которые, ещё слабо ориентируясь в расстановке политических сил, принимали резолюции и выпускали воззвания, призывали командный состав на сплочение рядов, усиление требовательности к себе и к подчиненным ради победы, единение с солдатской массой.

Часть офицерских организаций, создававшихся по принципу профессиональных союзов, выдвигала и общеполитические лозунги, включая борьбу за созыв Учредительного собрания, как, например, Союз морских офицеров Ревеля, возникновение организационных структур которого приходится на 24 марта 1917 г. Часть – акцентировала внимание прежде всего на ситуации в рядах войск, стремясь по возможности отгородиться от политики. Так, 30 марта в Петрограде была создана Военная лига, чей устав содержал положение о том, что эта организация «ограничивается... обслуживанием лишь профессиональных интересов дела государственной обороны, исключая из сферы своей деятельности

⁴⁵⁷ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917 Вып. 1. С. 160.

⁴⁵⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 1. С.360.

политику»⁴⁵⁹ Конечно, в то время подобное положение выглядело лишь декларацией о намерениях. Военная лига, основной костяк и руководство которой составляло офицерство, находилась тогда на самом правом фланге среди офицерских общественных объединений. Её идеалом являлась сильная власть, правительство порядка. Лига была одной из первых военных организаций, которые осуществляли «двухэтажную» политику, сочетая легальные формы работы с подготовкой к силовой акции по устранению препятствий для победоносного завершения войны. Впоследствии члены Военной лиги приняли участие в подготовке выступления генерала Л.Г. Корнилова.

Что же касается офицерства, которое так или иначе продолжало демонстрировать свою приверженность монархическим принципам, то, на наш взгляд, в марте 1917 г. оно ещё не опиралось на какие-либо организационные структуры. Когда представители этой части офицерства выражали свою политическую позицию более или менее открыто, они практически мгновенно отстранялись от должностей, зачислялись в резерв и т. д. В итоге приходилось действовать нелегально, даже в подполье, не разворачивая монархических знамен. Так, тайная офицерская организация убежденного монархиста П.Н. Врангеля, которую барон в апреле 1917 г. пытался создать в столице как орудие заговора против существовавшего режима, первоочередной задачей ставила поиск фигуры «демократичного» военного диктатора⁴⁶⁰

К середине апреля 1917 г. ни одна из офицерских организаций в России не сумела стать действительно массовой. С целью объединения позиций офицерства в рамках действительно масштабной и авторитетной общественной структуры офицерами Ставки были подготовлены и разосланы документы, содержавшие приглашение на съезд, информацию о нормах представительства, задачах форума и будущей всероссийской организации офицеров. Идея объединения офицерства в союз, для того чтобы страна услышала голос командного состава русской армии, была близка многим офицерам, особенно на фронте. Так, будущий член Главного комитета Союза офицеров С.Н. Ряснянский вспоминал: «Обозначилась приближающаяся гибель русской армии, а с ней и крушение надежд на победу. Гибель России тогда как-то не мыслилась... мысль искала путей спасения армии. И вот тогда, почти одновременно в разных местах фронта, главным образом в больших штабах, как более

⁴⁵⁹ Устав Военной лиги. Пг., 1917. С. 3.

⁴⁶⁰ См.. Врангель П.Н. Воспоминания... Ч. I. С. 45–47.

осведомленных, у офицеров зародилась идея создания союза офицеров. Предварительного сговора не было, но, несмотря на огромные расстояния, разделяющие пункты, где возникла эта идея, разницы в выборе средств спасения армии почти не было»⁴⁶¹.

Деятельность Союза офицеров неоднократно подвергалась анализу и оценке в историографии революции 1917 г. Отечественные исследователи приложили немало усилий для того, чтобы определить роль и место этого профессионального объединения в ходе острой борьбы партий и социальных группировок, поставившей страну уже в августе 1917 г. на грань открытой гражданской войны. Основное внимание историки уделяли сюжетам, связанным с участием руководства Союза в подготовке выступления генерала Л.Г. Корнилова, мы же, дополняя общую картину, попытаемся сквозь призму деятельности Союза реконструировать логику восприятия офицерством революционной повседневности, обрисовать соответствующие этой логике способы защиты корпоративных интересов и ценностей.

Союз офицеров армии и флота образовался на съезде, проходившем с 7 по 22 мая 1917 г. в Ставке Верховного главнокомандующего. Организаторы могилевского съезда стремились усилить чисто профессиональное начало в работе форума, отодвигая на второй план общеполитические вопросы. Однако политика всё же находила отражение в речах ораторов, в резолюциях съезда. Примечательно, что тон в этом отношении был задан речью генерала М.В. Алексеева, произнесенной в день открытия форума. М.В. Алексеев, напомнив о захваченной врагом восьмой части территории Российского государства, заявил, что противника невозможно подкупить фразой «мир без аннексий и контрибуций», фразой, которую генерал назвал «утопической». Это был «камень», брошенный в «огород» Советов. Но не только Советы рабочих и солдатских депутатов с их лозунгом демократического мира попали под огонь критики Верховного главнокомандующего. Осуждению подвергалась и деятельность Временного правительства, способствовавшая падению воинского духа и патриотизма. «Где та мощная власть, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед Родиной?» – с негодованием и тревогой вопрошал М.В. Алексеев⁴⁶².

Бедственное положение дел в армии было очевидным и для большинства делегатов съезда, что зафиксировано его документами.

⁴⁶¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 604. Л. 5.

⁴⁶² Деникин А.И. Очерки русской смуты... С. 362.

Например, доклад, подготовленный первой секцией и положенный в основу одной из резолюций съезда, свидетельствовал о широком распространении среди солдатской массы требований мира во что бы то ни стало, отрицательного отношения к активным боевым действиям, а также практики братаний. В документе говорилось о падении дисциплины до крайних пределов. Тревогу и негодование офицерства вызывало нежелание подчиненных выполнять приказание, стойкое недоверие солдат к офицерам, стремление солдатских лидеров явочным порядком проводить выборы командиров и коллегиально решать не только бытовые, но и боевые вопросы. Кроме того, рядовое офицерство выражало недовольство случаями безответственности высших начальников, порочной практикой выдвижения на высшие командные посты, несправедливостью награждений, неудачным реформированием армии и вовлеченностью военных в политическую борьбу⁴⁶³

Все губительные для армейского организма процессы невозможно было прекратить, не остановив разбег самой революции. Это, несомненно, понимали многие участники форума. Но ситуация, в которой оказалось офицерство, к тому же не всегда единое в своих устремлениях, обусловила принятие съездом компромиссных резолюций и довольно противоречивых пунктов устава учрежденного Союза офицеров армии и флота. Противоречивость эта отражала двусмысленное положение офицерства в революционной армии. Выполнение боевых задач невозможно было представить без твердой дисциплины и порядка в войсках. Добиться же этого приходилось малоэффективными в армейских условиях политическими методами, которые сами по себе разрушали военную иерархию и принцип единоначалия. Организаторы Союза всё же декларировали создание не политического, а профессионального объединения. В резолюции офицерского съезда подчеркивалось, что Союз, «исключая всякие политические цели, должен поставить своей задачей поднятие боевой мощи армии во имя спасения Родины»⁴⁶⁴. Вместе с тем членам Союза устав разрешал принадлежать к любой партии

Редакция популярного военного еженедельника «Разведчик», общая читателям о создании офицерского Союза, положительно оценила такие задачи нового объединения, как неприятие каких-либо политических платформ и деятельность по реорганизации армии на демократических началах. Но автор статьи подчеркивал и сложность их одно-

⁴⁶³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 14. Д. 5. Л. 10.

⁴⁶⁴ Там же. Л. 18.

временного выполнения: «Согласовать работу по демократизации армий – являющейся по существу политической платформой – с отсутствием этой платформы в союзе, думается нам, очень трудно, и от руководителей союза потребуется много такта и жизненного опыта, чтобы не дискредитировать союз на первых шагах его деятельности»⁴⁶⁵.

Члены избранного 22 мая Главного комитета Союза офицеров для достижения намеченных целей вынуждены были действовать в разных направлениях. Первое – это вовлечение максимального числа офицеров в ряды Союза, наращивание его организационных структур, агитационно-пропагандистская работа в войсках, направленная на объединение офицерства и обеспечение общекорпоративной ориентации по тем или иным жизненно важным армейским проблемам. Отстаивание интересов командного состава осуществлялось также посредством выступлений в печати, предпринимались попытки оказания юридической и финансовой помощи офицерам. Руководство Союза постоянно практиковало апелляции в адрес военного министра, производя своего рода давление на власть. Одним словом, имела место попытка использовать обычный для деятельности профессиональной общественной организации набор средств, который, однако, оказывался новым для самой офицерской корпорации.

Другое направление, число сторонников которого росло по мере того, как обнаруживалась тщетность усилий изменить ситуацию путем открытой профессионально-политической деятельности, заключалось в проведении неафишируемой и даже конспиративной работы, которая должна была привести к смене власти или, по крайней мере, к резкому изменению всего правительственного курса. Среди лидеров союза возникла небольшая группа офицеров, которые выдвинули идею осуществления военной диктатуры. Вот как об этом вспоминал председатель Главного комитета Союза подполковник Л.Н. Новосильцев: «После съезда меня позвал как-то Пронин к Лебедеву. Мне они сообщили, что надо что-либо предпринять, что для спасения армии необходима военная диктатура и не соглашусь ли я работать в этом направлении. Как диктатора они указывали Алексеева, которого я совершенно не знал. Я согласился и сказал, что круг лиц в Ставке должен быть небольшой, и затем надо привлекать всё больше и больше на фронтах, подготовить общество, но на это необходимо время и деньги. Офицерский же союз как легальная организация дает возможность работать и будет служить хорошей шир-

⁴⁶⁵ Разведчик. 1917 № 1389. С. 379.

мой. Решили привлечь к этой работе Сидорина, Кравченко и Роженко (офицеры, члены Главного комитета Союза. — В.К.)»⁴⁶⁶

Необходимо отметить, что в рядах Союза и его руководства находились лица, не чуждые политике, а Л.Н. Новосильцев, тот и вовсе являлся депутатом Государственной думы 1-го и 4-го созывов, состоял членом кадетской партии. Однако в целом Союз служил опорой и представлял интересы той части русского офицерства, которая до начала революции 1917 г проповедовала аполитичность армии, а после падения монархии тяготела к объединению на надпартийной основе. Как свидетельствовал один из активных деятелей этой организации капитан С.Н. Ряснянский, на местах «офицеры, образуя подразделения Союза, всегда подробно расспрашивали о целях и задачах Союза, не желая принимать участия в политическом союзе»⁴⁶⁷

Наиболее крупные отделы Союза образовались в Киеве и Москве. Однако работа по организации ответвлений Союза на фронте продвигалась быстрее, чем в тылу. В течение двух месяцев существования Союза его структурные подразделения появились практически во всех армиях, хотя стройной системы они из себя ещё не представляли. Между тем, например, в обширном по территории Омском военном округе Союзу вообще не удалось образовать своих ячеек. С большим трудом продвигался этот процесс на Кавказе. Подразделения Союза, как на фронте, так и в тылу, большей частью создавались в штабах, где компактно сосредоточивалось офицерство и не было сильной зависимости офицеров от надзора солдатских активистов. Подотделы Союза при штабах армий могли насчитывать свыше сотни человек. Другими центрами образования ячеек Союза, благодаря указанным факторам, становились военные училища. Одним из самых многочисленных по составу было отделение Союза при Казанском военном училище, которое в конце июля 1917 г. имело в своих рядах 35 человек⁴⁶⁸

Общее количество членов Союза офицеров армии и флота установить довольно сложно. К тому же здесь нужно учитывать, что некоторые офицеры состояли в Союзе лишь формально. В этой связи приве-

⁴⁶⁶ ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 7. Л. 50б.—60б.

⁴⁶⁷ Дело генерала Л.Г. Корнилова: материалы Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г — июнь 1918 г. Т. 2. М., 2003. С. 297

⁴⁶⁸ НА РТ. Ф. Р-480. Оп. 1. Д. 47. Л. 145.

дем выдержку из постановления общего собрания офицеров 1-го Кавказского стрелкового полка, проходившего в Лесной Фильке 7 июня 1917 г. Документ гласил: «Может ли офицер, не пожелавший записаться в члены Союза офицеров армии и флота, быть членом нашего первого полка? Собрание постановило, что не может большинством в 33 голоса против 3-х голосов при 7 воздержавшихся. Предложение капитаном Шагубатовым (так в тексте. – В.К.) о том, чтобы данное постановление не подвергалось впредь ни обсуждениям, ни пересмотру, принято большинством 38 голосов при 5 воздержавшихся»⁴⁶⁹

Указания на общую численность членов Союза появились ещё в 1917 г., но они носили скорее пропагандистский характер. Так, по данным газеты «Офицерский голос», издававшейся подотделом Союза при штабе 2-й армии, на начало июля 1917 г. в члены организации записалось 100 000 офицеров⁴⁷⁰. Эта цифра, безусловно, преувеличена. Вероятнее всего, к моменту ареста членов Главного комитета Союза в связи с выступлением генерала Л.Г. Корнилова речь могла идти о тысячах, но никак не о многих десятках тысяч офицеров, состоявших в Союзе.

Несмотря на широкий спектр задач Союза, определенных уставом, главным видом деятельности его членов стала агитационно-пропагандистская работа. Другие направления легальной работы этой организации пребывали в зачаточном состоянии. Из-за отсутствия финансовых средств и пассивности офицерства в развертывании материальной взаимопомощи это вид деятельности Союза не получил широкого распространения. Офицерам на местах (тем, кто страдал от несправедливых, а то и просто насильственных действий со стороны солдат) отделениями Союза оказывалась моральная поддержка. В ряде отделений предпринимались попытки предоставления юридической помощи. Одним из серьезнейших факторов, ослаблявших эффективность работы офицерских организаций, по свидетельству члена Главного комитета Союза С.Н. Ряснянского, были неподготовленность офицеров и отсутствие конкретных практических установок у местных отделений⁴⁷¹.

Реализация задач Союза в значительной степени осуществлялась с помощью органов печати, как собственных, так и сторонних. Ведущую роль в этом деле играл «Вестник Главного комитета Союза офицеров армии и флота». Впрочем, издавался он нерегулярно, с большими перерывами.

⁴⁶⁹ ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 72. Л. 7

⁴⁷⁰ Офицерский голос. 1917 3 июля.

⁴⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 604. Л. 66.

вами. Первый номер газеты увидел свет 14 июня 1917 г., т. е. по прошествии трех недель с момента организационного оформления Союза. Последний, пятый выпуск газеты помечен 24 августа. С арестом членов Главного комитета после провала корниловского выступления прекратила своё существование и офицерская газета.

Материалы, помещенные в «Вестнике», дают некоторое представление о том, что особенно волновало офицеров в тревожные и трагические дни лета 1917 г. Так, в начале июня во многих российских органах печати был опубликован рапорт поручика 17 железнодорожного батальона Юсуф-Ханова на имя военного министра, а также ответная резолюция А.Ф. Керенского. В рапорте, указывая на свою 12-летнюю службу и боевые заслуги, поручик заявлял, что русская армия полностью разложилась, она «вредна для страны и безопасна для врага», а потому, – писал офицер, – «я служить не могу и не хочу быть предателем России». А.Ф. Керенский отреагировал в довольно резкой форме: «Из действующей армии до конца войны возврата нет. Предателем родины является тот, кто отказывается служить ей. Рапорт поручика Юсуф-Ханова также подрывает дисциплину, как и агитация большевиков. Стыдно»⁴⁷²

Откликаясь на это событие, члены Главного комитета направили в адрес военного министра телеграмму, одновременно обнародовав её в печати. Телеграмма содержала упрек А.Ф. Керенскому в односторонней и, по существу, несправедливой оценке поступка Юсуф-Ханова. Вместе с тем Главный комитет призвал офицеров к мужеству в борьбе с врагом, процитировав слова А.И. Деникина о том, что «русского офицера сменить может только смерть»⁴⁷³. Действительно, настроения, подобные тем, которые выплеснулись на страницу рапорта упомянутого поручика, испытывали тогда многие офицеры, и члены Союза стремились морально поддержать отчаявшихся и павших духом людей, не одобряя, однако, имевших место попыток добровольного разжалования офицеров.

Кроме того, руководство Союза пыталось оказать давление на офицеров, которые способствовали расшатыванию дисциплины в армии, проповедовали интернационалистские взгляды. С этой целью в «Вестнике Главного комитета Союза офицеров армии и флота» была создана рубрика «Черная доска», где назывались фамилии командиров, чье поведение, с точки зрения членов организации, было недостойно звания офицера русской армии. Например, прапорщик 685-го Лагинщинского

⁴⁷² Речь. 1917. 7 июня.

⁴⁷³ Вестник Главного комитета Союза офицеров армии и флота. 1917. 14 июня.

пехотного полка Дмитриев попал в «черный» список за призывы к заключению мира, инспирирование выступлений солдат против офицеров и начальника дивизии⁴⁷⁴

Редакция центрального печатного органа Союза, как и другие периодические издания, которые использовались этой офицерской организацией в пропагандистских целях, информировала читателей об изменениях политической ситуации, касавшихся армейской жизни. С назначением на пост Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова тон публикуемых материалов и редакционных статей стал оптимистичнее, а критика существовавших революционных порядков в стране и армии более непримиримой. Например, в телеграмме подотдела Союза при штабе Северного фронта на имя Л.Г. Корнилова говорилось: «Мы верим, что голос Ваш пробудит в сознании власть имущих чувство ответственности за судьбу отечества. При наличности её должна кончиться власть безответственных органов»⁴⁷⁵ «Вестник Главного комитета Союза офицеров армии и флота» выражал полную поддержку курсу нового главнокомандующего, а также положительно отзывался о мерах Временного правительства, удовлетворявших требованиям Л.Г. Корнилова. В этом руководство Союза видело «залог успеха и надежду на возрождение армии и спасение России»⁴⁷⁶.

Одной из форм деятельности Союза являлись прямые обращения к военному министру с целью побудить его принять те или иные меры для защиты интересов офицерства и укрепления боеспособности войск. Так, в июне Главный комитет высказывал свою тревогу в связи с незаконными решениями Советов об увольнении и отпусках солдат на полевые работы, предлагал свои услуги на предмет планировавшейся переработки актов по реорганизации армии, выступал с иными инициативами. А, например, 10 июля А.Ф. Керенскому была отправлена телеграмма следующего содержания: «По полученным в Главкомитете Союза офицеров сведениям в тюрьмах Гельсингфорса до сего времени томятся десятки офицеров армии и флота. По тем же сведениям Гельсингфорсский исполнительный комитет противодействует Временному правительству в деле учреждения Временного военно-морского суда. Главкомитет просит Вас, господин министр, приказать сообщить, в какой мере соответствуют действительности вышеизложенные сведения. В утвердитель-

⁴⁷⁴ Там же. 12 июля.

⁴⁷⁵ Свобода в борьбе. 1917 30 июля.

⁴⁷⁶ Вестник Главного комитета Союза офицеров армии и флота. 1917 24 авг

ном случае, какие принимаются и будут приняты меры в целях направления дел в законном установленном порядке»⁴⁷⁷

К середине 1917 г в широких кругах российской общественности наметился определенный перелом в оценке положения командного состава армии. В печати появились статьи видных деятелей культуры, обращавшие внимание на крайне неприглядные моменты армейской действительности. Одной из первых откликнулась на злобу дня московская общественно-политическая и литературная газета «Свобода». 26 июня известный писатель М.П. Арцыбашев опубликовал здесь статью «Последняя ставка», в которой говорилось о несправедливости гонений на командный состав армии под предлогом контрреволюционных настроений офицерства. М.П. Арцыбашев, ссылаясь на факт беспримерной гибели офицерства в июньском наступлении, восклицал: «И если после этого не прекратится травля, если найдутся негодяи, швыряющие камнями и грязью в русского офицера, народ обязан сам оградить честь своих лучших сынов и расправиться с оскорбителями»⁴⁷⁸ Главный комитет Союза офицеров выразил благодарность писателю за его освещение «честной работы офицеров при нынешних бесконечно тяжелых условиях в армии»⁴⁷⁹

Не без расчета на широкий общественный резонанс была оставлена встреча руководителей Союза офицеров и А.В. Колчака. 1 июля офицерская делегация посетила адмирала в Петрограде и вручила ему золотое оружие, которое А.В. Колчак, не желая уступать требованиям матросов Севастополя о разоружении командного состава, бросил в волны Черного моря. Кортик, поднятый с морского дна и возвращенный владельцу, теперь был украшен надписью «Рыцарю чести Александру Колчаку от Союза офицеров армии и флота».

Местные подразделения Союза на своих собраниях принимали постановления, в которых выдвигались требования обеспечить действие принципа единоначалия, четко разграничить обязанности солдатских комитетов и офицеров, прекратить разрушение дисциплины и необоснованные нападки на командный состав армии. На первых порах эти постановления направлялись в адрес Главного комитета в надежде на его возможности и авторитет. Так, в документе, принятом 28 июня 1917 г отделением Союза при штабе 11-й Сибирской стрелковой дивизии, го-

⁴⁷⁷ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 16. Л. 332.

⁴⁷⁸ Свобода. 1917 26 июня.

⁴⁷⁹ Там же. 17 июля.

ворилось: «Довести настоящую резолюцию до сведения Главного комитета Союза, прося его настоять на скорейшем проведении в жизнь истинных и согласованных с духом военной службы начал дисциплины»⁴⁸⁰ Однако усилия Главного комитета по реализации офицерских требований успехом не увенчались. Даже попытки побудить А.Ф. Керенского отреагировать на самые вопиющие случаи насилий над офицерством (например, в связи с жестоким убийством солдатами героя войны генерала Носкова) остались без внимания. «Мы ответа на это не получили», – с горечью писал позднее председатель Союза Л.Н. Новосильцев⁴⁸¹.

Очень скоро на местах убедились, что выполнение требований офицерства практически не зависело от возможностей Главного комитета Союза, а определялось ситуацией в высших эшелонах власти. Поэтому в своих постановлениях офицеры стали предъявлять претензии непосредственно Временному правительству. Например, довольно резкая резолюция Киевского отдела Союза от 17 июля 1917 г. гласила. «Правительство в своих распоряжениях по искоренению создавшейся разрухи в военном ведомстве и реорганизации армии, как в тылу, так и на фронте, обязано проявить твердость независимой правительственной власти, не смущенной безответственными влияниями, которые приняла не случайный, а постоянный характер... правительство (в ходе реформирования вооруженных сил. – В.К.) должно руководствоваться мнением действующей армии» и т. д.⁴⁸²

Во второй половине июля – августе 1917 г. работа руководства офицерской организации заметно активизировалась. Однако её характер свидетельствовал о том, что Союзу не удавалось оставаться в стороне от реальной политической борьбы. Это, по существу, стало реакцией на утрату доверия значительной части офицерства к Временному правительству, которое проявило беспомощность перед захлестнувшей армию волной разложения. В поисках политических партнеров Главный комитет Союза установил контакты как с отдельными деятелями правой ориентации, так и с рядом организаций, в числе которых были Военная лига и Республиканский центр. Члены Главного комитета приняли участие в работе московского Государственного совещания. Примечательно, что генерал А.М. Алексеев, выступивший с речью на одном из заседаний, попал на этот форум благодаря избранию делегатом от офицер-

⁴⁸⁰ ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 72. Л. 19.

⁴⁸¹ Там же. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 9. Л. 27.

⁴⁸² Там же. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 72. Л. 69.

ского Союза, а подполковник Л.Н. Новосильцев даже отказался от собственного выступления в пользу увеличения времени доклада бывшего Верховного главнокомандующего⁴⁸³

В августе 1917 г решение проблем армии всё больше связывалось руководством Союза с подготовкой масштабной силовой акции и установлением в стране военной диктатуры. Наиболее активные члены Главного комитета, включая председателя Союза Л.Н. Новосильцева, при выборе приоритетного направления своей работы, безусловно, учитывали низкую эффективность легальных способов деятельности, а также недостаточный общественно-политический вес офицерской организации. Действительно, как справедливо заметил позже А.И. Деникин, Союз «за первые три месяца своего существования... не успел пустить глубоких корней в армии»⁴⁸⁴

В итоге руководство Союза всё чаще прибегало к закулисным политическим маневрам и приняло непосредственное участие в технической подготовке неудавшегося выступления генерала Л.Г. Корнилова. Идея военной диктатуры, которая нашла активную поддержку со стороны лидеров Союза офицеров, разделялась в русской армии также командирами среднего и низшего звена, как в тылу, так и на фронте. Можно согласиться с исследовательницей В.Н. Романишиной, которая подчеркивает, что в момент выступления генерала Л.Г. Корнилова против Временного правительства «значительное большинство офицеров и ряд представителей Генерального штаба поддержали бывшего Верховного главнокомандующего»⁴⁸⁵. Однако следует учитывать, что многие из них тогда попросту не имели возможности открыто и успешно действовать. Многие же вообще выражали сомнение относительно реальных шансов на победу сторонников диктатуры в конце лета 1917 г., усматривая главную причину неудачи в настроениях самой армии, а точнее многомиллионной солдатской массы. Понимали это и некоторые видные политики из правого лагеря. Так, в ходе заседаний ЦК кадетской партии, состоявшихся 11–12 августа 1917 г., с соответствующим заявлением выступил известный историк А.К. Дживелегов. Он говорил: «Военная диктатура не

⁴⁸³ «Единственный выход – военная диктатура». Из воспоминаний Л.Н. Новосильцева – председателя Союза офицеров армии и флота. Июнь – август 1917 г // Исторический архив. 1994. № 1. С. 95.

⁴⁸⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты... С. 368.

⁴⁸⁵ Романишина В.Н. Офицерский корпус русской армии в 1917 году // Свободная мысль. 2007. № 8. С. 139.

решается в нашем собрании: в войске нет элементов, на к[о]т[орые] м[о]гла б[ы] опереться диктатура, перережут всех офицеров»⁴⁸⁶.

Офицерство, осуждавшее революционные порядки, обвиняло солдат в том, что в их сознании возобладали не ценности общенационального масштаба, а интересы тех социальных групп, к которым низы армии принадлежали ранее. Так, в художественных очерках «Офицеры» А.И. Деникин, характеризуя настроения солдатской массы летом 1917 г., писал: «Революция не могла преобразить её сразу ни умственно, ни духовно. Но, оглушив потоком новых слов, открыв перед ней неограниченные возможности, вывела её из состояния равновесия, сделала её нервно восприимчивой и бурно реагирующей на все способы внешнего воздействия. Бездна слов – морально высоких и низменно преступных – проходила сквозь их самосознание, как через сито, отсеивая в сторону всю идеологию новых понятий и задерживая лишь те крупницы, которые имели реальное прикладное значение в их повседневной жизни, солдатском, крестьянском, рабочем обиходе»⁴⁸⁷.

Рассматривая проблему «жизни сознания» армейских низов в революционную эпоху под своеобразным углом зрения, Деникин фактически вышел на проблему их социальной идентичности. Действительно, после падения монархии началось массированное внедрение в сознание солдатской массы революционных по характеру ценностей и идеалов, которое интенсивно осуществлялось эсерами, меньшевиками, большевиками и околопартийными социалистами. В итоге, если рассматривать сознание выходцев из крестьянства и рабочего класса, облаченных в военный мундир, можно говорить о наличии как минимум трех социально и политически значимых идентичностей, которые по-своему определяли особенности поведения этих социальных слоев на протяжении 1917 г. Первая идентичность – солдат, воин; вторая – крестьянин или рабочий; третья – революционер, интернационалист, защитник интересов и чаяний всех эксплуатируемых и угнетенных. Неопределенная, изменчивая иерархия этих ролей, отсутствие их четкой соподчиненности как раз и приводили к превращению сотен тысяч солдат в массу маргиналов.

Примечательно, что после падения монархии сам революционный дискурс, содержание речей и воззваний революционных партий, органи-

⁴⁸⁶ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. Т. 3. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М., 1998. С. 385.

⁴⁸⁷ Деникин А.И. Офицеры. Киев, 1993. С. 12.

зационные мероприятия социалистов по созданию Советов различного типа способствовали не только возникновению идентичности революционера-гражданина, но и параллельно реанимировали и усиливали в солдатской среде чисто крестьянскую либо пролетарскую идентичность.

В отношении крестьян особенно преуспели эсеры. Видный историк революционных событий 1917 г. В.И. Старцев описал данный процесс следующим образом: «Большинство тогдашних солдат были крестьянами. И дома их ждала земля. Вернее, приращение земли. Ведь главным требованием крестьянства в Европейской России было ликвидировать помещичье землевладение и передать всю землю тем, кто её обрабатывает. Это требование оформляла миллионная партия эсеров»⁴⁸⁸

Нет нужды объяснять, что все три идентичности или социальные роли, которые выходцы из крестьян так или иначе воплощали в своем социальном поведении, чаще всего находились в противоречии друг другу. В ходе революции поочередно возникали различные варианты разрешения социально-ролевого конфликта. Так, солдат-крестьянин, в массе своей не желавший воевать на фронте, не был чужд представлений о себе как о человеке, выполняющем важную революционную миссию, человеке, отстаивающем свободу и демократические завоевания народа. По той же причине он иногда с готовностью и энтузиазмом откликался на призывы к вооруженной борьбе с контрреволюцией. Именно эта позиция солдатских масс во многом предопределила исход событий конца августа 1917 г.

Тот факт, что после неудачи корниловского выступления идея военной диктатуры не только не потеряла своей привлекательности среди офицерства, но и приобретала всё больше сторонников, отнюдь не парадокс. Дальнейшее разложение армии, дезертирство, нежелание солдат воевать и их стремление вернуться к прежним занятиям полностью разрушило миф социалистов о возможности иметь армию, дисциплина которой зиждется на одной лишь революционной сознательности. Поэтому последним шансом сохранить войско и закончить войну победоносно вместе с союзниками оставалась перспектива установления в стране военной диктатуры.

С арестом в начале сентября 1917 г. генерала Л.Г. Корнилова и ряда его сторонников, включая членов Главного комитета Союза офицеров армии и флота, в Быхове – месте заключения узников – на повестку дня был поставлен сакраментальный вопрос: что делать? Генералы

⁴⁸⁸ Старцев В.И. Человек с ружьем в Октябре... С. 153.

и офицеры-корниловцы спорили о том, не следует ли создать особую «корниловскую» политическую партию? В итоге большинство поддержало точку зрения А.И. Деникина, который в полном соответствии с традициями офицерской корпорации фактически выступил против жесткой привязки усилий контрреволюционного движения к определенной партийной платформе. Деникин полагал, «что имя Корнилова должно стать знаменем, вокруг которого соберутся общественные силы, политические партии, профессиональные организации — все те элементы, которые можно объединить в русле широкого национального движения в пользу восстановления русской государственности. Что, став в стороне от всяких политических течений... нужно лишь восполнить пробел прошлого и объявить строго деловую программу — не строительства, а удержания страны от окончательного падения»⁴⁸⁹ Такая постановка проблемы будущей борьбы офицерства и его союзников из числа противников разрастания революционной стихии отражала традиционную установку офицерской корпорации на аполитичность. В новых условиях это означало отказ армии следовать курсу какой-либо отдельной политической партии, и более того, предполагало, что армия сама во главе со своим вождем станет самостоятельным вершителем судеб России. В этом контексте «быховцы» и сформулировали планы своих будущих действий.

В изложении генерала Деникина Быховская (Корниловская) программа заключала следующие пункты:

«1) Установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций — впредь до Учредительного собрания.

2) Установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций.

3) Война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достояние и жизненные интересы России.

4) Создание боеспособной армии и организованного тыла — без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной.

5) Обеспечение жизнедеятельности страны и армии путем упорядочения транспорта и восстановления продуктивности работы фабрик и заводов; упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством.

⁴⁸⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г — апрель 1918 г М., 1991. С. 97–98.

6) Разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного собрания»⁴⁹⁰.

Появление Быховской программы стало знаковым событием в истории российского офицерства. Этот документ, по сути дела, – плод осмысления социального опыта, который получил командный состав русской армии с момента падения монархии и который показал, что в условиях сложившейся системы власти попытки офицерства отстаивать свои позиции, играя по правилам штатских политиков, не приносят желаемых результатов. Содержание программы свидетельствовало о том, что традиционный образ мышления, укорененный в коллективном сознании офицерства, возобладал над стратегиями политических партий: здесь ни одному политическому течению не отдавалось предпочтение в отношении приверженности его принципам и установкам.

Вместе с тем в Быховской программе нашли отражение основополагающие принципы идеологии, которую впоследствии возьмут на вооружение российские военно-диктаторские режимы эпохи Гражданской войны. Главным из этих принципов оказался принцип непредрешенчества, иными словами – отказа от сиюминутного разрешения важнейших политических и социальных проблем вплоть до момента установления в стране порядка и стабильности. Наконец, эта программа позволяла сбросить важнейшие ценности офицерской корпорации, а потому она оказалась приемлемой для значительной части офицерства, стремившегося сохранить армию и своё корпоративное достоинство даже в самых неблагоприятных для этого социально-политических условиях.

⁴⁹⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г – апрель 1918 г М., 1991. С. 98.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Долгий» Февраль 1917 г для российского офицерства оказался этапом, в рамках которого все стороны жизнедеятельности корпорации под воздействием революции стали претерпевать необратимые изменения. Оттого социально-психологический облик дореволюционного офицера столь разительно отличался от «усредненного» портрета офицера времен Гражданской войны. Этот относительно короткий отрезок на шкале исторического времени всей социальной группы отчетливо «высветил» реальный потенциал общественно значимых характеристик и свойств, приобретенных офицерским корпусом русской армии к началу революции 1917 г. И поскольку после падения монархии в России жизненные стратегии представителей офицерской корпорации складывались как сложный синтез накопленных десятилетиями и даже столетиями ценностей, устойчивых представлений, специфических стереотипов мышления и поведения, с одной стороны, и новаций, привнесенных в коллективное сознание офицерства в ходе революционного процесса – с другой, именно время с конца февраля по начало октября 1917 г стало уникальным периодом на историческом пути российского офицерства. Это был переходный период, который не только менял и ломал привычный, пусть и осложненный невиданных масштабов войной, способ бытия социальной группы. Главное – он кардинально влиял на отношение к миру, на отношение к себе, на отношение к смыслу существования корпорации целиком и каждого её члена в отдельности.

Состояние переходности как важнейшая характеристика исторического пути офицерства в условиях революционного кризиса не исключает, а предполагает выделение основных фаз цикла, завершившегося превращением офицерства в ядро антибольшевистского Белого движения. Это в свою очередь означало выход на политическую арену военных, представлявших теперь самостоятельную силу, которая уже не являлась инструментом или орудием чьей-то политики, а сама выстраивала и защищала определенный политический курс.

Первая фаза перехода характеризовалась устойчиво высоким социальным статусом корпорации в социальной структуре российского общества. Государство обеспечивало стабильность существования офицера и вместе с тем добилось к началу XX столетия практически полного

подчинения офицерства принципу аполитичности. Офицерство в своей жизнедеятельности руководствовалось тогда исключительно традиционными установками. Корпоративная ментальность являлась достаточным основанием для регулирования поведения офицера в самых различных жизненных ситуациях. То, что в некоторых исторических исследованиях именуется «офицерской идеологией», в действительности являлось «псевдоидеологией», т. е. идеологией, пригодной лишь для взаимодействия с внешними по отношению к армии социальными структурами. Таким образом, обеспечивая только возможность ограниченного диалога с общественностью, эта идеология никак не влияла на внутреннюю жизнь корпорации.

Вместе с тем ментальность офицерства, вербальным оформлением основополагающих установок которой являлся лозунг «За Веру, Царя и Отечество», серьезно препятствовала формированию в офицерской среде сколько-нибудь развитого политического сознания. В этом отношении офицерство уподоблялось другой большой социальной группе российского общества – крестьянству, сознание которого также не было пронизано идеологическими установками и догматами и которое также накануне 1917 г. продолжало довольствоваться традиционной картиной мира, вырабатывавшейся столетиями. Эта картина мира и соответствующий ей жизненный уклад никак не вписывались в динамично развивавшуюся систему представлений о прогрессе, присущую образованным слоям российского общества.

Окончание фазы, предвалявшей собственно наступление переходного периода, связано с двумя важными обстоятельствами: 1. В ходе Первой мировой войны резко увеличилась численность офицерского корпуса за счет так называемых «демократических» слоев российского социума; 2. К началу 1917 г. заметным явлением в жизни русского офицерства стал возросший интерес к политике, к деятельности оппозиционных правительству сил. Однако источники свидетельствуют о мощном процессе социализации среди лиц, только недавно надевших офицерские погоны; армейский «котел» довольно легко переваривал и изменял сознание новоиспеченных офицеров, заставляя их быстро воспринимать корпоративные ценности, нормы и стереотипы поведения. Вместе с тем интерес к внутренней политической жизни ещё не достиг того уровня, когда офицеры могли бы проводить различие между позициями и установками тех или иных политических партий. Содержание и сущность партийных программ по-прежнему оставалось для военных тайной за семью печатями. И все же стоит отметить главный сдвиг в корпоративном созна-

нии, наступивший к моменту падения монархии: офицерская ментальность перестала целиком определять поступки человека. В первую очередь она уже не могла автоматически блокировать весь комплекс негативных эмоций и суждений о монархе и его окружении, возникших в связи с неудачным ходом войны, промахами самодержавия во внутренней политике и компрометировавшей царскую фамилию распутинщиной.

Крушение самодержавия в России в результате Февральского революционного взрыва знаменовало наступление следующей фазы в истории офицерства. Одновременно с разрушением прежних ценностных ориентаций, фокусировавшихся на метафизических основаниях – Вера, Монарх и Отечество, набирает силу не зависящий от офицерства процесс демократизации армии – авторитарного по способу функционирования государственного института. Всё это повлекло за собой изменение статуса офицера в обществе и явную политизацию корпоративного сознания. Уже в марте 1917 г язык политики, язык идеологии стремительно превращался в поистине всероссийский дискурс, навязывая определенные схемы поведения. С этого времени офицер перманентно пребывает в состоянии нелегкого выбора линии социального поведения. Причем можно было иметь сходную ментальность, происхождение, существовать в одной и той же социальной среде, но выстраивать прямо противоположные жизненные стратегии.

Вторая фаза революционного цикла истории русского офицерства продолжалась вплоть до конца весны 1917 г. В начале этого периода наиболее весомо заявили о себе офицерские организации, ориентировавшиеся главным образом на Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов – Союзы офицеров-республиканцев и Советы офицерских депутатов. Ставка, однако, медлила с решением вопроса о политизации офицерского корпуса в надежде на помощь со стороны Временного правительства. Однако после того как высшие военные круги разочаровались в политике центральной власти, в мае 1917 г. состоялся офицерский съезд в Могилеве, который четко противопоставил свою позицию поведению так называемой «революционной демократии» в лице Советов и войсковых комитетов. Суть этой позиции заключалась в определении первоочередной задачи офицерства как борьбы с развалом армии, что только и могло, по мнению её патриотически настроенных вождей, уберечь Россию от позорного поражения в войне и вытекавших из этого факта последствий. Итогом работы съезда стало создание Союза офицеров армии и флота, занявшего ведущее место на правом фланге офицерских организаций.

Весной 1917 г. офицерство принимало участие в политической борьбе и помимо чисто офицерских организаций. Великое множество

представителей некогда единой корпорации расплылось в составе партийных (главным образом социалистических) структур, в Советах, в комитетах общественной безопасности, в войсковых комитетах, органах местного самоуправления. Однако за видимым разнообразием жизненных стратегий и поступков офицеров, ставивших, казалось бы, под сомнение влияние традиций, общепринятых норм и образцов поведения офицерства дореволюционной поры, скрывалась всё же определенная логика действия, носившая непосредственный отпечаток корпоративного самосознания. Проявлялось это в следующем: к какому бы политическому течению в конечном счете ни примыкали офицеры, в основе их политического поведения лежали установки на волевое, авторитарное решение тех или иных проблем. Своего рода «двухъярусное» мышление и поведение, культивировавшиеся ещё со времен военной школы, давали о себе знать, когда офицерство внешне принимало правила игры штатских профессиональных политиков, но мыслило себе ту или иную ситуацию в иных категориях, соответствовавших духу и букве корпоративных традиций.

Эта особенность ярко проявилась летом 1917 г. в работе таких офицерских организаций, как Военная лига и Союз офицеров армии и флота. Осуществляя контакты с политическими деятелями, используя легальные формы политической борьбы, часть членов этих организаций вместе с тем готовилась к насильственным мерам по изменению характера власти и установлению твердого порядка и дисциплины в войсках. Июнь–август 1917 г. – это третья фаза переходного периода, которая характеризуется попытками офицерства спасти русскую армию от окончательного разложения. Если на начальном этапе эти надежды связывались с подготовкой и осуществлением июньского наступления, то после провала этих планов значительная часть офицерства обратила взоры на нового Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова. Неудача выступления Корнилова в конце августа 1917 г. во многом объясняется спецификой политического мышления высшего офицерства, влиянием той самой офицерской ментальности, которая ослабляла позиции сторонников жестких мер, действовавших прямолинейно и не обладавших достаточными навыками политической борьбы.

После краха корниловского выступления политические настроения, социальное поведение офицерства, которое ещё весной 1917 г. так и не смогло избежать раскола во взглядах на характер происходивших событий и не выработало общей позиции в оценке революционного процесса, отличались достаточно большой пестротой. И здесь важно учитывать особенности исторического времени, точнее временных ритмов всей социальной группы, задаваемых её повседневностью. Последние,

коррелируя с процессами изменений в структурах коллективного сознания, скрепляли и поддерживали наличные психологические установки. Так, офицер, не выходявший из пределов традиционного временного режима, склонен был воспринимать смысл событий 1917 г как бунт обезумевших масс; офицер, близкий по настроениям к прогрессистски ориентированной общественности, следовательно, обладавший иными темпоральными характеристиками сознания, мог видеть в них неизбежную революцию и торжество социальной справедливости. Осенью 1917 г число офицеров, принадлежавших к первой группе, значительно превышало количество сторонников левых политических течений.

Начало следующей, четвертой фазы переходного периода связано с жесткой реакцией солдатских масс на попытку Корнилова захватить власть и вместе с тем ликвидировать установившиеся в армии «свободы». Насилия над офицерством, полное отсутствие дисциплинарной власти в руках командиров, а вместе с этим падение боеспособности армии стали предпосылкой не только критических оценок действительности, но и поиска выхода из возникшего тупика.

В первой половине октября 1917 г в Быхове находившиеся под арестом генералы во главе с Корниловым разработали программу действий на будущее. Так называемая Быховская программа впоследствии оказалась фундаментом политической и военной деятельности Белого движения России. Создание данного документа, по сути дела, означало рождение основ новой идеологии – офицерской идеологии, которая, однако, не походила на своды идеологических установок политических партий. По своему характеру она принадлежала к разряду контридеологий, поскольку была ориентирована прежде всего на вооруженную борьбу с политическим противником. Поэтому программа принципиально не содержала положений о тех или иных преобразованиях в жизни страны, не провозглашала приверженности лозунгам той или иной политической партии. В целом эта была программа борьбы, а не строительства нового государства, и в её пунктах четко прослеживались особенности традиционной армейской психологии. Одновременно это и шаг в сторону её идеологизации, что в свою очередь противоречило тем же традициям. В итоге создание Быховской программы стало важным рубежом эволюции политического сознания офицерства в 1917 г. Это событие ознаменовало окончание своеобразного переходного периода в истории российского офицерства как особой социальной группы, стало окончанием «долгого» Февраля в историческом временном континууме офицерской корпорации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
ГАТО – Государственный архив Томской области.
ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области.
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан.
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
РГВА – Российский государственный военный архив.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского флота.
ЦГА СПб – Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга.

Технический редактор *Н.В. Москвичёва*

Редактор *Л.Ф. Платоненко*

Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 29.12.2011. Формат бумаги 60x84 1/16.

Печ. л. 16,25. Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 16,5.

Тираж 500 экз. (1-й завод – 150 экз.). Заказ 9.

Издательство Омского государственного университета

644077, Омск-77, пр. Мира, 55а

Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ

644077, Омск-77, пр. Мира, 55а